

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

2

1987

Военный юрист гарнизона подполковник юстиции А. В. Сухомлинов разъясняет солдатам требования закона по сохранности боевой техники.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

2 (194) ФЕВРАЛЬ 1987
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

**Ежемесячный
научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР**

**Издательство
«Правда»
Москва**

**Главный редактор
В. М. Сиренко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**С. И. Бабошко,
Г. К. Большакова (заместитель
главного редактора),
Б. В. Заботин, И. Н. Кузнецов,
В. Д. Поволяев, А. М. Рекунков,
И. С. Самощенко, П. И. Седугин,
Ю. С. Семенов, Е. В. Смирнова,
А. Я. Сухарев, А. А. Требков,
А. М. Филатов.**

Главный художник В. В. ВАНТРУСОВ.

Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА.

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

В НОМЕРЕ

В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ КПСС

О делах и людях птицефабрики в Литве, об их высокой личной ответственности читайте очерк публициста С. Александровича «Цыплята по-кайшядорски».

Обман, обвес, обсчет. Что следует сделать, чтобы они исчезли из нашей повседневной жизни! О рейде на предприятиях торговли и общественного питания читайте материал «Частный случай?»

Нельзя стоять в стороне, когда рядом чернят доброе имя честного человека. Об этом размышляет в очерке «Навет или заблуждение?» журналист Алексей Аносов.

Истцы, ответчики, подсудимые... Сколько их проходит перед судьей! А ведь суда могло и не быть. Своими наблюдениями делится народный судья В. Мальгин.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ КПСС. Постановление «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» 4

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Лично ответствен

9

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ!

С. АЛЕКСАНДРОВИЧ. Цыплята по-кайшядорски. Социально-правовой очерк

11

СТРОКА КОНСТИТУЦИИ

Защита Отечества. Фоторепортаж.

21

НЕТРУДОВЫМ ДОХОДАМ — НАДЕЖНЫЙ ЗАСЛОН

Частный случай! Рейд журнала

28

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. НАУМОВ, А. САХАРОВ. Предупреждение преступлений и уголовный закон

38

КОМАНДИРОВКА ПО ТРЕВОЖНОМУ ПИСЬМУ

А. АНОСОВ. Навет или заблуждение! Очерк

43

СОБЕСЕДНИК

Продукт № 1. Беседа корреспондента журнала со специалистами-хлебопеками

56

В. МАЛЬГИН. Суда могло не быть. Записки судьи	60
ПОЧТОВЫЯ ЯЩИК «ЧиЗ»	
За нечестные рубли — к ответу	67
Меры приняты	69
■	
ИНФОРМАЦИЯ. КОНСУЛЬТАЦИИ. ОТВЕТЫ	
НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	
О внесении дополнений в Положение о въезде в Союз Советских Социалистических Республик и о выезде из Союза Советских Социалистических Республик. Постановление Совета Министров СССР	71
ПРАВО: ОТ А ДО Я	
Аттестация рабочих мест	74
ПРАВОВЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ	
Порядок, единый для всех	76
ПРОЧИТАЙТЕ — МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ	
Беспризорный трактор	78
■	
ЗАКОН. КОЛЛЕКТИВ. СПРАВЕДЛИВОСТЬ	
С. ПАРШИКОВ. Поймать ветер в паруса	79
■	
ТАМ, ГДЕ ПОПИРАЕТСЯ ПРАВО	
В. СЕРГЕЕВ. Робин Гуд наизнанку	85
С. БУТКОВ, А. ЧУРКИН. Нокаут за рингом	90
■	
В. ПОВОЛЯЕВ. Лисица на пороге. Повесть. Продолжение	93
■	
Н. НИКОЛЬСКАЯ. Вид на жительство. Фельетон	124
■	
Знаете ли вы право! Кроссворд	127

НА ОБЛОЖКЕ:

Первая страница

Слушатель Военной академии имени Фрунзе майор А. В. Черножуков. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении интернационального долга в Афганистане, Александр Викторович удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Четвертая страница

Зимний фотоэтюд.

Фото в номере В. З и м и н а

В номере

В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ КПСС

О ДАЛЬНЕЙШЕМ УКРЕПЛЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА, УСИЛЕНИИ ОХРАНЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

В постановлении, принятом по этому вопросу, Центральный Комитет КПСС отмечает, что проведение утвержденного XXVII съездом партии курса на ускорение социально-экономического развития, демократизацию всех сторон общественной жизни, повышение творческой активности масс неотделимо от укрепления социалистической законности и правопорядка, обеспечения надежной охраны конституционных прав и законных интересов советских граждан, строгого соблюдения принципов социальной справедливости. В соответствии с установками съезда последовательно осуществляются меры законодательного, организационного и воспитательного характера, направленные на упрочение правовой основы государственной и общественной жизни, социалистической дисциплины, искоренение приписок и очковитательства, преодоление пьянства и алкоголизма, усиление

борьбы с извлечением нетрудовых доходов, различными правонарушениями, с бюрократизмом. Они получили единодушную поддержку в народе и значительно способствуют оздоровлению всей атмосферы в обществе.

Однако работа, направленная на обеспечение социалистической законности и правопорядка, охрану прав и законных интересов граждан, не является еще достаточно эффективной и не в полной мере отвечает требованиям времени, современного этапа коммунистического строительства. В повседневной практике государственных и хозяйственных органов нередко допускаются серьезные отклонения от правовых норм, особенно при решении различных вопросов, затрагивающих жизненные интересы людей. Довольно распространенный характер носят нарушения трудового законодательства, установленного порядка распределения жилья,

правил наложения штрафов и других административных взысканий. Ослаблена борьба с посягательствами на государственную и общественную собственность, с другими корыстными преступлениями. Только этим можно объяснить, что в ряде республик и областей, министерств и ведомств в течение длительного времени безнаказанно действовали группы расхитителей и взяточников, которые сейчас разоблачены. Подобные явления в корне противоречат интересам советского общества, несовместимы с социалистическим образом жизни, и с ними нужно активно и бескомпромиссно бороться.

Рассматривая неуклонное соблюдение законов, дальнейшее усиление гарантий прав граждан и охраны их законных интересов как необходимое условие нормального функционирования советской политической системы, развития нашей государственности, углубления социалистического самоуправления народа, ЦК КПСС обязал ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы, окружкомы, горкомы, райкомы партии широко развернуть и последовательно, целеустремленно вести работу по обеспечению строгого соблюдения социалистической законности, прав граждан, рассматривая это как одну из важных, неотъемлемых сторон осуществляемой перестройки.

Партийные комитеты наряду с Советами народных депутатов несут всю полноту ответственности за состояние законности и правопорядка на своей территории. Они призваны постоянно держать эти вопросы в поле зрения, направлять и координировать усилия партийных организаций, государственных учреждений, правоохрани-

тельных органов, всей общественности по искоренению и предупреждению любых отступлений от требований закона, всякого рода действий, ущемляющих права граждан, активно использовать в этих целях организационные, экономические, идеологические и правовые средства.

ЦК КПСС подчеркнул необходимость уделять неослабное внимание правовому воспитанию трудящихся, формировать у них глубокое понимание единства прав и обязанностей, высокую гражданственность, уважение к советским законам и правилам социалистического общежития, непримиримость к любым нарушениям социалистической законности. Постоянно заботиться об улучшении правовой подготовки руководящих кадров и специалистов, рассматривая это как необходимое условие повышения их деловой квалификации. Воспитывать у всех советских людей убежденность в том, что прочная законность, сознательная дисциплина являются неотъемлемой частью нашей демократии, дальнейшее развертывание которой активно способствует развитию всех сторон экономической и социально-политической жизни советского общества.

Как отмечается в постановлении, каждый случай нарушения законности, кем бы он ни допускался, должен получать принципиальную острую оценку, подвергаться суровому осуждению, а лица, виновные в этом, по всей строгости наказываться. При этом необходимо настойчиво проводить в жизнь требования Устава КПСС о двойной ответственности коммунистов за нарушение закона — перед государством и перед партией. По отношению к тем, кто пытается попира-

советские законы, права граждан, не может и не должно проявляться либерализма, никакой снисходительности.

ЦК КПСС считает необходимым значительно поднять ответственность всех звеньев Советов народных депутатов, их исполнительных и распорядительных органов за неукоснительное соблюдение законов государственными учреждениями и хозяйственными организациями, должностными лицами, всеми гражданами, за обеспечение охраны общественного порядка на своей территории. Решительно должны преодолевать любые проявления бюрократизма и волокиты, бездушного, казенного отношения к людям, к удовлетворению их законных интересов и требований.

Местные Советы народных депутатов призваны самым активным образом влиять на деятельность подведомственных им органов внутренних дел и юстиции, обеспечивать систематическое рассмотрение на сессиях, заседаниях постоянных комиссий, исполкомов, в трудовых коллективах и по месту жительства отчетов и сообщений руководителей этих органов. Неослабное внимание следует обращать на повышение четкости, культуры в работе нотариальных контор, коллегий адвокатов, юридических консультаций, местных подразделений госавтоинспекции, участковых инспекторов, патрульно-постовых и паспортных служб милиции.

Нужно настойчиво добиваться усиления роли органов народного контроля, а также товарищеских судов, добровольных народных дружин, обществ борьбы за трезвость и других общественных организаций в деле укрепления законности, повышения активности каждого

советского гражданина в исполнении своих конституционных обязанностей по охране социалистической собственности и общественного порядка.

Признана необходимой перестройка работы судов, прокуратуры, милиции и других правоохранительных органов с тем, чтобы они надежно обеспечивали защиту интересов государства и прав граждан, еще эффективнее вели борьбу с правонарушениями и преступностью, были тесно связаны с трудящимися, служили подлинным образцом строжайшего соблюдения законности.

ЦК КПСС обязал председателя Верховного Суда СССР т. Теребилова В. И., Генерального прокурора СССР т. Рекункова А. М., министра внутренних дел СССР т. Власова А. В., министра юстиции СССР т. Кравцова Б. В., Главного государственного арбитра СССР т. Анисимова Е. В. настойчиво устранять недостатки в деятельности соответствующих правоохранительных органов, улучшить руководство ими, всемерно повышать требовательность к кадрам за безупречное исполнение своего служебного долга, постоянное совершенствование профессиональной подготовки. Парткомам и партийным бюро правоохранительных министерств и ведомств предложено поднимать ответственность коммунистов аппаратов, в том числе и руководящих кадров, за их личный вклад в осуществление перестройки, устранение недостатков на порученных участках.

Центральный Комитет партии потребовал решительно покончить с проявлениями предвзятости, тенденциозного подхода при проведении дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства, волокиты, черствости, безразли-

чия к судьбе людей. Из практики работы правоохранительных органов должны быть полностью исключены факты необоснованных задержаний и арестов, незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности. Каждый такой случай следует расценивать как чрезвычайное происшествие, и по нему должна проводиться тщательная проверка с принципиальными и строгими выводами.

Обращено внимание партийных комитетов на необходимость усиления политического руководства правоохранительными органами. Осуществлять контроль за их деятельностью, повышать ответственность за четкое выполнение возложенных на них функций. ЦК КПСС указал на то, что при этом не должно допускаться вмешательства с чьей бы то ни было стороны в расследование и судебное разбирательство конкретных дел.

Нужно проявлять постоянную заботу об улучшении качественного состава и воспитания кадров правоохранительных органов, строго следить за тем, чтобы на работу в суды, прокуратуру, органы внутренних дел и юстиции отбирались политически зрелые, безупречные в нравственном отношении люди, сочетающие в себе высокую профессиональную подготовку с гражданским мужеством, неподкупностью, обостренным чувством справедливости. С этой целью следует расширить практику приема на работу в эти органы лиц, направляемых трудовыми коллективами, партийными и комсомольскими организациями, неустанно воспитывать работников правоохранительных органов в духе глубокого уважения к закону, подлинной гуманности, самоотверженного

и бескорыстного служения народу.

ЦК КПСС считает необходимым повышать боевитость первичных партийных организаций, действующих в судах, учреждениях прокуратуры, юстиции и госарбитража, подразделениях органов внутренних дел, постоянно нацеливать их на то, чтобы они активно влияли на совершенствование работы аппарата по соблюдению советских законов, выполнению директив партии и правительства, особое внимание уделяли укреплению служебной дисциплины среди личного состава.

Министерствам и ведомствам предложено неуклонно повышать ответственность руководителей предприятий, учреждений и организаций за соблюдение государственной и договорной дисциплины, трудового законодательства, законов об охране социалистической собственности, борьбе с приписками, выпуском недоброкачественной продукции, бесхозяйственностью и расточительством. Надо настойчиво добиваться, чтобы правовые рычаги, ведомственный контроль, кадровые и юридические службы, вся правоприменительная практика эффективно помогали развитию социалистической предприимчивости, устранению узковедомственных, бюрократических помех, тормозящих научно-технический прогресс, становились прочным заслоном всему, что противоречит принципам социалистического хозяйствования. Требуется навести должный порядок в утверждении инструкций и издании приказов нормативного характера, обеспечить соответствие ведомственных актов действующему законодательству, своевременно пересматривать устаревшие положения.

ВЦСПС, отраслевым комитетам профсоюзов, республиканским, краевым, областным, городским советам профсоюзов, первичным профсоюзным организациям рекомендовано активизировать деятельность по защите законных интересов трудящихся, надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства, при расторжении трудовых договоров по инициативе администрации проводить тщательные проверки обоснованности принимаемых решений, проявлять твердость и последовательность в случаях нарушения установленного порядка, не допускать незаконного увольнения работников. Необходимо повысить роль технических и правовых инспекций профсоюзов в улучшении условий труда, соблюдении норм трудового законодательства. Шире привлекать к участию в их работе активистов из среды самих трудящихся.

Академия наук СССР, Минвуз СССР, научно-исследовательские институты и учебные заведения правоохранительных органов призваны повышать уровень научных исследований, активнее разрабаты-

вать актуальные вопросы упрочения законности, укреплять связи юридической науки с практикой, совершенствовать подготовку юридических кадров и систему правового обучения в школах, профтехучилищах, техникумах и вузах.

Редакция центральных и местных газет и журналов, телевидения и радиовещания рекомендовано систематически освещать опыт работы партийных, советских, хозяйственных, правоохранительных органов и общественных организаций по укреплению социалистической законности и правопорядка, использованию правовых методов в перестройке хозяйственной деятельности. Средства массовой информации, отмечается в постановлении, призваны своими выступлениями формировать у людей глубокое уважение к закону, на конкретных жизненных примерах убедительно показывать, что неукоснительное соблюдение требований законодательства отвечает как интересам общества в целом, так и каждого советского человека, является решающим фактором прочного правопорядка, неизбежности прав граждан.

ЛИЧНО ОТВЕТСТВЕН

Первое, на что обращаешь внимание при знакомстве с редакционной почтой,— ответственное отношение авторов писем к делам родного коллектива и своего предприятия. Рабочий и сельский механизатор, учитель и инженер-конструктор ведут заинтересованный рассказ о деле, которому служат.

Короткие, в несколько строк, или подробные, в несколько страниц, письма, подкрепленные примерами из жизни, размышлениями о том, как повысить трудовой вклад каждого в общее дело, каковы причины, мешающие рабочему человеку реализовать свое право хозяина производства, хозяина страны.

Перестройка неотложна и необратима, она касается всех и каждого. От рабочего до министра, от инженера до академика. Процесс обновления идет одновременно сверху и снизу. Потому каждый из нас на своем рабочем месте должен спросить себя: а что и как я делаю сам?

Лучшие производственники во многих трудовых коллективах страны уже сейчас могут достойно ответить на этот вопрос. И их ответ — в конкретных делах, в тех результатах, которые достигнуты на рабочих местах. Мы познакомили читателей с такими людьми, как председатель колхоза «1 Мая» из Азербайджана Шамама Гасанова, председатель исполкома Старояшкинского сельского Совета Грачевского района Оренбургской области Валентина Алексенцева. Особых секретов в их работе нет. Зато есть главное: высокая степень дисциплины, инициативы и личной ответственности за порученное дело.

О такой вот высокой личной ответственности каждого: от директора до рядовой птичницы, говорится в очерке «Цыплята покайшадорски», опубликованном в этом номере.

Но так обстоит дело не везде. Разве не о бесхозяйственности, отсутствии должной трудовой дисциплины работников и должностных лиц колхоза им. Ильича Климовичского района Могилевской области говорит тот факт, что год назад в хозяйстве пало более ста голов крупного рогатого скота и нанесен ущерб на сумму свыше 24000 рублей?

Перестройка — это интенсификация производства и труда каждого на своем рабочем месте. В этом плане большое значение имеет аттестация рабочих мест. Опыт Днепропетровского комбайнового завода им. К. Е. Ворошилова, над которым шефствует наш журнал, одобрен ЦК КПСС и получает все большую поддержку. Проведя аттестацию, днепропетровцы при увеличении выпуска продукции, повышении ее качества сумели сократить несколько сотен рабочих мест.

К сожалению, можно привести немало примеров и другого рода: незаинтересованности в результатах труда, равнодушного отношения к делу.

В своих письмах в редакцию читатели рассказывают, что много рабочего времени теряется из-за прогулов, опозданий, бесконечных раскаток перед началом работы, задержек с выдачей инструмента, чертежей и материалов, разного рода собраний и заседаний среди рабочего дня. Потерянные минуты сливаются в часы, а по стране в миллионы человеко-дней. И авторы этих писем справедливо ратуют за ужесточение мер ко всякого рода нарушителям, лодырям, пьяницам, разгильдяям. Но последние зачастую придерживаются иного мнения. Как, например, В. В. Дякун, который за появление на работе в нетрезвом виде был переведен по решению правления колхоза «Червона зірка» Васильковского района Киевской области с должности агрохимика в разнорабочие и который требует восстановления на работе в ранее занимаемой должности и оплаты вынужденного прогула.

Требование партии о том, что перестройка должна проходить через рабочее место каждого, заставляет не потребительски, а по-государственному оценить получаемую заработную плату. Сейчас нельзя быть спокойным, не нести ответственность моральную и материальную за выпуск товаров и изделий низкого качества, не находящих сбыта, расписываться в премиальной ведомости, зная о недостатках сошедшей с конвейера машины.

Одной из кардинальных мер, направленных на повышение качества, является введение с 1 января 1987 года государственной приемки продукции на ведущих предприятиях ряда отраслей. Нет сомнения в том, что государственная приемка продукции активно поможет выявлять бракоделов, действительно применять законодательство в отношении лиц, выпускающих некачественную продукцию.

Никто из нас не может оставаться равнодушным к бесхозяйственности, лодырям и бракоделам. Не может быть чьей-то хаты с краю.

Такая, видимо, позиция у рабочих филиала НПО им. Р. Р. Шредера из Узбекистана, которые сообщили нам о том, как пять жилых домов, строительство которых вела ПМК-3 стройтреста № 3 «Узагропромстроя», были приняты государственной приемной комиссией в эксплуатацию с оценкой «хорошо», хотя эти дома, как выяснилось в результате проверки, проведенной Ташкентским областным комитетом народного контроля, имели значительные строительные недоделки и низкое качество работ. Ну а те, кто непосредственно строил, плотничал и штукатурил, разве не ведали, что «творят»?

Человек, который отвечает за судьбу страны, трудится с душой, творчески. И труд его оценивается соответственно по конкретному вкладу в общее дело. Именно на это нацелены хозрасчет, бригадные формы организации и стимулирования труда. Как, например, это делается на производственном объединении «Минский тракторный завод имени В. И. Ленина», о котором «Человек и закон» рассказывал в № 7 за 1986 год.

Ведь сегодня особенно злободневно звучат ленинские слова о том, чтобы каждый «чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны, чтобы он чувствовал на себе ответственность».

«Нельзя быть хозяином страны, не будучи подлинным хозяином у себя на заводе или в колхозе, в цехе или на ферме. Трудовой коллектив обязан за все отвечать, заботиться о приращении общественного богатства. Его приумножение, как и потери должны сказываться на уровне доходов каждого члена коллектива».

Из Политического доклада ЦК КПСС
XXVII съезду партии

ЦЫПЛЯТА ПО-КАЙШЯДОРСКИ

— Обеды бесплатные, а зарплата у всех, как у министров,— рассказывал один из моих соседей по электричке другому.— Очевидно, чтобы к ним на работу попасть, тыща человек, но берут, конечно, только своих. По блату. Вон, смотрите, вон они где находятся.— Говоривший показал пальцем на промелькнувшие вдали за окошком фабричные корпуса.

Поезд начал притормаживать на подъезде к платформе. Я шагнул к выходу. Мне нужно было как раз в те самые корпуса, про которые рассказывал чудеса попутчик,— на Кайшядорскую птицефабрику.

ПОДСКАЗКА СУДЬИ ВИЛУТИСА

— А для мастера — от пятидесяти до ста! До ста, Пятрас!

Из третьего ряда женщина по виду предпенсионного возраста, сложив руки рупором, азартно подсказывала правильный ответ своему коллеге.

— Тишина в зале! — Председатель комиссии грозно постучал карандашом по столу. Но Пятрас уже вспомнил сам.

— Если мастер или начальник цеха скроет факт распития подчиненными спиртных напитков на работе, он может быть оштрафован на сумму от пятидесяти до ста рублей,— сказал он.

На Кайшядорской птицефабрике шел очередной, традиционный конкурс правовых знаний. Шестнадцать команд, представляющих все подразделения фабрики, от инкубатора до фабричного детского сада, вели упорную борьбу за пальму первенства, а вместе с ней и бесплатную путевку в загранпоездку. Накал этой борьбы достиг апогея. Атмосфера в зале, битком забитом болельщиками, живо напоминала КВНы периода расцвета.

Какую административную ответственность влечет распитие спиртных напитков на производстве? Когда и как оплачиваются дорожные расходы учащимся высших и средних специальных учебных заведений? В каком случае может быть предоставлен отпуск работнику, не проработавшему на предприятии 11 месяцев?

По четким, уверенным ответам почти невозможно было поверить, что дают их не юристы, а рабочие и специалисты фабрики. А именно это было обязательным условием конкурса: в состав каждой команды входили начальник подразделения, специалист, бригадир и рабочий. А вопросы, согласитесь, не простые — требующие специальной подготовки.

— Так полгода и готовились, — пояснил Р. Баумилис, юрист фабрики и главный организатор конкурса. Еще летом были сформированы команды, названы основные темы, объявлено письменное домашнее задание. Оно было для всех единым: «Как я понимаю перестройку в нашем цехе». А вот кому достанется какой конкретный вопрос непосредственно по праву — это уже решалось только на самом конкурсе. Готовиться нужно было по всем. И как готовились! Трудовой, уголовный кодексы, кодекс об административных правонарушениях стали, кажется, самой читаемой литературой. Спрос на книги в библиотеке был большой, чем на детективы! Резко прибавилось работы у сотрудников районной прокуратуры и народного суда — им приходилось давать бесчисленные консультации. «Почему «подсказка судьи Вилутиса?» — Римас Баумилис заговорщически наклонился к моему уху. — Да потому, что команду победителей консультировал председатель районного народного суда.

Победителей приветствовал гром оваций. Присутствовавшие на конкурсе юристы — участники Всесоюзного совещания не скрывали своего восхищения. А вот председатель Кайшядорского координационно-методического совета Р. Алимене скорее была им несколько обескуражена.

— Обычный конкурс. У нас в районе много организаций, где такие конкурсы проходят не менее интересно. Азарт? Вы бы видели, что творится, когда соревнования по правовым знаниям проводятся среди руководителей предприятий. Вот где настоящий азарт! Район небольшой, практически все всех или по крайней мере про всех знают. Представляете себе: директор проявил некомпетентность, публично осрамился. Да как ему завтра перед своими сотрудниками показаться.

Конечно, во всем этом — атмосфере, азарте, призах, подчас юмористических, — есть немалый элемент игры, шутки. Ну а если всерьез... Вот уже много лет в Кайшядорском районе практически не поступают в суд иски о восстановлении на работе, нет жалоб по поводу несправедливого разрешения трудовых споров. Взыскания и увольнения случаются, в том числе и на птицефабрике, — о них у нас еще пойдет речь. А вот исков и жалоб нет. «Потерпевшие» знают: с ними обошлись хоть и строго, но по закону. И в том, что ситуация в районе такова, во многом «повинен» широкий правовой

всеобщ. Об одной из его форм — конкурсах правовых знаний — я вкратце рассказал. В числе других, наиболее эффективных — общественные юридические консультации. Тот же Р. Баумилис показывал мне свою книгу учета. В ней — каждый вопрос, с которым приходит работник фабрики. Если вопросы повторяются, Римас немедленно вывешивает на информационную доску справку по интересующей проблеме. Выходят новые законодательные акты, дополнения к действующим — юрист обязательно проходит по цехам, разъясняет суть изменений.

Одним словом, работа юридических служб поставлена здесь хорошо.

Однако при всем уважении к праву вообще и конкурсам правовых знаний в частности стоило ли с них начинать рассказ о Кайшядорской птицефабрике? Ведь не конкурсами этими прославились на всю страну птицеводы из небольшого литовского городка, расположенного между Вильнюсом и Каунасом. Десять лет существует эта фабрика и практически с момента выхода на плановые мощности уверенно лидирует в отрасли по эффективности производства. Неспециалисту в области мясного птицеводства сложно надлежащим образом оценить тысячи тонн и миллионы штук, значащиеся в фабричной статистике. Поэтому не буду пока загружать ими память читателя, а приведу для начала две цифры. Первая: ежесуточный привес цыпленка составляет в среднем по хозяйствам страны 15 граммов. В Кайшядорисе — 30. Вдвое больше — это впечатляет и неспециалиста! Вторая цифра вытекает из первой: многие птицефабрики у нас еще, к сожалению, убыточны, а Кайшядорская в год приносит около 10 миллионов чистой прибыли. И все это на обычном, какое у всех, оборудовании!

Достижения коллектива отмечены многочисленными знаменами, которые хоть и именуются переходящими, но получили в Кайшядорисе, кажется, постоянную прописку. Нескончаемым потоком едут сюда делегации с других птицефабрик страны — изучать, перенимать передовой опыт. Едут — и изумляются четкостью рабочего ритма, которая сродни отлаженному часовому механизму, идеальной чистотой и порядком, мощной базой соцкультбыта.

...И все же стоило начинать именно с разговора о праве. Убежден: высокая правовая культура коллектива Кайшядорской птицефабрики не доведет к прочим достижениям, не частности, порадовавшая в силу ведомственных интересов редакцию журнала «Человек и закон», а одно из серьезных слагаемых общего успеха.

«БЮРОКРАТИЯ» ПО-КАЙШЯДОРСКИ

— А правда ли, — спросил я директора фабрики Болеславаса Парашакаса, вспомнив разговор попутчиков в электричке, — что получают у вас тут все, как министры!

Спросил, ожидая увидеть снисходительную улыбку на лице собеседника.

— Не все, — без тени улыбки ответил директор.

На территории фабрики стоит оригинальная скульптура, неизменно появляющаяся во всех фоторепортажах и буклетах из Кайшядориса, — три цыпленка на высоком постаменте. Местные остроусловы утверждают, что таким аллегорическим способом на века прослав-

лен руководящий триумвират фабрики: директор Б. Паращакас, секретарь партийного комитета К. Петкевичус и председатель профкома Й. Урбонас. Они возглавляют коллектив с самых первых дней его существования. Их усилия, замыслы, энергия легли в основу многих достижений птицефабрики. Но жизнь знает немало примеров того, как коллективы, добившиеся успехов благодаря сильному, энергичному, волевому руководству, быстро начинали катиться под гору с уходом этого руководства. Может быть, отчасти именно это обстоятельство и заставило Паращакаса, Петкевичуса и Урбонаса искать пути к увековечению — не личностей своих, конечно, а замыслов. И не в трех цыплятах на постаменте — в имеющих силу закона документах.

Основным таким замыслом была строжайшая увязка качества работы с ее оплатой, оптимальное сочетание факторов материального и морального поощрения. На момент пуска фабрики средний заработок составлял здесь 150 рублей. В прошлом году — 283! Понятно, что основная зарплата не могла подвергнуться столь резким переменам. Зато тринадцатая... Сегодня ее размеры колеблются приблизительно от пятисот до девятисот рублей. Откуда такие суммы — понятно: постоянное перевыполнение плановых заданий, высокое качество продукции, значительная экономия кормов, рациональное использование трудовых ресурсов. А вот за счет чего появляются такие колебания — это тема для подробного рассказа.

Представьте себе, читатель: вы — работник Кайшядорской птицефабрики и вам объявлена в приказе благодарность. Приятно? Почетно? Это везде, не только в Кайшядорисе. Но здесь это еще значит, что к вашей тринадцатой зарплате прибавится пять процентов. Вспомним цифры: от пятисот до девятисот. Это значит, что благодарность принесет вам от двадцати пяти до сорока с лишним рублей.

Вам вручена Почетная грамота? Плюс еще десять процентов к тринадцатой зарплате. Вашу фотографию поместили на Доску почета? Плюс пятнадцать. Все эти «плюсы» тщательно обсуждены на собраниях в трудовых коллективах, утверждены, записаны в коллективном договоре.

Срабатывают уже не воля и эмоции руководителя, помноженные или поделенные на сиюминутную финансовую ситуацию, — действует заведенный, отлаженный механизм.

В комнате Трудовой славы мне показали красивую папку с надписью: устав Книги почета Кайшядорской птицефабрики. В ней подробно расписано, что кандидат на занесение в эту книгу должен работать на фабрике не менее трех лет, безукоризненно выполнять служебные обязанности, не иметь на своем счету нарушений трудовой и общественной дисциплины, быть ударником коммунистического труда, трижды стать победителем социалистического соревнования, добиться права попасть на Доску почета... Спрашивается, зачем было разводить такую бюрократию?

— Для гарантии, — поясняет председатель профкома Йонас Урбонас. — Дело в том, что человек, занесенный в Книгу почета, получает 20-процентную прибавку к тринадцатой зарплате, причем не одноразово, а навсегда, если он, конечно, не допустит серьезных проступков в будущем. И коллектив должен иметь юридическую гарантию, что «треугольник» не проявит волюнтаризма, не выдвинет волевым решением в силу каких-либо конъюнктурных соображений «своего» человека.

За всю историю фабрики в Книгу почета было занесено всего двенадцать человек. И трудовая биография каждого из них — на виду у всех.

Колебания тринадцатой зарплаты бывают со знаком не только «плюс», но и «минус».

Опоздал на работу — долой пять процентов, объявлено предупреждение — десять, выговор — пятнадцать, строгий выговор — двадцать, перевели на нижеоплачиваемую работу — двадцать пять, прогулял — тридцать. Появление на работе в нетрезвом состоянии влечет за собой потерю пятидесяти процентов тринадцатой зарплаты, хищение социалистической собственности, независимо от суммы похищенного, — ста процентов. В последние два года к этой строгой мере прибегать не приходилось, но на фабрике живо помнят историю птичницы, которой украденный цыпленок обошелся в шестьсот восемьдесят рублей, и трех других работников, которым две резиновые перчатки, набитые свиным жиром (он добавляется в корм), стоили под тысячу восемьсот.

И «минусы» эти, как и «плюсы», не самоволие администрации, а воля коллектива, на практике реализующего Закон СССР о трудовых коллективах, предоставивший ему право «ставить вопросы о привлечении... нарушителей трудовой дисциплины к ответственности... о лишении их полностью или частично премий, вознаграждений по итогам годовой работы...»

Кстати, интересная деталь: во время обсуждения проекта коллективного договора в трудовых коллективах выдвигалось не «сверху», а «снизу» предложение ужесточить меры, применяемые к «несунам», — не только лишать их тринадцатой зарплаты, но и немедленно увольнять с фабрики. Такая позиция, равно как и активная, энергичная работа фабричной добровольной народной дружины, привели к значительному сокращению преступности — все это результат высокой правовой культуры, уважения к Закону.

КАК В ШКОЛЕ УЧИЛИ...

Приехал однажды в Кайшадорис директор одной дальней птицефабрики за опытом. Увидел в числе прочего здешнюю циклограмму. На год (!) вперед для каждого производственного участка все расписано по дням: такого-то числа в таком-то птичнике вывозка навоза, такого-то — дезинфекция, такого-то — размещение новой партии. Увидел — и не поверил. «Ну как вы можете знать, что отсюда, например, — гость ткнул пальцем в первый попавшийся квадратик на схеме, — навоз вывезут именно 15 февраля? А если в этот день водитель на работу не выйдет? Трактор сломается? Да мало ли что еще может случиться! Что тогда делать?»

— Не знаю, — честно ответил Парашакас. — Я директор, а про это у начальника гаража надо спрашивать, что он будет делать, если у него трактор сломается. Вероятно, найдет другой. И водителя другого вызовет. Или еще что-нибудь придумает. Но только пятнадцатого навоз будет вывезен. Потому что шестнадцатого в птичнике запланирована совсем другая работа, а для гаража — совсем другое задание. И про это все знают.

В тот день директор-гость лично убедился, что во всех подразделениях выполняется именно намеченная циклограммой работа.

С тем и уехал домой. А потом прислал письмо. В письме этом он написал, что подробно рассказал своим специалистам про увиденное, но они только руками недоуменно разводят: мол, бывают, конечно, чудеса... В ответ Паращакас пригласил в Кайшядорис всех (1) сразу специалистов той фабрики. Неделью они добросовестно ходили с циклограммой в руках по объектам. Пришлось поверить. Было это почти три года назад. За это время дела на той фабрике резко по-шли на лад. Так что поверили тогда гости не только в кайшядорские чудеса — в себя поверили.

Впрочем, сам Болеславас Паращакас вовсе не считает происходящее у него на фабрике чудесами. Как-то я спросил у него: придет, скажем, завтра на одну из отстающих, убыточных птицефабрик новое, молодое, энергичное руководство, захочет сделать все, как у вас. Что вы ему посоветуете?

— Ничего оригинального, — ответил директор. — Поступать — не одному руководству, а всем работающим, естественно, так, как когда-то учили в школе, — вовремя приходить на работу, добросовестно выполнять свои служебные обязанности на протяжении всего рабочего дня, наконец, вовремя уходить. Это все. Остальное приложится.

Честно говоря, поначалу слова Паращакаса я воспринял как некоторое кокетство удачливого руководителя: мы, мол, люди скромные, но вы и сами должны понимать: вывести хозяйство на такие высоты куда сложнее, чем изречь такую банальную, в сущности, формулу. В конце концов мы все знаем, что все нужно делать, как положено. Во всяком случае, в теории.

Однако для Болеславаса Паращакаса это «как положено» не кокетство, а жизненное кредо. Не теория, а практика, за которую не раз платилась весьма высокая цена...

Говорят, кто старое помянет, тому глаз вон. Тем более что сейчас Кайшядорская фабрика и ее директор на самом лучшем счету и в районе, и в республике. Но было и другое время... Строили фабрику в первой половине семидесятых. И, как это в ту пору нередко случалось, настал момент, когда нужно было рапортовать о выполнении и завершении, закрывать наряды, получать премии. Ну а доделывать недоделанное — потом, после торжеств и наград, так сказать, в рабочем порядке. И Паращакас, без подписи которого обойтись было невозможно, сказал «нет».

«Ничего оригинального: поступать, как в школе учили...»

Его уговаривали, уламывали, взывали к районному патриотизму и инстинкту самосохранения, а он стоял на своем: «Делайте, как положено». И победил.

Как считает сам Паращакас, боролся он не за абстрактный, хотя и безусловно правильный принцип — за конкретное, реальное дело. «Как мы могли потребовать от людей нормального выполнения служебных обязанностей, не создав им для этого необходимых условий? Птичница должна работать птичницей, а не каменщицей, электрик — электриком, а не плотником».

Строительство фабрики было завершено в 1977 году. Двамя годами раньше она уже начала выдавать первую продукцию. Годом позже вышла на полную проектную мощность — 5400 тонн мяса в год. В восьмидесятом было уже на тысячу тонн больше плана.

Отсюда и заработки «министерские», и обеды в фабричной столовой почти бесплатные — по шестьдесят копеек доплачивает се-

годня за обед профсоюз; а свежие овощи из собственных теплиц и вовсе подаются к столу бесплатно и круглый год с одним лишь условием — съесть все, что положил на тарелку; и санаторные и туристические путевки с огромной дотацией; и профилакторий с сауной, бассейном, комплексом регенерации, и много всего другого. Так что случайный мой попутчик не так уж и преувеличивал, расписывая происходящее на фабрике. Интересно, а про устройство на работу «по блату» — это тоже правда?

...И ТОГДА ОН СКАЗАЛ «НЕТ»...

— Правда,— подтвердил Римас Баумилис, который «по совместительству» ведет на фабрике и кадровые вопросы.— Прием у нас ограничен, дефицита в кадрах фабрика не испытывает. Поэтому, кроме «плановых» выпускников ПТУ, стараемся, если появляются вакансии, брать людей по чьей-либо рекомендации. Предпочтение отдаем тем, у кого члены семьи уже работали на фабрике. Практика показала, что они лучше морально подготовлены к четкому и жесткому ритму на фабрике, быстрее втягиваются в него, да и в случае каких-то коллизий жена или отец наведут порядок быстрее и эффективней, чем бригадир или дозорный народного контроля. В настоящее время на Кайшядорской птицефабрике успешно трудится около 70 семей. Есть уже целые династии — Формальчикасы, Урулявичусы, Урбонасы... Кстати, по общему мнению, самое страшное из существующих в арсенале директора Паращакаса наказаний проштрафившегося—это приглашение на беседу в директорский кабинет родственников. Не знаю, к каким аргументам прибегает в таких случаях директор: подобные беседы всегда проходят за закрытыми дверями, но повторных нарушений не бывает. Впрочем, одно все-таки было. Работал на фабрике молодой парень. Вполне симпатичный, исполнительный. Когда трезвый. Но трезвым он бывал, увы, не всегда. Парня «прорабатывали» на собраниях, лишили тринадцатой зарплаты — сначала наполовину, а потом и полностью. Он каялся, клялся, что в последний раз, что исправится, больше капли в рот не возьмет, но проходило время, и все начиналось сначала. Наконец терпение иссякло. И тут на прием к Паращакасу пришла его мать — умоляла поверить еще раз, простить, оставить на работе. Директор был склонен прислушаться к ее просьбе, но бригада, в которой этот парень работал, единодушно сказала: «Нет». Кредит доверия был исчерпан. Впрочем, будем откровенны: речь шла не только о доверии. Все бригады на фабрике работают на хозрасчете, и поэтому кредит был не только моральным, но и материальным.

— Ну хорошо,— спросил я начальника самого крупного на фабрике — откормочного цеха Й. Ясюнаса,— вот вы выдвигаете такие жесткие требования. А удастся ли эффективно проконтролировать их выполнение? Понятно, что время прихода на работу и ухода с нее несложно проверить на проходной. Но при всей важности этой проблемы куда важнее, чем занят человек в промежутке между приходом и уходом. Возьмем для примера птичницу оператора. Обслуживает она два птичника. Откуда вы знаете, что она, как положено по вашей технологии, три раза в день кормушки моет, а не носки мужу вяжет?

— Насчет носков попали в точку,— улыбнулся Ясюнас.— Был такой случай, действительно застали птичницу за этим занятием.

Случайно, могли и не застать. И за кормушками бригадиру не проследить — три раза их вымыли или один. Но только мыть-то их нужно три раза не потому, что так начальнику цеха захотелось, а, как вы сами сказали, по технологии. Раз-другой грязные кормушки сойдут безнаказанно. А потом увеличится процент падежа, возрастет непроизводительный расход корма, снизится общий вес сдаваемой птицы. А вес, экономия, падеж — это все деньги, причем не только ее — всей бригады, в которую входят и слесари, и электрики. И, уверяю вас, бригада куда быстрее и эффективнее, чем начальство, выявит истинные причины и примет соответствующие меры. Так что жесткие требования соблюдения трудовой и технологической дисциплины — это не прихоть администрации, а производственная необходимость.

Днем территория фабрики кажется безжизненной: редко-редко покажется кто-нибудь на улице. К концу командировки я, кажется, даже научился угадывать причины изредка возникающего движения. Вон человек быстрыми шагами пересекает пространство между двумя птичниками — значит, или бригадир, или ветврач с контрольным обходом. В каждом помещении ему предстоит надеть новую, «здесьнюю» пару галош, пройти через корытце с дезинфицирующим раствором... Вон вышли покурить двое ребят из убойного цеха — там конвейер, и каждые два часа — десятиминутный перерыв. И опять пустеют аллеи. Напряженно, трудно работают. И поэтому, несмотря на то, что заработок здесь намного выше, чем на других предприятиях района, и социальная база крепче, и обеды почти бесплатные, не раз случались здесь сцены, подобные вот такой, рассказанной Р. Баумилисом:

— Пришел человек устраиваться к нам на работу — была вакансия в бригаде строителей. Характеристика с прежнего места хорошая, огорчительных записей в трудовой книжке нет. Одним словом, кандидатура, нас вполне устраивающая. Пока я заполнял листок по учету кадров, дал ему почитать папку с выписками из коллективного договора, где все наши «плюсы» и «минусы» изложены. И тогда он сказал: «Нет»:

— Что же это, в самом деле у вас за пятиминутное опоздание тридцати рублей можно лишиться, а если праздник какой отметишь, так и трехсот? Извините, что побеспокоил. Я уж лучше поспокойней работу поищу.

НЕ РУБЛЕМ ЕДИНЫМ

Рубль, рублем, о рубле... Не сложилось ли у вас, читатель, ощущения, что отлаженный кайшядорский механизм отдает излишним меркантилизмом? Если сложилось, избавьтесь от него, оно в корне несправедливо. С самых первых дней существования фабрики здесь огромное внимание уделяется тому, что в последние годы получило емкое определение «человеческий фактор».

Что, собственно, входит в это понятие? С точки зрения руководства фабрики, все, что прямо или косвенно интересует или может заинтересовать коллектив, все, из чего складывается хорошее самочувствие и хорошее настроение.

Фабрика еще только строилась, а профком уже совершил первую крупную покупку — комплект инструментов для духового оркестра, без которого в Литве любой праздник не праздник. Мелочь? Ко-

нечно, мелочь. Но гремит фабричный оркестр по всей округе, и «выдувают медь» вместе со взрослыми ребятами — дети работников, и светлеют лица... Кстати, о праздниках. Никакая статистика не в состоянии подсчитать, как улучшается настроение у людей, повышается тонус от умело, весело организованного конкурса знатоков права или лучших по профессии, соревнования фабричных рыболовов, семейного вечера в профилактории. А жаль, что не может, — внушительная была бы цифра!

«Вписали» в стандартные фабричные корпуса дополнительные помещения для бытовок с удобной мебелью, в нескольких цехах построили своими силами сауны — после смены можно попариться, сбросить напряжение рабочего дня. Разве не важно, с каким самочувствием, каким настроением уйдет человек домой. Кстати, для тех, кто предпочитает именно пройти, а то и пробежаться по свежему воздуху, а не толкаться в автобусе, проложили до города пешеходную аллею по сосновому лесу.

А вот еще одна «мелочь» — у всех бригад на Кайшядорской фабрике не номера, как это обычно бывает, а свои, «фирменные» названия: бригада лип, бригада роз, бригада георгинов... И каждое производственное помещение — в обрамлении соответствующих цветов или деревьев. И конкурс по оформлению. И чистота вокруг абсолютная — на 70 га, которые занимает фабрика, окурка брошенного не увидишь.

Перечень «мелочей» можно было продолжить, но мне хотелось бы отметить еще две характерные детали. Первая: ни асфальтированная дорожка через лес, ни даже георгины на клумбу с неба не падают. Все это сделано своими силами, своими руками. И сделано — это деталь вторая — не в ущерб работе, которая и без того, кажется, требует полной самоотдачи, а, наоборот, исключительно на пользу ей.

ЗАРАБАТЫВАТЬ И ТРАТИТЬ

Вернемся на мгновение еще раз к скульптуре с тремя цыплятами, что стоит у фабричного профилактория. Ее возведение обошлось птицефабрике в 30 тысяч рублей. Немало стоило и художественное оформление самого профилактория — красочные панно на стенах выполнены лучшими мастерами республики, а это тоже обходится в копейчку.

— Мы не жалеем об этих затратах, — говорит Болеславас Парашкас. — Роль дизайна на производстве, значение эстетического воздействия широко известны и общепризнаны. Но признаюсь честно: если бы у нас была возможность израсходовать заработанные коллективом и принадлежащие ему средства так, как мы считаем нужным и целесообразным, то не уверен, что даже при наших возможностях скульптура была бы поставлена. Увы, потратить деньги для нас порой бывает сложнее, чем их заработать. Казалось бы, существует четкое положение: известно, какой процент дохода фабрики поступает в государственные фонды, а какой остается на нужды фабрики. Наши, нами заработанные деньги, на наши нужды. Так нет, действует еще бесчисленное количество инструкций, определяющих, на что мы можем, а на что не можем потратить эти наши деньги, инструкций, лишенных подчас всякой логики. Скажем, в числе пожеланий, неоднократно высказывавшихся на собраниях трудовых

коллективов, было строительство спортивного комплекса. Спорт на фабрике в почете — одних разрядников у нас под двести человек. Готовы строить на паях с другими предприятиями, готовы платить сами. Нужен такой комплекс не одной птицефабрике — всему Кайшадорису. И сколько лет не можем сдвинуть дело с мертвой точки. Говорят, нет фондов. Хорошо, я согласен, фонды — дело объективное. Но возьмите такой пример. Несколько лет назад мы приняли решение, на основании которого стали выплачивать пособия работающим у нас многодетным семьям. На троих детей — двадцать рублей в месяц, на четверых — сорок, на пятерых — шестьдесят. Согласитесь: и прибавка весомая, и ощущение, что фабрика о тебе помнит, о нуждах твоих заботится, — тоже вещь немаловажная. Так вот, больше мы этих пособий не платим. Как только вышло постановление о государственной помощи многодетным семьям, к нам тут же приехали ревизоры из Министерства финансов, заставили прекратить эти выплаты. Говорят, не положено, чтобы человек два пособия получал. А почему, спрашивается, не положено? Мы ведь денег не просим, из своих хотим платить, заработанных.

Остро стоит сейчас на фабрике квартирный вопрос. В очереди на улучшение жилищных условий у нас 86 семей. Квартиры же фабрике не выделяются уже несколько лет. Мы понимаем: и здесь есть объективные трудности. Но ведь у нас своя строительная бригада, готовы строить хозяйственным способом. И фонды найти можно. Куда я только ни обращался. А в ответ слышу: «У вас, товарищ Парашакас, положение на фабрике благополучное, коллектив стабильный, текучесть кадров нет. Поэтому можете и еще подождать. Мы лучше выделим жилье тем, у кого народ разбегается». Так что же по этой логике получается: чем лучше — тем хуже? И это называется перестройкой?

Давно мы мечтаем о своем фирменном магазине. Фабрика наша в системе агропрома, поэтому на основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о совершенствовании экономического механизма в агропромышленном комплексе мы получили право самостоятельно реализовывать часть продукции. Право есть, а магазина фирменного и по сей день нет — все что-то согласовывается, что-то уязвляется. Готовы в кратчайшие сроки построить копильню и продавать не только охлажденных, но и копченых цыплят. Так и назвали бы — «цыплята по-кайшадорски». И опять живое, конкретное дело упирается в бумажный порог: нет соответствующего ГОСТа, не утверждена цена. Нас хвалят за то, чего мы добились, а я все время думаю: сколько у нас еще резервов, сколько еще можно сделать.

Резервы действительно есть. Домашнее задание на конкурсе правовых знаний «как я понимаю перестройку в нашем цехе» принесло такой богатый «улов», что его до сих пор «переваривает» экономическая служба фабрики. Нащупаны реальные пути дальнейшего повышения производительности труда, интенсификации производства, более рационального использования рабочей силы. У нас будет больше мяса, у кайшадорцев — выше доходы. Люди хотят хорошо, эффективно работать и зарабатывать. Много. Честно. Законно. Их опыт заслуживает самого тщательного изучения, использования, признания. И не нужно ставить на пути цыплят по-кайшадорски лишние барьеры.

ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА

Гвардейская танковая Кантемировская ордена Ленина Краснознаменная дивизия имени Ю. В. Андропова... Стараясь печатать шаг, по ее строевому плацу шли новобранцы. Как преобразует человека военная форма! У вчерашних школьников и учащихся, молодых колхозников и рабочих расправились плечи, построжили лица, с них словно слетела беззаботная детская беспечность.

Я стоял неподалеку и наблюдал за ними с невольной улыбкой и грустью. Улыбкой, потому что резко бросалась в глаза необноженность формы, неловкость и угловатость движений. Словом, в них сказывалась, как говорят в армии, «гражданка». И немало времени еще пройдет, прежде чем станут эти ребята солдатами. А грустил я потому, что много лет назад и сам вот также впервые надел военную форму. Многое запомнилось из той давней поры: военная присяга, учения и боевые дежурства. И еще то, как тяжело, оказывается, правильно пришить подворотничок, аккуратно заправить койку, самому выстирать и погладить брюки и гимнастерку... Это умение, а еще собранность, цепкость, постоянная готовность к действию пришли к нам потом, через труд, мозоли и пот. Недаром армию называют школой мужания юношества.

Но жизнь идет своим чередом...

Теперь вот идут служить эти ребята, исполнять свой долг, о котором говорится в статье 63 Конституции СССР: «Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР — почетная обязанность советских граждан».

Кантемировская дивизия всем нам хорошо известна — из года в год ее танки могучей поступью проходят по брусчатке Красной площади на военных парадах в честь Великого Октября. И по праву — это одно из лучших соединений Вооруженных Сил СССР. В немалой

степени этому способствовал и высокий уровень воинской дисциплины и правопорядка в частях и подразделениях дивизии.

Правовое воспитание составляет в армии неотъемлемую часть всей воспитательной работы. Вопросы права и законности стали более планомерно и предметно изучаться в системе офицерской подготовки, политической учебы личного состава. Это лекции и доклады на правовые темы, тематические вечера, вечера вопросов и ответов, беседы и консультации, просмотр кинофильмов и телепрограмм... Мероприятий много, направленность же их одна: укрепление законности в войсках.

Высший надзор за точным и единообразным исполнением законов в Вооруженных Силах СССР возлагается на Генерального прокурора СССР и подчиненных ему военных прокуроров, которыми он руководит как непосредственно, так и через Главного военного прокурора. Военная прокуратура направляет свою деятельность на всемерное укрепление социалистической законности.

А это значит, уважаемые мамы и папы, дедушки и бабушки, что буквально все стороны службы вашего горячо любимого сына или внука контролируют не только его командиры, но и такой авторитетный в войсках человек, как военный прокурор. Как солдат постигает боевую грамоту, бережет ли доверенное ему имущество, старателен ли в выполнении уставных обязанностей, во что обут и одет, как отдыхал, сыт ли. Все это и еще многое-многое другое волнует военного прокурора гарнизона подполковника юстиции А. В. Сухомлинова.

Следует отметить, что для успешного решения этих вопросов немало сил и энергии прилагают командиры, политработники и офицеры органов военной юстиции. Но и результат налицо: в соединении прочно укоренился уставной порядок, отсутствуют серьезные правонарушения, а целый ряд частей и подразделений не имеет их вообще. Одно из них мы с Сухомлиновым посетили.

Это гвардейский полк. Нас встретил командир части со своими подчиненными. Побывали мы в учебных классах и на полигонах, в спортзале и столовой, клубе и библиотеке, осмотрели казарму и бытовые комнаты, присутствовали на политбеседах и занятиях. Одно из них вел командир батальона гвардии майор А. М. Трегук, награжденный орденом Красной Звезды за выполнение интернационального долга в Афганистане.

В минуты отдыха мы заглянули в Ленинскую комнату. Ребята смотрели телевизор и читали газеты, играли на музыкальных инструментах и сражались в шахматы. А еще писали письма. Домой.

И хотя подглядывать нехорошо, я не удержался и заглянул через плечо гвардии рядового А. Чернышева: «Дорогие мои мама и папа! Служба идет нормально, но очень по вам скучаю...» Что ж, уважаемые Надежда Сергеевна и Михаил Михайлович, из подмосковного города Кашира, можете гордиться сыном: он служит достойно.

И еще в каждой казарме мы заметили старательно оформленные «Уголки правовых знаний». В них представлены положения Конституции и различных законов, указов и постановлений, статьи о правах и обязанностях военнослужащих.

А потом мы с офицерами разговаривали об общности, неразрывности судеб каждого советского человека с биографией страны.

...Поздним вечером с 8 на 9 ноября 1917 года на Втором Всероссийском съезде Советов Советская власть приняла свой первый пра-

вовый акт. Это был исторический Декрет о мире. И этот день и этот поздний час запечатлен во многих воспоминаниях соратников Владимира Ильича Ленина. Вот как описывает Джон Рид в своей замечательной книге «Десять дней, которые потрясли мир» исход голосования за проект воззвания к народам всех воюющих стран: «Неожиданный и стихийный порыв поднял всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Многие едва сдерживали слезы. Какой-то старый, седеющий солдат плакал, как ребенок. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо. «Конец войне! Конец войне!» — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий...»

«Конец войне! Мир! Мир! Мир!» Слова эти могучим набатом разнеслись по всей России, по всем странам и континентам, врывались в каждый дом, принося в каждую семью слезы радости.

Но, как мы помним, долгожданный и выстраданный миллионами людей мир наступил не скоро. Еще несколько лет за него велись кровопролитные бои.

Пришел наконец с фронтов гражданской войны мой дед, отстоял вместе с другими красноармейцами Советскую власть в Сибири дед Сухомлинова, Семен Федорович. Страна стала залечивать раны. Но недолгим было затишье, через двадцать лет война вновь вторглась в наш дом — Великая Отечественная. Ушли в бой мои дядья и тетки. И снова надел военную форму Семен Федорович Сухомлинов, защищал Москву от гитлеровцев. А в соседней части командовал артиллерийским дивизионом его сын, Виктор Семенович. Участвовала в войне и мать А. В. Сухомлинова, Нина Николаевна. Вместе они дошли до Кенигсберга. Ломал хребет фашистскому зверю и отец Трегука, Мирослав Степанович.

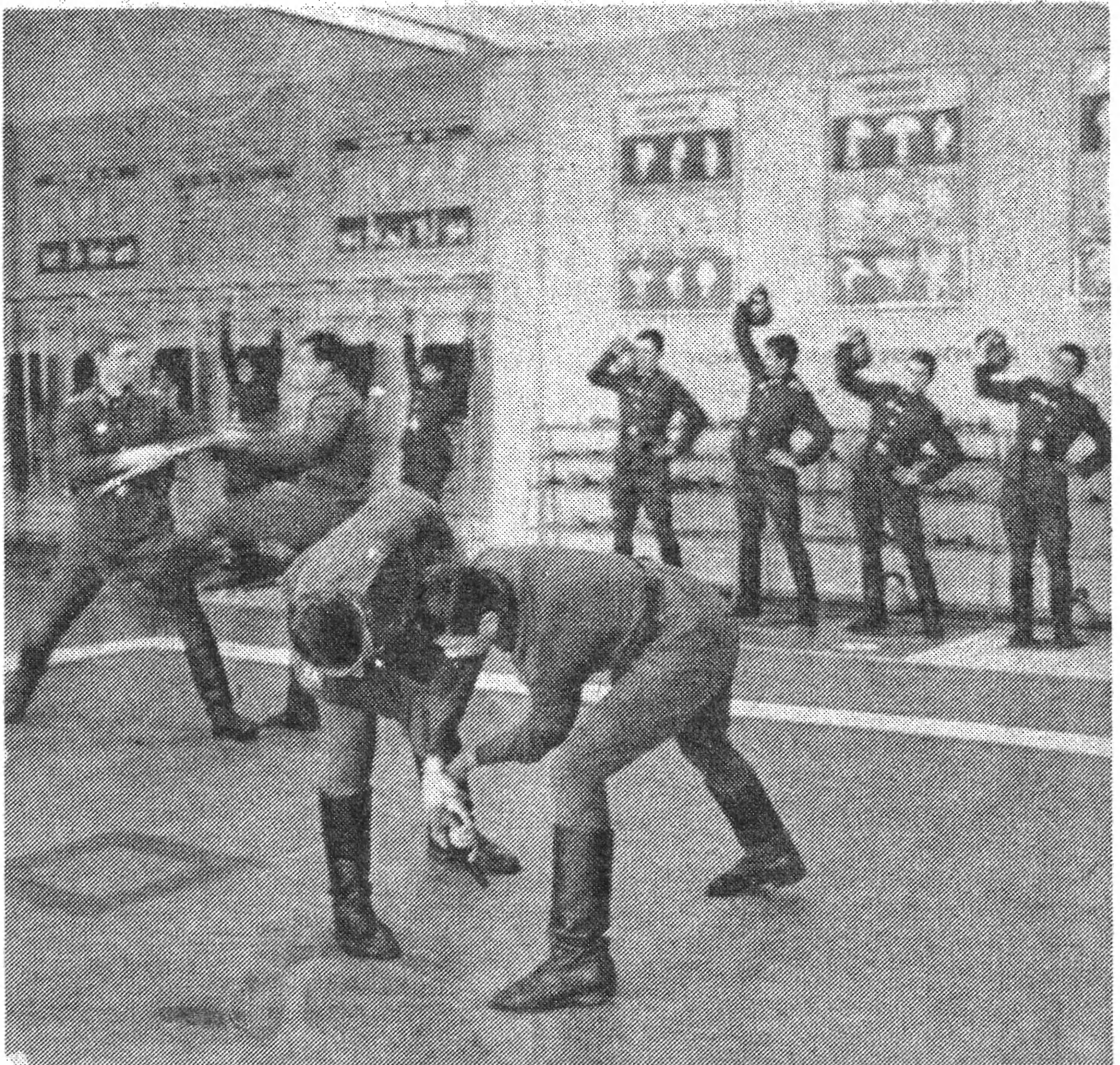
Мой отец начинал под Смоленском. Потом были Москва, Курская дуга, Белоруссия, Прибалтика... Атаки, ранения, госпитали и вновь передовая.

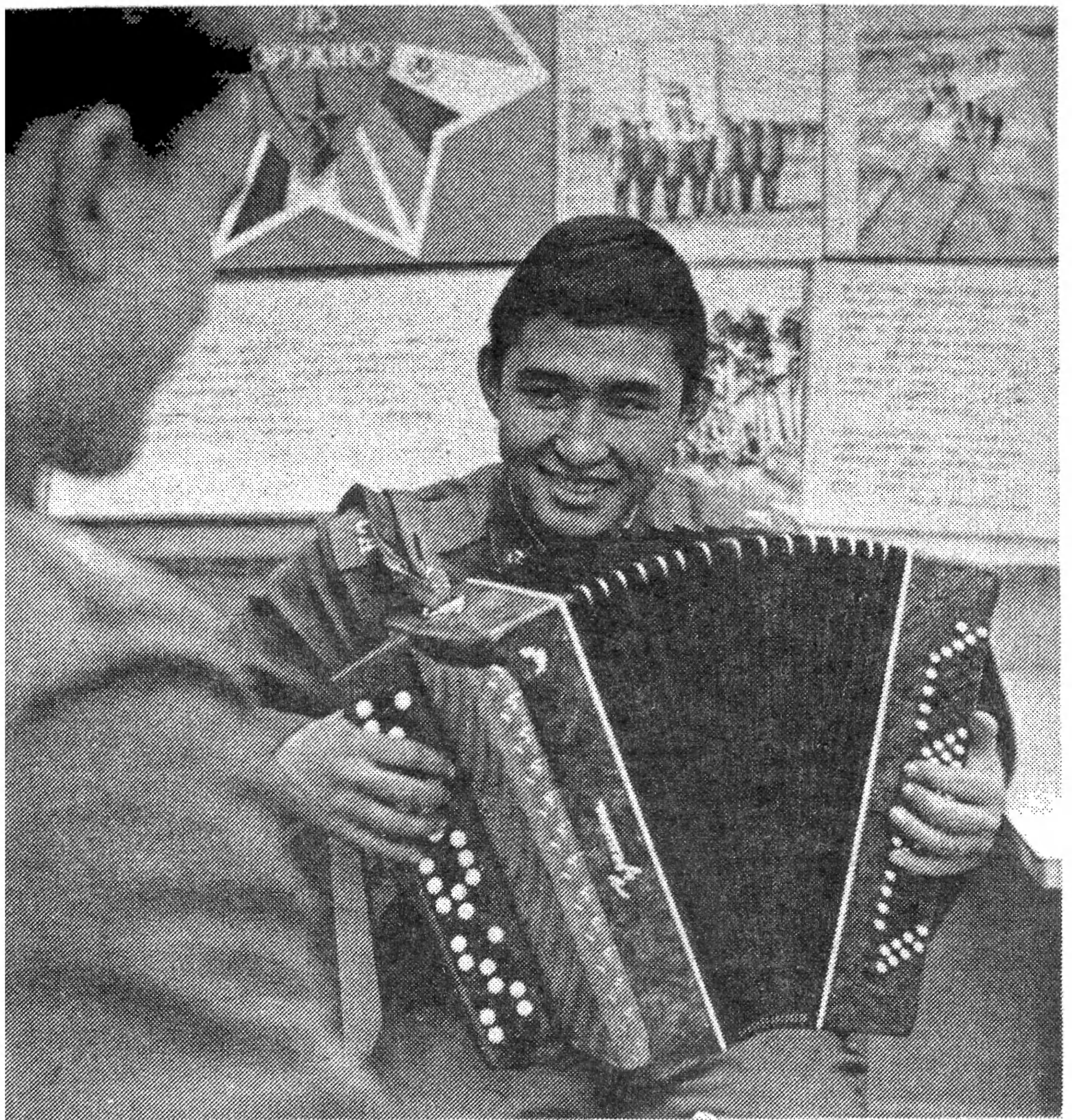
Как-то раз везли их на переформирование в тыл. Мимо в угрюмом безмолвии проплывали разрушенные города и села. Порой, вспоминает отец, становилось жутко: хватит ли сил построить заново?

— Хватит! Лишь бы скорее наступил мир! — так отвечал на невысказанный вопрос каждый однополчанин. Удивительный душевный подъем владел солдатами и офицерами.

Конец войны отец встретил в Кенигсберге. Однажды ночью раздалась пальба из всех видов оружия. Неожиданно засветились окна во всех домах. «Победа! Победа! Мир! Мир! Мир!» — раздавались ликующие голоса людей, услышавших по радио о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Послышались голоса охрипших гармошек. Люди танцевали, пели. Отец кружился в вальсе со связисткой Катей, Катюшей, моей будущей мамой... Возможно, где-то танцевали Виктор и Нина Сухомлиновы, будущие родители Андрея Викторовича...

...Потери и страдания советского народа я с детства воспринимал прежде всего через судьбу собственной опустошенной семьи. Все верили, что эта война последняя: подобное просто не может больше повториться. Сама мысль об этом казалась кошунственной. Но империалисты начали эпоху «холодной войны». Такова история, но есть еще и предыстория, которую нелишне напомнить в наше тревожное время. Первые боевые баллистические ракеты построила и применила фашистская Германия, обстреливая ими в разгар второй

мировой войны английские города. Первая атомная бомба была испытана летом 1945 года в США. Менее двух месяцев спустя американские атомные бомбы испепелили Хиросиму и Нагасаки. Вскоре после окончания мировой войны Советский Союз предложил объявить атомное оружие вне закона. США предложение отклонили. Пришлось и нашей стране создавать свои заряды и носители. Но это был не наш выбор. Нас вынудили защищаться.

...Поделенное на мелкие черные квадраты поле занимает гигантскую площадь. Посредине маленький, едва заметный красный кружок. Такова суммарная взрывная мощь всех боеприпасов, примененных в годы второй мировой войны. Черное поле вокруг него — чудовищная разрушительная сила, скрытая в десятках тысяч ядерных боеголовок, накопленных в стратегических арсеналах. На каждого жителя планеты, в том числе и родившегося в это мгновение, уже приходится 4 тонны взрывчатки — тринитротолуола. Каждый час в жертву молоху войны приносится 100 миллионов долларов, каждые сутки — 2400 миллионов долларов, каждый год — 876 миллиардов долларов.

Всеобщая милитаризация проникла буквально во все поры сегодняшних Соединенных Штатов Америки. И острее ее направлено против нас: более полумиллиона американских «джи-ай» дислоцируется на 1500 военных базах, находящихся за пределами территории США. Значительная часть этой армады размещена вдоль границ Советского Союза.

Сознавая смертельные последствия для жизни на Земле, наша страна вместе с союзниками только в прошлом, 1986 году, объявленном, кстати, ООН Годом мира, выдвинула ряд конкретных инициатив, направленных на прекращение гонки вооружений, оздоровление международной обстановки. Назовем лишь важнейшие из них.

Программа поэтапного сокращения и ликвидации к концу XX века ядерных вооружений, а также уничтожение химического оружия и промышленной базы для его изготовления. Предложено договориться о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил.

В Политическом докладе XXVII съезду КПСС выдвинуты принципиальные Основы всеобъемлющей системы международной безопасности.

В 1986 году наша страна трижды, а начиная с 6 августа 1985 года четырежды продлевала мораторий на проведение ядерных испытаний, подавая таким образом пример США. Американцы взорвали за это время более двадцати ядерных устройств.

Выдвинута инициатива о значительном сокращении всех компонентов сухопутных войск и тактической авиации европейских государств, а также соответствующих сил США и Канады, размещенных в Европе.

На совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора принято обращение к государствам — членам НАТО, всем европейским странам с программой сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе.

Предложен комплекс мер по включению азиатско-тихоокеанского региона в общий процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности.

СССР, УССР, БССР и семь братских социалистических стран предлагают включить в повестку дня 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос «О создании всеобъемлющей системы международной безопасности».

Состоялась советско-американская встреча на высшем уровне в Рейкьявике. Конкретным выражением нового подхода к жгучим проблемам современности, нового мышления явились советские компромиссные предложения, выдвинутые на ней М. С. Горбачевым.

По решению советского руководства, о котором объявил М. С. Горбачев в речи во Владивостоке, осуществлен вывод шести полков из состава ограниченного контингента советских войск, находящегося в Афганистане по просьбе суверенного правительства этой страны.

Несколько личных воспоминаний. В Афганистане проходил службу и мой племянник Андрей. Что греха таить, все его родственники волновались, переживали и с нетерпением ждали писем оттуда. И вот в одном из них он, до этого всегда довольно сдержанный по части суровых армейских будней, упомянул вскользь об их тяготах. Что было ответить ему, как укрепить дух? Я написал тогда Андрею: «Служи, как полагается, как служили твои прадед, дед и отец».

Семейной чести он не посрамил, стал коммунистом. В партию его приняли там, где жить и служить особенно трудно и почетно, а доверие и спрос товарищей особенно велики — ведь где еще человек раскрывается быстрее и глубже, как не в бою за правое дело.

И может быть, в одном из боев плечом к плечу бились Андрей и офицер А. М. Трегук, награжденный орденом Красной Звезды за достойное выполнение интернационального долга...

А четыре месяца назад часть, где служил Андрей, вернулась на Родину. Радости в нашей семье не было предела! И все же одна мысль не дает мне покоя: неужели и нашим будущим внукам и правнукам придется привыкать к оружию? Неужели и дальше мир будет под угрозой?

Ведь когда мы произносим слово «мир», то вкладываем в него понятие «мир для всех». Не в этом ли глубокий смысл ленинского Декрета о мире. И чистотой его замыслов была продиктована вся дальнейшая внешняя политика нашего социалистического государства за почти семьдесят лет его существования.

Весь мир тому свидетель!

Давайте пристальнее взглянем в защитников Родины. Их деды, повторюсь, устанавливали Советскую власть, отцы — победили в самой трудной войне, они сами — охраняют завоевания Октября. Чист и прям путь офицеров. Скажем, у Сухомлинова — суворовское училище, военное училище, академия, служба в войсках и органах военной прокуратуры на различных должностях. Сходные биографии с Трегуком и у многих-многих других, раз и навсегда выбравших своей профессиональной защитой Родины.

Еще на заре Советской власти родился крылатый лозунг, живущий и поныне: народ и армия едины! И это справедливо: мы трудимся на благо Родины, армия ее защищает.

А. ТИМОФЕЕВ

ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ?

РЕЙД ЖУРНАЛА

Тысячи писем приходят в редакцию ежедневно. Они затрагивают разные проблемы. В частности, о различного рода нарушениях и махинациях в системе государственной торговли, общественного питания и потребительской кооперации. Годами критикуют эту сферу обслуживания за одни и те же недостатки. Результат? Давайте попробуем разобраться вместе.

ЗАКОН ТРЕХ «О»

Овощной лоток от магазина № 17 Брянского горплодоовощторга. Продащица С. И. Ларина долго расставляет ящики с товаром, устанавливает весы, несколько раз уходит куда-то. Люди терпеливо ждут. Наконец торговля начинается. Женщины набирают полные сумки: виноград, яблоки, петрушка... Расплатившись и получив сдачу, две из них объявляют: «Контрольная закупка!» Госторгинспектор Брянского управления Госторгинспекции РСФСР П. С. Калинченко и дружинница Л. Г. Юсова, предъявив удостоверения, перевешивают овощи и фрукты. Недовесы в порядке последовательности составили — 10, 5, 50 и 5 граммов. Попутно выясняется, что два дня назад аналогичная проверка у Лариной дала примерно такие же результаты.

Характерная деталь. Пока перевешивали продукты, из очереди раздался голос «доброжелателя»: «Чего пристали к женщине? Только народ задерживаете!»

— Как вам не стыдно! — обращается к покупателям П. С. Калинченко. — Мы ваши же интересы защищаем.

Настроение очереди меняется.

Тем временем старший госторгинспектор Т. А. Морякина проверяет содержимое одного ящика с яблоками. По накладной все они первого сорта. Выборочный же контроль показал: документам соответствует только половина фруктов, остальные — второй и даже третий сорт. Покупатель же, подчеркну, оплачивает все по первому сорту. И еще одна важная деталь — скидки на отходы овощей и фруктов не активируются, как это положено, а механически списываются с материально-ответственных лиц, что дает им возможность продавать отходы по цене стандарта.

Почему же процветает пересортица? Вот объяснение заведующей магазином А. В. Гаровой:

— База № 1 поставляет нам яблоки в закрытой таре и большими партиями — сразу на несколько дней. Не хватает людей, чтобы проверить качество. Поэтому продаем тем сортом, который указали в накладной лаборанты базы. И еще: яблоки поступают из холодильных камер, а в зале магазина тепло. Они сразу же темнеют,

портятся. Значит, либо мы продолжаем их продавать как кондиционные, либо прекращаем торговлю и вызываем представителя базы, исполкома и незаинтересованной стороны для составления акта переоценки. Пока их дождешься, партия окончательно сгниет. Значит, продавцы будут оплачивать ее стоимость из своего кармана...

Пока продолжается разговор, старший оперуполномоченный отдела БХСС УВД Брянского облисполкома майор милиции М. И. Захаров и народный контролер Р. В. Рождественский направились обедать в столовую № 18 треста ресторанов и столовых № 2. После расчетов с кассиром проводится контрольная проверка. 12 блюд. Шесть из них оказалось с недовесом. Повар-раздатчик Е. М. Павлюченко вкладывала в порции по 55 граммов свиной поджарки вместо положенных 75. Ее коллега Н. М. Синяя недовложила в борщ 40 процентов пельменей. Часть порций отправляется на химический анализ. Экспертизой установлено крупное недовложение основных компонентов в порционные блюда. Попутно выясняется, что гири весов не прошли обязательной проверки-клеймения.

Проводим комплексную проверку столовой. Морякина садится за документы, мы осматриваем помещения. В холодильнике, в стороне от основной массы продуктов, лежат старательно упакованные куры, мясо, пельмени, сливочное масло. Под скамейками в раздевалке обнаруживаем помидоры, яйца, лук, маргарин. Это отложили для себя работники столовой.

В столовой практикуется также отпуск товаров на сторону. Заведующая производством Л. Е. Горлова продала таким образом 3,5 килограмма кур и 6 банок консервов лосось. Людмила Евгеньевна стала все сваливать на подчиненных. Что ж, и они оказались не безгрешны. 830 граммов говядины взяла В. Я. Брылева; маргарин, лук и перец — Н. М. Синяя. Л. В. Кулешова спрятала во дворе под пустыми ящиками свыше 5 килограммов сырых пельменей. Л. В. Петреченко попыталась взять 2,3 килограмма теста.

Захаров составляет протокол, виновные пишут объяснительные записки. Любопытные документы.

Н. М. Синяя: «Во время проверки в моей сумке обнаружили лук, маргарин и перец. Все это я взяла на производстве. Убедительно прошу прощения. Этого больше не повторится».

В. Я. Брылева: «Я взяла с полки кусок говядины и спрятала себе в сумку. Взяла для личных нужд».

Видите, как все просто: захотела и взяла. Тащат все подряд, все, что попадется под руку, тащат открыто из нашей общей тарелки. Ведь все эти продукты предназначены для нас с вами, но потребляют их любители наживы.

Меня раньше часто поражало удивительное на первый взгляд обстоятельство. Общепит получает хорошие, натуральные продукты. А готовит невкусно! Только потом понял: а из чего готовить-то вкусно? Немало уходит на сторону. И не только в системе общепита.

Мы в магазине № 4 горплодоовощторга. Делаем контрольные закупки. Старший продавец Н. А. Солодухина обвешивает Юсову и Калинченко на 85, 205 и 35 граммов.

— Картошка есть? — обращается к продавцу покупатель.

— Нет!

Однако при осмотре мы обнаружили тщательно отобранный картофель общим весом 300 килограммов — продавцы отложили для себя и попрятали по подсобкам. Между тем по правилам тор-

говли все имеющиеся товары должны быть выставлены на витринах и прилавках. Но это по правилам. На деле же продукты, даже и недефицитные, хранятся в подсобках для себя и для «нужных» людей.

Под вечер мы направляемся в кафе «Радуга» треста столовых и ресторанов № 2. Представляемся работникам кафе и называем цель нашего визита. И вдруг... хозяева кафе разбегаются от нас во все стороны, как выясняется позже, чтобы поскорее спрятать отложенное.

Официант А. М. Мельник сознается, что продал бутылку спиртного навынос и обслуживал клиента без оформления счета. Буфетчица Н. В. Осипова попыталась уничтожить тетрадь с черновыми записями. В них ее сменщица В. Н. Тимохина сообщала ей, что надо сделать: «За торт возьми 5 руб. 1—40 отдай кондитерам, остальное наше. В кондитерском цехе — 8 лотков пирожных. Возьми 85 штук, остальное — не наше». Далее следует список товаров, отпущенных в долг. Особенно часто встречается спиртное. Выясняется, что заведующая складом Н. Ф. Федотикова отпускала продукты и спиртное прямо со склада. Затем выписывала на эту сумму документы и вместе со списком должников передавала их Тимохиной и Осиповой. Товары, дескать, поступили в буфет, а деньги сами взыскивайте.

Проверяем накладные. Заведующая производством В. А. Каныгина умоляет не писать о недостатках. Настойчиво приглашает поужинать или на худой конец попить чаю. Отказываемся и продолжаем работу. Выясняем: из буфета отпущено на сторону 5 бутылок шампанского и 16 — коньяка; заведующая Каныгина разрешила сотрудникам взять сердце, вымя, колбасу копченую и вареную. Все это оформили как поступившее в продажу и, естественно, съеденное посетителями. А деньги за продукты в кассу не внесли.

В магазине № 46 «Заря» Советского райпродторга нас встретил директор И. М. Файбусович. Исаак Моисеевич всем своим видом дает понять, что уж у него-то никакие нарушения невозможны. Начинаем с проверки подсобных помещений. Сначала попадают мелочи: 5 банок зеленого горошка, банка консервированных помидоров, 6 флаконов уксусной эссенции, томаты в собственном соку, растворимый кофе. Но, как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. В сейфе заместителя заведующего гастрономическим отделом Н. М. Вязьмитиной обнаружили 7 банок сельди исландской в винном соусе, банку крабов и 197 рублей за отпущенные с черного хода товары. В холодильной камере припрятано 60 килограммов морского окуня, 45—рыбного филе, свыше тысячи банок гречневой каши с мясом, шпроты, осетр и лосось, ветчина, копченая и вареная колбасы.

Как выяснилось в результате контрольных закупок, обвес в магазине — дело привычное.

В кабинете директора составляется протокол о выявленных нарушениях. Тут-то и начинается «торговля». И. М. Файбусович проникновенно заглядывает нам в глаза и уговаривает: «Слушайте, я вас прошу, не вносите эту мелочь! Зачем вам эта ерунда? Я вас прошу!» Видя, что просьба не помогает, Файбусович теряет самообладание и обрушивается с бранью на подчиненных.

Таковы итоги первого дня рейда. На следующее утро выезжаем в поселок Навля — центр одноименного района. Начинаем с универсама райпотребсоюза. В секции галантереи (заведующая Т. Г. Кор-

пусова) сдвинутыми стеллажами образовано нечто вроде закутка, где припрятаны дефицитные товары. Сразу же следуют знакомые объяснения: «Купила себе, сыну, мужу, знакомым...» Аналогичная картина в обувной секции (заведующая М. К. Блашенкова) и в секции трикотажа (заведующая Т. Н. Симонова). И только в отделе тканей, которым руководит Зинаида Сергеевна Слесарева, ничего не спрятано. Все на прилавке, все в продаже. Вот так! Нормальная, честная работа кажется уже чем-то особенным.

Четыре месяца назад этот магазин уже проверяли. Тогда было обнаружено укрытых товаров на сумму 7741 рубль. Они продавались «своим». Итоги проверки обсуждались на собрании коллектива, с беседой выступил юрист.

Но урок, как видно, пошел не на пользу. Справедливости ради заметим, что положение немного улучшилось, но новые требования осознали далеко не все. Особенно работники секций обуви и галантереи, где были припрятаны мужские и женские туфли, сапоги, одеколон и шампунь, сумки, платки, детские изделия... Всего на сумму около двух тысяч рублей.

Следующий объект нашей проверки — ресторан «Чайка» объединения общепита Навлинского райпо. Здесь обнаруживаем серьезные нарушения правил продажи спиртных напитков. Только с утра буфетчица И. А. Мавыева продала 8 бутылок водки. Обнаружен и список должников. Бесплатно отпущено товаров почти на полторы тысячи рублей.

Директор общепита М. М. Артюхов отнесся к этому совершенно равнодушно: «Наплевать! Буфетчица возместит. Ерунда! Брошу эту работу». Неожиданно выясняется, что сам же Артюхов вынуждал буфетчицу нарушать правила торговли спиртным. Как-то утром пришел с приятелем, начальником районного узла связи В. К. Коврижко и потребовал водки. Одну бутылку распили прямо в буфете, вторую унесли с собой. О пристрастии Артюхова к спиртному в райпо знали. Знали и о том, что побывал он и в медвытрезвителе. Но ему все сходило с рук. И это в самый разгар всенародной борьбы с пьянством!

По традиции итоги рейда подвели в УВД Брянского облисполкома.

Что ж, закон трех «О» — обмана, обвеса и обсчета, как горько шутят брянцы, продолжает существовать и поныне. Но сфера его действия постоянно сокращается, так как в области проводится значительная работа по пресечению спекуляции и хищений в системе торговли и потребкооперации. В подтверждение сказанного приведу свежий факт.

Пока материал готовился к печати, в редакцию поступила телеграмма от начальника ОБХСС УВД Брянского облисполкома майора милиции А. В. Никитина. В ней, в частности, говорится: по результатам проверки ресторана «Чайка» Навлинского райпо правление облпотребсоюза освободило директора объединения общепита М. М. Артюхова от занимаемой должности, главному бухгалтеру В. И. Становых объявлен строгий выговор, заведующему торговым отделом райпо В. В. Головачеву — выговор, начальнику КРО М. Т. Дорониной — замечание. Буфетчица И. А. Мавыева и ее сменщица освобождены от работы. Материалы по выявленной недостаче переданы в прокуратуру.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

Не хотелось бы огульно чернить всех работников государственной торговли и потребкооперации. Немало среди них честных, добросовестных тружеников. В той же Брянской области более 300 работников торговли и потребкооперации награждены орденами и медалями. Среди них заведующая комплексом «Товары для дома» Центрального универмага Т. Н. Степина, повара-бригадиры Н. Д. Семенникова, З. П. Тимохова и Т. С. Митракова, продавщица магазина № 25 второго горпромторга З. Д. Никишина и многие другие.

И все же положила руку на сердце признаемся: в общественном мнении работник торговли стал фигурой одиозной, автоматически приравняемой к жулику. Но ведь есть мерзавцы и в строительстве, и в науке. Разве можно судить по ним обо всех? Есть ведь и честные труженики прилавка. Их число составляет по стране несколько десятков миллионов.

Да, все это так. И все же утверждать, что обман покупателей — это не «единичные случаи», не «отдельные факты», а своего рода система, можно смело. Об этом красноречиво свидетельствует судебная статистика.

Не так давно комитет народного контроля Туркмении провел крупный рейд по всей республике. Проверке подверглись около пяти тысяч различных торговых точек. Почти в четырех тысячах из них были обнаружены нарушения. Наиболее массовое — обман покупателей.

Во многих организациях торговли и потребкооперации сложилась атмосфера безнаказанности, круговой поруки, взяточничества. Руководители таких коллективов сами нарушают государственную дисциплину, нередко являясь организаторами хищений и злоупотреблений. Так было в Москве, Ленинграде, Белгороде, Горьком, Воронеж, на Украине, в Киргизии, Грузии, Узбекистане...

Разоблачена преступная группа из числа внештатных инспекторов Московского городского управления Госторгинспекции РСФСР. Преступники установили своеобразную таксу: за сокрытие каждого выявленного факта обмана покупателя в размере 1 рубля брали взятку в пределах 100 рублей.

Привлечен к уголовной ответственности начальник отдела по ревизии торговых организаций контрольно-ревизионного управления Краснодарского крайпотребсоюза Керемев. Выявив нарушение в райзаготконторе, за взятку в 10 тысяч рублей он укрыв злоупотребления.

Перечень подобных фактов можно продолжить, но давайте подводить итоги.

В 1985 году общая сумма выявленных недостатков в народном хозяйстве, включая потребкооперацию, составила почти миллиард рублей. Возмещается же причиненный ущерб на 55—60 процентов.

Снижение ответственности в деле сохранности народного добра, наметившееся в 70-е годы, сейчас дает свои печальные плоды. За последние пять лет число осужденных за хищения (без учета мелких) возросло.

В первом полугодии 1986 года ущерб от недостатков, хищений и порчи товарно-материальных ценностей увеличился в системе Минторга СССР на 14,2 процента, в Центросоюзе — на 6,1.

Почему это стало возможным?

МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ

Заместитель начальника управления организации торговли Минторга СССР М. Е. Степанов прислал нам ответ, который мы решили привести полностью:

- «Неэффективен внутриведомственный контроль;
- чрезмерно велико количество органов, контролирующих торговые предприятия (нередко проверяющие идут на сговор с нарушителями правил торговли);
- слабая профилактическая работа по предупреждению нарушений, отсутствие широкой гласности в борьбе с нарушителями, нежелание руководителей выносить «сор из избы»;
- несовершенство системы материального стимулирования;
- неправильное поведение некоторых руководителей вышестоящих торговых организаций, которые зачастую сами нарушают установленные правила, вынуждая подчиненных по звонкам и запискам отпускать дефицитные товары непосредственно со складов, из подсобных помещений и т. д., подавая тем самым дурной пример своим подчиненным. Все это порождает круговую поруку;
- безответственность и беспринципность заведующих магазинами, отделами и секциями;
- несовершенство системы материальной ответственности;
- несовершенство существующей системы товароснабжения с оптовых баз и складов, оказания транспортных, строительных и ремонтных услуг. Это вынуждает материально-ответственных лиц нести непредусмотренные расходы, которые затем покрываются незаконным путем».

А сейчас слово заместителю начальника Главного управления Госторгинспекции Минторга РСФСР Г. В. Дивличарову.

«Госторгинспекцией РСФСР ежегодно в торговых предприятиях и организациях всех систем и ведомств проводится свыше 300 тысяч проверок.

По всем вскрытым нарушениям принимаются необходимые меры для их устранения, виновные привлекаются к ответственности, вплоть до уголовной. Только за первое полугодие прошлого года в доход госбюджета изъято 1,4 млн. рублей, перебранных с покупателей в результате завышения цен. По материалам Госторгинспекции 60 тысяч работников торговли Российской Федерации наказаны в дисциплинарном порядке, из них более 22 тысяч руководителей. Около тысячи нарушителей освобождено от занимаемых должностей. Сумма штрафов, взысканных с нарушителей по решениям товарищеских судов и административных комиссий, составила около 200 тысяч рублей.

Таким образом, можно сказать, что органами Госторгинспекции РСФСР проводится большая работа по наведению порядка в отрасли.

Вместе с тем нарушения правил торговли, низкий уровень торгового обслуживания, грубость работников прилавка и другие негативные явления устраняются еще медленно, а в некоторых регионах но-

сят распространенный и закоренелый характер. Основные причины такого положения связаны прежде всего с тем, что некоторые руководители торговых организаций и предприятий не со всей ответственностью подходят к различного рода нарушениям, проявляют примиренческое отношение к лицам, их допустившим.

Многих нарушений в торговле могло бы и не быть, если бы права, предоставленные Госторгинспекции, были расширены. В соответствии с Положением о Государственной инспекции по качеству товаров и торговле по РСФСР (Госторгинспекция РСФСР), утвержденным постановлением Совета Министров РСФСР от 10 февраля 1984 года № 52, Госторгинспекции предоставлено лишь одно действенное право в борьбе с нарушениями в торговле — средства, перебранные с покупателей, изымать в госбюджет. Но инспекция не может принимать более эффективных мер к нарушителям: снимать с работы, штрафовать или налагать взыскания, как это практикуется, например, в торговой инспекции Венгрии.

Госторгинспекция может лишь ходатайствовать перед руководителем торговых организаций и предприятий о наказании нарушителей или о внесении предложения административным комиссиям исполкомов о наложении штрафов.

Анализ имеющихся материалов о негативных явлениях в торговле, публикации в печати, сигналы трудящихся, поступающие в Минторг РСФСР, позволяют сделать вывод, что на сегодняшнем этапе происходящей перестройки во всех отраслях народного хозяйства расширение прав органов Госторгинспекции по наведению порядка в торговле является назревшей необходимостью.

Хочу привести еще одну точку зрения, так сказать, взгляд «изнутри» отрасли. Вот что буквально с болью душевной рассказал директор треста столовых и ресторанов № 2 города Брянска М. М. Казарезов.

— Вы только посмотрите, в каких условиях мы вынуждены работать! Помещения и организация труда отстали от сегодняшних требований. Проекты безнадежно устарели. Нет фондов и лимитов на строительство и ремонт. Условия адские: душ отсутствует, все приходится делать вручную, оборудование допотопное, нет вентиляции, нигде переодеться, катастрофически не хватает холодильных камер и подсобных помещений...

Очень плохо с так называемым соцкультбытом. Десятилетние очереди на жилье, не хватает детских садов и пионерских лагерей, домов отдыха. Если работник торговли и приткнется куда, то уж, поверьте, ни в коем случае не за красивые глаза. От него заведомо ждут каких-то услуг, дефицита...

Оклады маленькие, своим размером словно подразумевающие необходимость дополнительного «приварка». Прибавьте сюда ненормированный рабочий день, труд в выходные и праздники. Молодежь не идет к нам. В результате на ответственные должности: кладовщик, калькулятор, шеф-повар, заведующий производством — мы вынуждены брать случайных людей...

Горько признаться, но, встречаясь с кем-нибудь вне работы, я представляюсь инженером. Спросите: почему? Боюсь, что за глаза будут жуликом называть или последуют просьбы, как не раз уже бывало, что-то достать, сделать, организовать...

КОММЕНТАРИЙ КОРРЕСПОНДЕНТА

Мы уже привыкли клеймить позором проворовавшихся дельцов и всякого рода хапуг, когда их схватили за руку. Такое осуждение правомерно, но гражданского мужества ничуть не требует, как и размахивание кулаками после драки. Конечно, большинство честных тружеников ненавидят жуликов и ловчил. Но ненависть в душе социально пассивна, если она не сумела подвигнуть человека на конкретное дело в борьбе со злом. А ведь как часто у всех на виду нагло волокут со стройки кафель или краски, торгуют у магазина краденными автозапчастями, гуляют в ресторане с купеческим размахом всякие проходимцы...

Вот почему давно назрела необходимость перестройки и общественного сознания — от созерцательного негодования к активному, действенному и полному неприятию всякого, даже самого незначительного, посягательства на народное добро. Твердо идя по этому пути, уверен, мы сумеем добиться полного искоренения нетрудовых доходов.

И все же будем реалистами: самим покупателям с нарушениями в торговле пока, видимо, не справиться. Им нужна помощь солидного контролирующего органа, каким могла бы стать Госторгинспекция. Сейчас, к сожалению, она мало чем может помочь покупателю. У нее есть квалифицированные работники, богатый опыт. Однако сил ей не хватает. Посудите сами: в РСФСР на сегодняшний день приходится один инспектор на тысячу магазинов. Подобное же положение и в других республиках. Руководители торговли на местах, бывает, и в грош не ставят инспекцию.

Как же добиться повышения эффективности работы Госторгинспекции? Думается, прежде всего надо вывести ее из-под опеки торговых министерств, в подчинении которых она сейчас находится, по примеру того, как это делается на промышленных предприятиях, где внедряется государственная приемка продукции.

Конечно, внешне борьба с обманом в торговле идет: проводится множество рейдов, проверок, в основном силами народного контроля и правоохранительных органов. Однако эффект в большинстве случаев невелик. Против проверок у работников торговли уже выработался своеобразный «иммунитет». Их не застанешь врасплох. К тому же сами проверяющие зачастую малокомпетентные люди. И провести их торговым «асам» не составляет большого труда. Происходит же это еще и из-за того, что руководство торговых организаций в лучшем случае накажет кого-то из продавцов — надо же как-то реагировать на сигнал! Но не так уж много торгов, где борьба с обманом ведется систематически, целеустремленно.

Характерная деталь. В результате попустительства в торговле, сфере обслуживания у части молодежи сложилось извращенное, зараженное бациллой «легкой жизни» представление об этих отраслях. Еще совсем недавно в торговое училище было попасть труднее, чем в театральное, конкурс превышал десять человек на одно место. Когда же стали активно наводить в торговле порядок, конкурс резко сократился.

Ну, а теперь давайте вернемся к ответу М. Е. Степанова. Конечно, наш рейд — лишь незначительный эпизод для союзного министерства, и вроде бы рискованно выносить суждения о стиле работы штаба отрасли в целом. Однако не зря говорят: и в капле воды

отражается мир. Тем более выступление Степанова санкционировал первый заместитель министра торговли СССР П. Д. Кондрашов.

Судя по документу, руководство отрасли не спешит навести порядок на местах, энергично исправить обстановку, внести свежую струю в дело. Что уж тут говорить о перестройке и ускорении в работе, которые требуются от всех нас сейчас! Видимо, не сделали должных выводов в министерстве и из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования, экономического стимулирования и управления в государственной торговле и потребительской кооперации» от 17 июля 1986 года, направленного на конкретное улучшение работы этой сферы услуг.

Попробуем прояснить ситуацию, сложившуюся в этой сфере обслуживания. Распространенности в ней различного рода нарушений способствует и недостаточно глубокое изучение деловых и моральных качеств кандидатов в руководители. По этой причине в их числе нередко оказываются лица некомпетентные, грубо нарушающие инструкции, что способствует образованию крупных недостатков. По данным Минторга СССР, каждый пятый руководитель и каждый седьмой специалист не имеют необходимых образования и подготовки. В системе Центросоюза их доля составляет 20 процентов.

Сложившееся положение во многом обусловлено тем, что в этой сфере крайне медленно наводят строгий порядок в учете и расходовании материальных ценностей, устранении бесконтрольности, бесхозяйственности и расточительства.

Понятно, что одними проверками не поможешь, ведь не приставишь же к каждому продавцу контролера. Нужен комплекс мер, проводимых решительно, целеустремленно.

**Рейдовая бригада журнала
«Человек и закон»**

БРЯНСК — МОСКВА

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЧИТАТЕЛИ СПРАШИВАЮТ:

«Человек украл миллион, а его осудили на 6 лет. Справедливо ли это?»

«Зачем уголовный закон честному человеку?»

На эти и другие вопросы о применении уголовного закона в борьбе с преступностью отвечают профессор, доктор юридических наук А. НАУМОВ, профессор, доктор юридических наук, лауреат Государственной премии СССР А. САХАРОВ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН

В известных постановлениях «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» ЦК КПСС и Совет Министров СССР принципиально указали на то, что отсутствие в недавнем прошлом должной решительности в осуществлении контроля за мерой труда и мерой потребления привело к росту общественно опасных форм извлечения нетрудовых доходов путем хищений социалистического имущества (в том числе в крупных размерах), взяточничества и других должностных злоупотреблений, спекуляции, частнопредпринимательской деятельности, коммерческого посредничества и других незаконных видов хозяйственной деятельности. Это, в свою очередь, не могло не сказаться отрицательно на решении многих важных народнохозяйственных задач, нравственном климате общества, а в некоторых местах привело к нарушениям социалистической законности.

В настоящее время проводимые по инициативе партии меры по борьбе с этими отрицательными явлениями дают определенные положительные результаты. Однако нельзя не задать вопрос: а почему на каком-то этапе развития социалистического общества начал давать «сбой» наш правоохранительный механизм — законодательство (и не в последнюю очередь уголовное), а также правоприменительная деятельность системы правоохранительных органов? Может, наши уголовные законы не всегда способны предупреждать преступления? Честно говоря, так или подобным образом думает не так уж мало людей. Разве вы, читатель, не встречали среди своих приятелей людей, спрашивающих: «Что это за законы, человек украл на десятки тысяч, а ему дали 6 лет?» Сразу же должны отметить: уголовная ответственность у нас в стране за преступления, упоминаемые в начале статьи, установлена весьма строгая, и, как юристы, мы должны ответственно заявить — может быть, одна из самых строгих для развитых государств. Выходит, дело не в слабости карательных санкций. Но в чем же тогда? Вопрос этот сложный и упирается в первую очередь в выяснение возможностей уголовного закона.

Зададим себе вроде бы наивный вопрос: «А для чего, собственно, обществу нужен уголовный закон?» Несмотря на кажущуюся очевидность, однозначного ответа на него мы не получим. При этом, как показывает реальная практика, возможны три варианта ответов. Первый, исходящий от лиц, безгранично верящих во всеислие уголовного закона, будет выглядеть примерно так: «Кому это неясно? Уголовный закон нужен для того, чтобы не убивали, не крали, не грабили, не совершали других преступлений». Менее оптимистично настроенные на сей счет люди могут возразить: «Уголовные законы существуют, но ведь все еще и убивают, и крадут, и грабят, и совершают другие преступления». Наконец, есть и такие скептики, которые считают: «Нянчимся с

преступниками, статьи закона подбираем, а надо проще. Украл — отрубить руку, убил — публично повесить, как было раньше в некоторых странах. Сразу не стало бы ни воров, ни убийц».

Ну, а если говорить серьезно: для чего все-таки, в самом деле, нужен уголовный закон? Вот как на этот вопрос отвечает сам законодатель. В статье 1 УК РСФСР (которая так и называется — «Задачи Уголовного кодекса РСФСР») говорится о том, что кодекс «имеет задачей охрану общественного строя СССР, его политической и экономической систем, социалистической собственности, личности, прав и свобод граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств». Следовательно, первый ответ правилен — уголовный кодекс существует для того, чтобы оградить общество от преступлений и преступников. Однако, увы, справедлив и второй ответ. Уголовный кодекс существует, но существует и преступность. Слова из первой статьи уголовного кодекса о его задачах нельзя понимать в том смысле, что перед ним поставлена задача предупредить совершение преступлений **исключительно уголовно-правовыми средствами**. Основные, «стратегические» направления борьбы с преступностью заключаются в осуществлении широкой системы социально-экономических, идеологических, воспитательных и иных преобразований в обществе.

Уголовное право использует в борьбе с преступлениями свои, специфические средства. Оно предусматривает за совершение преступлений применение строгих мер уголовного наказания, тем самым запрещает разнообразные формы антиобщественного поведения.

Как же воздействует уголовно-правовой запрет на граждан и какова в этом отношении его эффективность? Исходя из практики, можно сказать, что по характеру воздействия на граждан запрета, содержащегося в уголовном законе, всех можно условно разделить на три группы. Одну составляет большинство граждан, которые не совершают преступлений не потому, что боятся наказания, а в силу их нравственных установок понимания того, что преступление противоречит интересам социалистического государства и общества. Другую группу граждан образуют те, для кого наличие в уголовном законе угрозы наказания недостаточно. Несмотря на существование такой угрозы, они совершают преступления. И наконец, «промежуточную» группу составляют граждане, которые не совершают преступлений именно вследствие страха перед уголовным наказанием.

Таким образом, уголовно-правовой запрет оказывает свое воздействие на поведение не всех членов общества, а некоторой его части. Но размер такого воздействия нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать. Разумеется, указанные три группы граждан не отделены друг от друга непреодолимым барьером, напротив, границы между ними весьма подвижны. И есть немало факторов, которые способны увеличивать или уменьшать долю законопослушных людей. На первое место в этом отношении следует поставить степень реализации принципа неотвратимости наказания за совершенные преступления. Еще в начале текущего столетия В. И. Ленин отмечал: «Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назна-

чено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым» (Полн. собр. соч., т. 4, с. 412).

Точно так же и в настоящее время в этом отношении важна не столько строгость уголовно-правовой санкции, сколько ее неотвратимость. Например, гражданам, которые опрашивались о мотивах несовершенного преступления, был задан вопрос: «Часто ли, по их мнению, преступник остается неразоблаченным?» Увы, около 30 процентов ответили на него утвердительно. Кстати говоря, 46 процентов опрошенных несовершеннолетних, отбывавших лишение свободы в воспитательно-трудовой колонии, утверждали, что решились на преступление, будучи убеждены: об их действиях никто никогда не узнает.

У нас существуют строгие уголовно-правовые нормы, например, об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции. Однако такой негодной продукции, выпускаемой заводами и фабриками, еще много, а уголовных дел по таким преступлениям крайне мало. Лиц же, осужденных за такое преступление, и того меньше.

Известно, что ничто так не развращает, как безнаказанность. Поэтому принцип неотвратимости наказания за совершение преступления должен выдерживаться всегда и без всяких исключений. Разумеется, он должен лежать и в основе построения уголовного закона. Отметим, что резервы «насыщения» таким принципом существуют не только в отношении деятельности правоохранительных органов, но и в самом содержании ряда важных уголовно-правовых норм. В подтверждение этого сошлемся на рассмотрение в суде одного в общем-то достаточно типичного уголовного дела.

Преступник обвинялся в том, что совершил кражу государственного имущества, угон автомашины (без цели хищения) и злостное хулиганство. Перед судом предстал впервые (его причастность к первым двум преступлениям была выявлена только при расследовании факта хулиганства) и, таким образом, отвечал сразу за три преступления. За ходом судебного процесса наблюдали редкие посетители. Один из них спросил нас: «Сколько лет полагается за каждое из совершенных преступлений?»

— За кражу — до трех, за угон — до года, а за злостное хулиганство — до пяти лет лишения свободы.

— Ну и ну, значит, сядет на все 9...

— Нет, больше пяти лет суд ему не вправе назначить.

— Не может быть, я хоть и не юрист, но слышал, что за второе преступление суд наказывает строже, а тут их целых три.

Суд определил обвиняемому меру наказания в пять лет лишения свободы. Наш сосед вышел, бурча что-то о либерализме суда и попустительстве преступникам.

Согласно статье 40 УК РСФСР: «Если лицо признано виновным в совершении двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части настоящего Кодекса, ни за одно из которых оно не было осуждено, суд, назначив наказание отдельно за каждое преступление, окончательно определяет наказание по их совокупности путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем полного или частичного сложения назначенных наказаний в пределах, установленных статьей, предусматривающей более строгое наказание» (такая же формулировка вошла и в уголовные кодексы других союзных республик). Суд в

этом случае не вправе назначить виновному в совершении нескольких преступлений наказание большее, чем это полагается за одно из совершенных (самое тяжкое). Суд вправе сделать это лишь тогда, когда осужденный после вынесения приговора, но до полного отбытия наказания совершил новое преступление (статья 41 УК РСФСР). Думается, что нынешнее законодательное решение этого вопроса вряд ли способствует последовательной реализации принципа ответственности и наказания и в связи с этим заслуживает изменения. В пользу этого свидетельствует и законодательный опыт зарубежных социалистических стран.

Необходимо постоянно и настойчиво развенчивать до сих пор распространенный обывательский взгляд на жестокость и кару как на лучшее средство искоренения преступности. Социологические исследования показывают, что сторонников третьего варианта ответа на вопрос, поставленный в начале статьи («Для чего нужен уголовный закон?» «Украл — отрубить руку, убил — публично повесить»), не так уж мало. По крайней мере 55 процентов опрошенных на вопрос о том, необходимо ли меры уголовной ответственности сделать более суровыми, ответили утвердительно.

Усиление борьбы с преступностью вовсе не означает обязательного усиления карательной стороны наказания. Напротив, в отношении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, совершенных впервые лицами, находящимися в системе социально полезных связей, успех может заключаться именно в применении мер наказания, не связанного с лишением свободы, с изоляцией осужденного от семьи, производственной обстановки и общества. Это соответствует и ленинским принципам уголовной политики.

Давайте теперь вопрос, сформулированный в начале статьи («Для чего нужен уголовный закон?»), поставим несколько иначе, а именно: «Кому адресован уголовный закон?» Ответ вроде напрашивается сам собой: «На то и уголовный закон, что он рассчитан на людей, совершающих преступления, на преступников». Однако такой ответ нуждается в корректировке: «Не только на них, но и на самых честных, сознательных и законопослушных граждан». Ибо целый ряд положений уголовного закона обращен как раз к честным, высокосознательным людям. В первую очередь к таким уголовно-правовым нормам относятся нормы о необходимой обороне, о причинении вреда при крайней необходимости и задержании преступника. Эти нормы способствуют формированию у граждан активности в борьбе с преступностью, полностью соответствуют их конституционным обязанностям. Так, статья 61 Конституции СССР гласит: «Долг гражданина СССР — бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества»... В статье 65 записано: «Гражданин СССР обязан... быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка». Нет нужды доказывать профилактическое воздействие указанных (как конституционных, так и уголовно-правовых) норм в деле борьбы с преступностью.

Профилактическая роль уголовного закона заключается не только в том, что угрозой наказания он побуждает воздержаться от совершения преступления, но и в том, что он стимулирует к отказу от доведения начатого преступления до конца и непричинению вреда правоохраняемым интересам. При этом средством склонения лица к правомерному поведению выступает не угроза наказания,

а перспектива освобождения лица от ответственности за уже содеянное. Такова норма уголовного закона, устанавливающая: «Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит состав иного преступления» (ст. 16 УК РСФСР). Таким образом, хотя по закону уголовная ответственность наступает не только за оконченное преступление, но и за приготовление к его совершению и за покушение на него, в случае добровольного отказа от доведения преступления до конца лицо может быть наказано лишь за те действия, которые фактически совершило, если они содержат состав иного самостоятельного преступления.

Ну, а если, допустим, раскаяние в отношении содеянного наступило уже после совершения преступления? «Выгодно» ли лицу, совершившему преступление, не ждать, когда его арестуют, а выразить такое раскаяние «словом и делом», то есть явиться с повинной? Да, конечно, выгодно. Статья 38 УК РСФСР одним из обстоятельств, смягчающих ответственность при назначении наказания, называет **чистосердечное раскаяние или явку с повинной**, а также **активное способствование раскрытию преступления**. В некоторых случаях уголовный закон рассматривает явку с повинной как обстоятельство, служащее основанием для освобождения лица от уголовной ответственности. Так, освобождается от уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой. От уголовной ответственности освобождается лицо, давшее взятку, если оно после этого добровольно заявило о случившемся, а также лицо, добровольно сдавшее огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, хранившиеся у него без соответствующего разрешения.

Во всех случаях юридическое значение явки с повинной «работает» на предупреждение преступлений.

В Программе КПСС говорится: «Предметом постоянной заботы партии были и остаются **укрепление правовой основы государственной и общественной жизни**, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка, улучшение работы органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и внутренних дел». Одним из важных направлений в решении этой задачи является постоянная забота о совершенствовании законодательства, в том числе и уголовного. И одним из направлений совершенствования уголовного законодательства является дальнейшее усиление его профилактической направленности, его воспитательного и предупредительного воздействия.

В опубликованном в ноябре 1986 года постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» указывается, что неуклонное соблюдение законов необходимо рассматривать как одну из важных сторон осуществляемой в стране перестройки.

А. НАУМОВ,
профессор, доктор юридических наук
А. САХАРОВ,
профессор, доктор юридических наук,
лауреат Государственной премии СССР

Навет

ИЛИ ЗАБЛУЖДЕНИЕ?

История, о которой я хочу рассказать, тянется уже много лет. В разборе всех ее перипетий участвуют различные районные, областные, краевые, республиканские и союзные инстанции, редакции центральных газет и журналов... И не видно этой истории ни конца, ни края! Хотя с кем бы из должностных лиц, разбирающих и проверяющих все ее коллизии, я ни говорил, все заявляли однозначно: «Пора ставить точку!» Действительно пора.

Итак, познакомимся с основными действующими (или бездействующими, как станет дальше ясно читателю) персонажами этой истории.

В селе Чернотичи Сосницкого района Черниговской области проживают Алексей Иванович Чигир и семья Коваленко — Григорий Максимович и Анастасия Платоновна, их сын Валерий Григорьевич. Второй сын, Анатолий Григорьевич, работает в Норильске.

Небольшое пояснение. Познакомившись с семьей Коваленко и не желая попасть в категорию «ответчиков» на судебном разбирательстве, считаю необходимым привести отдельные документы. Их стиль и орфографию сохраняю.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ХРОНИКА

9.7.84 г. А. Г. Коваленко — Генеральному прокурору СССР:

«Колхоз «Перемога Жовтня» в запущенном состоянии. Честные люди бессильны что-либо сделать против мошенников и хапуг. Всем руководит А. И. Чигир. По некоторым фактам он имел связь с фашистами. По спискам не значится, что он воевал за нас. Мои слова могут подтвердить односельчане И. П. Сидоренко, И. Ф. Осадчий, Г. М. Коваленко, И. П. Чигир».

30.8.84. А. Г. Коваленко — в газету «Известия»:

«В селе Чернотичи покрываются гнусные преступления. А. И. Чигир — злой, коварный человек. Он много лет подряд пускает в ход гнусные махинации. Каждая подлость, все грязные делишки этого бюрократа покрываются в районе. Ходит версия, что у него была связь с фашистами. Взяв ссуду в 10 тысяч рублей, Чигир все списал на колхоз, обманом получил 600 рублей премии, якобы, за сдачу молока. Если понадобится, мы разыщем свидетелей: И. П. Сидоренко, И. Ф. Осадчий, И. П. Чигир, Г. М. Коваленко.

Мы требуем сделать проверку, обойдя район, область и республику. А результаты проверки отправьте лично мне, чтобы я мог убедиться, что наши письма не перехватили, как раньше, и не прислали для проверки самозванцев».

5.9.84. Свидетели И. П. Чигир, Г. М. Коваленко, И. Ф. Осадчий, И. П. Сидоренко:

«С каждым годом колхоз «Перемога Жовтня» из отстающих выходит в передовые. Ведется большое строительство, улучшаются жилищные и бытовые условия колхозников»...

6.9.84. Сосницкая прокуратура — А. Г. Коваленко:

«Ваша жалоба Генеральному прокурору СССР проверена. По производственно-экономическим показателям колхоз занимает в районе уровень выше среднего. План продажи сельхозпродуктов по основным показателям перевыполнен. За год получено 711,6 тысячи рублей прибыли.

Если Вы не располагаете достоверными данными о сотрудничестве А. И. Чигир с немцами, Вы не вправе клеветать на него. Это строго карается законом».

14.1.85. Справка правления колхоза «Перемога Жовтня»:

«А. И. Чигиру ссуда в размере 10 тысяч рублей в колхозе не выдавалась и задолженности за ним нет».

4.2.85. Сосницкая прокуратура — А. Г. Коваленко:

«Ваша жалоба в газету «Известия» проверена. Были опрошены все указанные Вами жители села Чернотичи, в том числе и Ваш отец Г. М. Коваленко. Факты не нашли своего подтверждения. Ссуду А. И. Чигир в колхозе не брал, премию за сдачу молока не получал.

Еще раз предупреждаю Вас о том, что надо располагать конкретными данными о связи А. И. Чигир с фашистами. Иначе Вы можете понести уголовную ответственность за клевету».

18.2.85. Объяснительная записка А. И. Чигир:

«Как инвалид войны II группы и погорелец, я получил ссуду в 10 тысяч рублей в Госбанке сразу же после войны. Регулярно погашал ссуду из военной пенсии. Остаток в сумме 1300 рублей с меня списали как с инвалида войны».

6.3.85. А. И. Чигир обратился в Норильскую прокуратуру с заявлением на А. Г. Коваленко.

15.3.85. Прокурор Норильска А. П. Москалец направляет это заявление в Сосницкую прокуратуру.

29.4.85. Прокурор Сосницкого района И. С. Пожидаев — в прокуратуру Норильска:

«Из содержания жалобы А. И. Чигир в действиях А. Г. Коваленко усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 125 ч. 3 УК УССР (клевета, соединенная с обвинением в совершении государственного преступления). Вы обязаны решить вопрос о возбуждении или отказе уголовного дела против А. Г. Коваленко».

12.5.85. А. И. Чигир вторично обращается в Норильск.

13.5.85. Из Норильска А. И. Чигиру прокуратура возвращает его первое заявление.

25.10.85. Сосницкая прокуратура выносит постановление о возбуждении уголовного дела против А. Г. Коваленко по факту клеветы на А. И. Чигира.

10.11.85. Органы госбезопасности сообщают Сосницкой прокуратуре, что не располагают данными о сотрудничестве А. И. Чигира с немцами.

25.11.85. Сосницкая прокуратура признает А. И. Чигира потерпевшим.

23.12.85. Материалы уголовного дела против А. Г. Коваленко направляются в Норильск.

9.1.86. Старший помощник прокурора города Норильска Н. Н. Голубятникова приняла дело к производству.

10.1.86. Из показаний А. Г. Коваленко:

«Направил я эти письма не как клеветник, а для проверки того, что слышал от людей. Везде сейчас пишут, говорят, что не надо быть равнодушным. Вот я и написал, как гражданин. Если эти факты не подтвердятся, я очень рад, а проверить их должны. Я же по деревне не бегал, не кричал «такой-сякой». На то и существуют соответствующие органы, газеты, чтобы производили проверку».

13.3.86. Сосницы — Норильск:

«Сообщите о результатах расследования дела».

17.3.86. Заместитель прокурора города Норильска В. П. Еремин — Сосницы:

«Уголовного дела против А. Г. Коваленко в прокуратуре не имеется».

3.4.86. Связисты сообщают в Сосницы, что пакет с материалами уголовного дела вручен прокурору Норильска А. П. Москалец 6 января 1986 года.

7.4.86. Новый запрос из Сосниц в Норильск.

25.7.86. Старший помощник прокурора города Норильска Н. Н. Голубятникова — А. И. Чигиру:

«Поскольку умысла на возведение клеветы у А. Г. Коваленко не было, а его письма и заявления направлялись в официальные органы в целях установления истины, поэтому уголовное дело против А. Г. Коваленко прекращено за отсутствием состава преступления».

2.9.86. Заместитель начальника следственного управления Красноярской краевой прокуратуры Ю. И. Антипов — А. И. Чигиру:

«Ваше заявление в Прокуратуру СССР рассмотрено. Следствием установлено, что доводы А. Г. Коваленко не подтвердились. Цели оклеветать Вас он при этом не преследовал. Оснований для привлечения А. Г. Коваленко к уголовной ответственности не имеется».

ОСКОРБЛЕННАЯ ПАМЯТЬ

...Алексей Иванович Чигир взволнованно ходил по избе. Подошел к шкафу, достал заветную шкатулку, открыл ее. Подержал в руках свои боевые ордена, ощущая их металлическую тяжесть и холод, перебрал несколько бумаг, взял одну из них и присел к столу. Вчитывался и никак не мог разобрать текст, но все равно содержание помнил наизусть:

«Уважаемый Алексей Иванович Чигир! Приглашаем Вас на встречу ветеранов 3-го Краснознаменного Гвардейского Котельниковского танкового корпуса. Встреча состоится 8—10 сентября 1985 года в столице нашей Родины Москве».

— Ты что, старый, никак расплакался? — подошла жена.

Алексей Иванович вздрогнул, взял руку жены, похлопал:

— Ничего, ничего, мать, все в порядке. Не может быть, чтобы не найти справедливости!

— То-то ты ее уже несколько лет ищешь! Затаскали в район!

— Найду, обязательно найду!

Вспомнилась поездка в Москву... Собрались ветераны корпуса как раз на День танкиста. Посетили Мавзолей Ленина, возложили цветы к могиле Неизвестного солдата. Потом разбились на кучки и оживленно заговорили. Делились воспоминаниями, рассказывали о своей нынешней жизни, показывали фотографии внуков и внучек, хвастались их успехами и враз смолкали, когда кто-нибудь называл памятную фамилию погибшего.

Чигир чувствовал себя неуютно. К месту сбора их танковой бригады подошло всего 17 человек, он — восемнадцатый. Вспоминания одного не подхватывали другие — хоть в одной части шли к Победе, да, зная, не довелось встретиться в бою.

Чигир отошел к оврагу. На сердце рос холодок. Неуверенной походкой к нему подошли трое. Вопросительно посмотрели друг на друга. Он увидел, как огонек ожидания медленно гас в их глазах. Повернулся, чтобы уйти совсем: тяжело одному среди ликующей братвы. Краем уха слышал негромкий разговор:

— Вроде бы Чигир?

— Откуда, он же погиб в Восточной Пруссии.

— Да нет, не он.

Один из них все-таки решил подойти поближе.

— Алексей, ты?

— Я! — Он готов был броситься навстречу своим боевым товарищам, как на фронте пришедшим ему на помощь, но что-то мешало. Может быть, то, что никак не мог припомнить говорившего. Шутка ли — сорок лет прошло!

— А меня не узнаешь?

— Нет.

— Да я же твой ротный! Когда меня ранили, ты мою роту дальше повел...

— Товарищ Губин!

...Чигир улыбнулся, радость той встречи и через год согрела его. Потом вспомнил свое нынешнее положение «потерпевшего»...

Постоянно вызывают в прокуратуру, приходится писать все новые и новые объяснения. Недавно выясняли, получал ли он бесплатно на складе лесоматериалы. Хорошо, квитанция об оплате сохранилась. Самого жалобщиком называют. А как не писать? Снесли старый памятник погибшим на войне односельчанам. Пообещали поставить новый. Но, как частенько бывает, сроки затянулись. А ведь это память о людях, о хлопцах, с которыми вместе рос... Вот и пришлось обращаться в Киев. Памятник торжественно открыли, а вокруг разбили фруктовый сад.

Он удовлетворенно вздохнул.

Да, а слухи все равно по селу ползут. Вон Коваленко-старший уже открыто ходит и расспрашивает о его службе у фашистов.

Нет, надо бороться до конца! Ведь это даже не оскорбления, а пачканье грязью самого святого в жизни.

Он достал лист бумаги, ручку и энергично подошел к столу. Уныния как не бывало.

— Старый, никак опять писать будешь? Мало ты бумаги извел, разве помогло?

— Помолчи, мать, они из меня фашистского холуя делают! Мне ж теперь ребят погибших даже вспоминать стыдно. Гитлеровских танков не боялся, а здесь отступлюсь?

Не бывать этому!

24.9.86 г. А. И. Чигир — в журнал «Человек и закон».

«Прошу редакцию оказать мне помощь в восстановлении истины и моего доброго имени».

«БЕЛЫЕ АНГЕЛЫ»

Приехав в село Чернотичи, я первым делом навестил Коваленко. По случаю вся семья была в сборе: мать, отец и сын. Я представился, по просьбе Валерия показал удостоверение (кстати, и Валерий, и Анатолий переписали содержание этого документа) и объяснил, что приехал по заявлению А. И. Чигира. Первой в бой ринулась Анастасия Платоновна:

— Это ж одна банда! Вы хотите знать о Поплавском (Н. П. Поплавский — секретарь партийной организации колхоза «Перемога Жовтня»). Слушайте сюда! У одной старой жинки вмер чоловік. Как-то ночью колотят ей в окно хаты. Открыла, видит два ангела: «Твоему чоловіку нет места в раю. Надо заплатить за место 3,5 тысячи карбованцев». Но в хате ж таких карбованцев нема. Обещали прийти через несколько дней. Стара жинка пошла по соседям, да и сказала им об ангелах. Те — в милицию. Пришли два милиционера в штатском, оружные и с собакой, спрятались на печку. Пришли ангелы, колотят в окно. Наученная жинка пригласила их в хату пересчитать карбованцы. Тут милиция их и схватила. Сорвали простыни, маски, гусиные крылья за спиной. А это — Поплавский и бывший директор школы. Ну, конечно, в районе у них все приятели, дело и замысли. А теперь Поплавский у нас в колхозе коммунистами руководит...

Признаться, я не то что улыбнулся, а неприлично захохотал: так нелепа была история. Но, подняв глаза на Коваленко, невольно оборвал смех. Меня поразила их фанатичная убежденность в достоверности события.

В беседу попеременно вступали мать, отец и сын. А поскольку они постоянно ссылались на школьного учителя физкультуры Н. В. Негоду (тоже переписавшего данные моего удостоверения), к слову, женатого на их близкой родственнице, что в беседе со мной, которая состоялась чуть позже, он всячески отрицал, я для экономии места и времени и для большей ясности их позиции объединил их мнения о каждом члене «банды».

Н. П. Поплавский.

— В пьяном виде угнал машину и разбил ее, а свалил все на шофера. Толку от него нема: сплошное очковитительство, шантаж, падеж скота. Однажды около клуба он избил нашего сына Валерия. Потом уговорил сельсовет направить бумагу в милицию. Там увидели несправедливость и отказали наказывать сына.

Н. А. Васюк, председатель профкома колхоза.

— Когда был председателем колхоза, молчал и не мешал Чигиру растаскивать колхоз. Сам же делил деньги с шабашниками. Сдавая дела новому председателю, уничтожил все документы. Он махинациями увеличил число членов профсоюза в колхозе и благодаря этому стал освобожденным председателем профкома.

А ведь, давая объяснения в Сосницкой прокуратуре, Г. М. Коваленко писал: «За Васюка как председателя я ничего плохого не могу сказать».

Что же получается? Либо Григорий Максимович говорил правду корреспонденту, а в прокуратуре дал ложные показания, либо наоборот. Третьего, как говорится, не дано.

Но вернемся к разговору. Третий член «банды» — А. И. Чигир.

— Пытался начислить пенсии пяти бывшим полицаям, а людям

честным и потому лично ему неугодным отказывал. Бесплатно получал пиломатериалы. При распределении земли под выпас отрезал себе двойной пай. Его никак не наказали, а надо бы судить с конфискацией. Он инвалид, а военную пенсию долго не получал. Потом подкупил врачей в районе и стал получать. Его вызывали в суд как бывшего карателя. Он рвач, халуга.

О «банде трех» в целом.

— Они продавали колхозный картофель и сено и на эти деньги кормили районное начальство. А те покрывали их и давали «теплые» местечки. Мы знаем все злодеяния банды за 15 лет. Валерий много раз писал об этом, но письма перехватывались и уничтожались. (Забегая немного вперед, поясню ситуацию со слов Анатолия Коваленко: Валерий много лет писал анонимки. Ответа, естественно, на них не получал. Узнав об этом, Анатолий объяснил ему отношение в инстанциях к анонимкам и посоветовал ставить подпись. «Раз ты такой смелый, ты и ставь!» Анатолий решил помочь брату и поставил...)

Несколько часов кряду я выслушивал обвинения троих Коваленко и Негоды. Вначале подробно записывал, а потом перестал. Видимо, выдохшись, мои собеседники стали называть личные причины конфликта.

Н. В. Негода: «Васюк не выделил мне дрова, он мешал купить мне дом».

Валерий Коваленко: «Я три года строил хату, а Васюк мне ничего не дал (что же давать, если Валерий работает в другой организации, в лесхозе, и живет отдельно от родителей, членов колхоза). Поплавский избил меня у клуба. Чигир воевал со мной из-за земельного участка».

Г. М. Коваленко: «Когда Чигир руководил народным контролем, он никому покоя не давал, везде совал свой нос».

Стоп-стоп-стоп! А не в этом ли «ущемлении» личных интересов и спрятаны источники многолетнего конфликта, разгадка неоднократных обращений в различные инстанции? Что ж, попробуем разобраться. Напоследок еще одно уточнение.

— Вы же знаете, что проверка не подтвердила доводы вашего сына Анатолия против А. И. Чигира.

Ответ Г. М. Коваленко: «Может быть, Анатолий написал, потому что был озлоблен на него».

Ну а теперь давайте, как я и обещал чуть раньше, проверять все эти сведения.

Из показаний участкового инспектора милиции старшего лейтенанта В. Ф. Каравайко:

— Действительно, появились у нас однажды «ангелы». Года четыре назад в село Полесье переехала одна семья: муж, жена и сын. Стали у них чудеса твориться. Придут взрослые с работы — сын спит, вещи разбросаны, бумага разная горит. Что за притча? Отец ко мне: «Федорович, помоги! В доме нечисто, сын говорит, что ангелы какие-то прилетают». Да, побеседовал я с хлопцем основательно, с тех пор «ангелы» на моем участке не появлялись...

Машины Поплавский никакой не разбивал. Однажды он обратился ко мне с устным заявлением: пьяный Валерий пришел в клуб и мешал ходу профсоюзного собрания колхоза. Я поговорил с Коваленко, этим все и закончилось.

Секретарь исполкома Чернотичского сельского Совета Р. С. Пинченко:

— Чигир в свое время был председателем сельпо, ревизионной комиссии, группы народного контроля, комиссии по социальному обеспечению, избирался депутатом сельского Совета. Валерий же помещал несколько мест работы. Неуживчивый он какой-то, часто отказывается признавать заведомо известные вещи. Он построил дом и взял землю под огород — 18 соток. Разбором занимался Чигир. С этого у них все и началось...

Председатель колхоза И. Н. Корниенко:

— Работаю здесь давно, всех хорошо знаю. Валерий мстит Чигиру за огород, который захватил. А Васюку и Поплавскому — за избу и конфликт у клуба.

Хочу рассказать и о нашем колхозе. За последние годы ему вручались переходящее Красное знамя и Диплом ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «За достижение наивысших результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании», он премировался автомобилем «Москвич» и Дипломами ВДНХ СССР и ВДНХ Украинской ССР. Имеем Почетную грамоту Комитета народного контроля СССР. А еще есть диплом обкома партии. В прошлом году колхоз занял призовое место в областном соревновании по зимовке скота.

Конечно, еще много упущений и недочетов, да и просто нерешенных вопросов, но хозяйство встает на ноги. А тут постоянно мешают жалобщики, отвлекают людей и время на комиссии, проверки.

...В Чернотичах у меня было еще три встречи, о которых по некоторым причинам расскажу чуть позже. А сейчас — рассказ о посещении районных инстанций. Народный судья Сосницкого районного суда М. В. Трофименко (этот пост, кстати, он занимает с 1981 года) пояснил, что к нему никто из участников конфликта не обращался и он сам никого из них не вызывал.

Райвоенком майор И. С. Ананенко пояснил, что А. И. Чигир — активный участник Великой Отечественной войны, офицер, имеет ордена; орден Отечественной войны I степени ему вручили в ознаменование 40-летия Победы над фашистской Германией. Военкомат выделял Чигиру материальную помощь: деньги, шифер для кровли, торф, дрова, уголь...

Главный врач района А. Н. Трембовецкий рассмеялся, услышав мой вопрос: «Да это, знаете ли, анекдот, батенька! Подкупить врачей системы Минздрава, гражданской, по сути, организации, и умудриться получать пенсию от Министерства обороны?»

Прокурор района А. М. Николаенко считает, что в свое время А. И. Чигир не выделил Валерию Коваленко участок под застройку там, где тот хотел, с этого у них все и началось.

Пояснил ситуацию председатель партийной комиссии при Сосницком райкоме партии Украины Н. П. Кравченко:

«Валерий Коваленко написал несколько жалоб на председателя профкома колхоза «Перемога Жовтня» Н. А. Васюка в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, их проверяли комиссии обкома и райкома партии, облсовпрофа. Объяснили все Коваленко. Он артачился: «Я еще пушу в ход «козырную даму» — вам всем не поздоровится!» На время утомился, а потом опять написал в партийные органы, но уже на Поплавского. Припомнил ему машину, избивание и «белых ангелов».

В 1985 году А. И. Чигир распределял колхозникам выпасы для личных коров. Себе взял участок в два раза больше нормы. Ему

объявили строгое партийное взыскание и отозвали с должности председателя группы народного контроля колхоза.

В областном военкомате я изучал пенсионное дело А. И. Чигира. Вот какие записи встретились на первых же страницах. Прохождение службы — красноармеец с 1940 года, Ульяновское танковое училище, командир танкового взвода в 19-й Гвардейской танковой бригаде. 1-й Прибалтийский фронт, 2-й Белорусский фронт. 20 марта 1945 года — осколочное ранение лица с повреждением правого глаза. Госпиталь. Июль 1945 года — уволен в запас по болезни. Пенсия начисляется с 5 июля 1945 года.

БОЙСЯ РАВНОДУШНЫХ!

Вот так, круг замкнулся. Многочисленные комиссии, которые следовали одна за другой, тщательно проверяли все сведения (разве можно называть их фактами!), приведенные в заявлениях, и все приходили к одинаковым выводам: авторы не правы. Однако братья Коваленко, не признавая никаких документов, упорно продолжали гнуть свою линию...

Я побывал в двенадцати районных и областных инстанциях, беседовал с должностными лицами, с добрым десятком жителей села Чернотичи. Трудно избавиться от чувства неловкости, когда ни один факт не подтверждается, стыдно смотреть в глаза людям, которым в течение нескольких дней задавал неприятные вопросы. К чести руководителей колхоза следует отметить, что они отнеслись к делу с пониманием. И хотя им приходилось нелегко — еще бы, столько лет плотной осады, — ни единым словом не выдали своего душевного состояния и этим очень облегчили мою работу.

Встретился я и с А. И. Чигиром. Познакомился с его документами, боевыми наградами. Вместе с Алексеем Ивановичем прошлись по подворью. Скажу прямо: палат каменных не обнаружил, хозяйство средней руки. И немудрено: фронтовые ранения оказываются, да история по «оправданию» здорово подкосила здоровье ветерана. Говорим о нем, о членах их «банды»...

Поплавский и Васюк, секретарь партийной организации и председатель профкома колхоза, на предыдущих работах действительно имели недостатки, недочеты и упущения. Все это так, но все это в прошлом. К тому же слабость хозяйственного руководства и заведомое нарушение законов, в которых их обвиняют, согласитесь, далеко не одно и то же. И Алексей Иванович, совершив проступок, тогда же был отстранен от должности и получил строгое партийное взыскание. Но сколько можно мусолить эту историю? И почему? Видимо, разбирательство проходило «келейно», без широкого обсуждения, и многие колхозники не знают всей правды. Может быть, отсюда и пошел слух о безнаказанности Чигира? Но к состоянию гласности в районе мы еще вернемся.

А попытка объявить его фашистским холуем, опорочить самое дорогое для ветерана — его фронтовые годы? Что за этим? Только одно — любым путем свести давние счеы за земельный надел для Валерия Коваленко. Когда же все свидетели, которых назвал в своем заявлении Анатолий Коваленко, отказались подтвердить его слова, в том числе и Коваленко-старший, тем не менее именно последний пошел по дворам собирать слухи и сплетни против Чигира.

Да, не отрицаю, Чигир — человек сложный, далеко не сахар.

Это, к слову, отмечали и И. Ф. Осадчий, И. П. Сидоренко, Г. М. Коваленко, И. П. Чигир. Они писали, что А. И. Чигир постоянно вмешивается в дела руководителей колхоза, навязывает свои идеи, многие колхозники им недовольны.

Но есть же и другое мнение. Односельчанин Н. И. Кузьменко считает, что Чигир — человек резкий, всегда говорит людям правду в глаза, что не всем нравится. Этому же мнению придерживается и правление колхоза. А вот выписка из официального документа — ответа Сосницкой прокуратуры А. Г. Коваленко: «Чигир А. И. постоянно вскрывает недостатки в работе специалистов и колхозников и ставит вопрос перед правлением об устранении выявленных недостатков и наказании виновных. Это не «верховодство» и «навязывание своих идей», как вы считаете, а принципиальная позиция коммуниста».

А пока бой продолжается. С одной стороны, монолитная группа из четверых Коваленко и Негоды, а с другой — Васюк, Поплавский и Чигир при равнодушном нейтралитете односельчан. А ведь еще древний мудрец заметил, что равнодушие хуже предательства. И только Алексей Иванович решился-таки поднять голос в защиту своего честного имени. Есть о чем подумать руководителям района и колхоза.

Серьезный это вопрос — как приструнить сплетника? Зачастую мы слишком мягки, лояльны к нему, вот он и распоясался. Спросил я Поплавского: «Что же вы терпите столько лет грязные сплетни?» «Да как-то, знаете, неудобно. К тому же и в райкоме посоветовали не связываться». А кляззник тем временем смелеет, рассылает все новые и новые письма. Однако где-то, наверное, должен быть предел уговорам. Коваленко сходит с рук все. Более того, у части односельчан они в явном авторитете. А как же: напишут, и будь здоров, любого с работы снимут. Такой вот метод борьбы практикуют Коваленко.

А теперь вернемся к позиции местных властей. Мягко говоря, она непонятна. Вот первый секретарь Сооничского райкома партии Украины Н. М. Михуля отвечает на жалобу Валерия Коваленко в ЦК КПК при ЦК КПСС: «По поднятым вопросам с гр. Коваленко В. Г. проведена беседа. Результатами он удовлетворен». И в повторном ответе на новую жалобу в партийные органы уважаемый Николай Макарович также пишет об «удовлетворении» Коваленко. Беседовал с Коваленко и второй секретарь райкома партии В. В. Труба. Тоже разошлись, что называется, с миром. А председатель райисполкома Н. П. Батог, словно в собственное оправдание, замечает корреспонденту: «При мне у Чигира никаких нарушений не было». Действительно, уважаемый Николай Петрович, нарушений у Чигира не было, за исключением того, за которое он уже наказан. Но речь-то идет о восстановлении его честного имени.

Так вот и осторожничают с жалобщиками в Сосницком районе: «Связываться с ними не хотим!» И много лет «не связываются». Как говорят спортсмены, все это время игра идет в одни ворота. Где же выход?..

Видимо, стоило собрать сельский сход и предложить кляззникам принародно высказать свои обвинения в адрес конкретных лиц. А потом с помощью документов подтвердить или разоблачить предъявленные обвинения. (Все документы мне удалось собрать ровно за два дня. В районе же не могут, вернее, не хотят этого сделать уже

несколько лет.) Это позволило бы на корню пресечь всевозможные олухи и сплетни. Ведь они, как огня, боятся гласности. А ее как раз и не хватает.

Есть ли гарантия, что Коваленко не будут больше писать? По-моему, нет. Рассудят так: несколько раз сошло с рук — сойдет и дальше. Мне запомнилась одна из фраз Валерия: «Корниенко (председатель колхоза) пока ничего...» Чувствуете: пока! А когда оно пройдет, это пока, последуют новые письма? Ведь угрожал же Валерий райкому партии пустить в ход «козырную даму»!

Да, я не сомневаюсь, потом в редакцию придет официальный ответ, в котором сообщат, что после выступления журнала наказан порок и вознаграждена добродетель. Но согласитесь, когда на честного человека во все инстанции пишут ложные жалобы, всячески поносят его, — такая ситуация с точки зрения нашей морали, наших понятий о справедливости выглядит весьма неприглядно.

...Занятный диалог состоялся у меня с первым заместителем прокурора города Норильска В. П. Ереминым.

— Валерий Павлович, как вы относитесь к делу Коваленко?

— Досконально не вникал, а сейчас оно в Красноярске.

— А Голубятникова, она же опытный юрист...

— Не знаю, она в отпуске.

— А Москалец?

— Переведен в Хакасию.

— А почему ответили в Сосницы, что уголовного дела в Норильске нет?

— А это Москалец может объяснить...

Ей-богу, как в детской оказке: кончилось мочало — начинай жевать сначала. Ситуация, увы, знакома многим из нас. Обращается человек по какому-нибудь делу в учреждение или организацию. Разрешить вопрос поручают конкретному исполнителю. Через некоторое время исполнитель заболел, уехал, ушел в отпуск, перешел на другую работу — все, концов не найдешь, дело стоит! Но ведь нам-то какое дело до этого дела, извините за невольный каламбур. Мы же обращались не к Иванову, Петрову, Сидорову, а в учреждение или организацию.

...Встретился я и с Анатолием Коваленко. Признаться, он никак не подходил под мерки закоренелого кляузника. Опытный специалист-рационализатор, активный общественник, хороший семьянин — так характеризовали его окружающие. Видимо, он не ожидал приезда корреспондента. Разговаривал упавшим голосом. Казалось, еще чуть-чуть, и он раскается, откажется от обвинений в адрес А. И. Чигира, спросит совета, как лучше загладить свою вину перед ним. Нет, так я этого и не дождался. Вот стенограмма его рассказа:

— В отпуске я встретился с братом Валерием. Тот пожаловался — колхоз разграбляют. Я знал, что Валерий пишет анонимки, и посоветовал написать открыто. Он ответил: раз ты такой умный, сделай это сам!

— Что ж, собери факты, а я напишу. В отпуске делать было нечего, вот я и написал Генеральному прокурору. Проезжая через Москву, бросил письмо в почтовый ящик.

Немного отвлечемся. Какая же просто поразительная, бездумная легкость в поступке: «делать было нечего, вот я и написал». И ведь не открытку любимой тете, а тяжкие обвинения в адрес фронтовика, инвалида. Мы все знаем: украсть даже самую малость — это не-

хорошо, за это накажут. А облить человека грязью — пожалуйста! Ну и что, побеседуют с тобой душещипательно, пальчиком эдак: ай-ай-ай, и все! Грязь же потерпевший пусть сам с себя счищает, будь он хоть самый честный человек.

В нашем разговоре Анатолий прояснил свою позицию: «Я как гражданин СССР не могу равнодушно смотреть на все эти преступления. Поэтому и просил разобраться компетентные органы. Клеветником и кляузником себя не считаю».

Вот как! Месть за обиды брата Валерий маскирует борьбой за справедливость. Очень удобная позиция, чтобы свести личные счеты. Но давайте предположим, что Коваленко действительно слышал какие-то разговоры о прошлом Чигира и они его заинтересовали. Он же мог написать запрос в официальные инстанции: так, мол, и так, интересуюсь службой Чигира на войне. Нет, Валерий с ходу обвинил его в самом тяжком — измене Родине.

Повторюсь, я не юрист. И, может быть, в этом деле действительно отсутствует признак «распространения заведомо ложных позорящих другое лицо измышлений» (формулировка закона о клевете). Не мне судить. Но человек распространяет грязные слухи. Еще в школе учат, что это подло, непорядочно. Выходит, Коваленко — сплетник, не могу подобрать другого определения. Все равно это — преступление, но уже против нашей общественной морали.

И Анатолий где-то в глубине души побаивается ответственности. Не случайно интересовался у меня перспективами наказания за свои наветы.

ПО ВСЕЙ СТРОГОСТИ ЗАКОНА

Теперь давайте подумаем: а чем, собственно, пользуется клеветник? Безнаказанностью! Ведь применить юридические санкции к нему не так уж просто. Для этого требуется доказать, что человек не заблуждался, а писал с явным умыслом оклеветать, очернить. Согласен, это трудно. Вот и плодятся клеветники. Ну а если человек заблуждается и пишет без умысла? Он что — порядочный? Ведь это же самый настоящий сплетник!

Мы боремся за гласность во всем, за открытую критику, за честность. Именно сейчас, как никогда, необходимо оградить человека с этой, пока еще плохо защищенной стороны. Того требует гуманность, социальная справедливость.

К сожалению, еще довольно распространен тип людей, которых, как говорится, хлебом не корми — дай только пожаловаться. Писание жалоб они сделали чуть ли не основным своим занятием. Да, они не скрывают своих имен, ставят разборчивые подписи. Но от этого обществу ничуть не легче. Оговорюсь: имею в виду жалобы, которые иные «умельцы» рассылают сразу во все инстанции: от районных до центральных. В сеть заведомо необоснованных притязаний попадают десятки различных органов, сотни должностных лиц.

Десятки канцелярий регистрируют их письма, переправляют в надлежащие органы для разбора. Выезжают на место компетентные комиссии. И что же? «Жалоба не подтвердилась». Теперь эта бумажка пробегает обратный путь по десяткам инстанций, отвлекая сотни людей. А автору — ничего...

Есть авторы писем, которые ходят по селу, городу и собирают, «фиксируют» фактики, а потом «сигнализируют»: там доска оторва-

лась, здесь промоина образовалась, тут краска облезла. Затем все это выкладывается на двадцати страницах и запускается на самый «верх». Да ведь есть же простой выход. Возьми молоток с парой гвоздей, лопату или кисточку с краской. Прибей, закопай, покрась... Нет, надо «сигнализировать» в высшие инстанции! И едут, летят самолетами комиссии для проверок.

...Из Норильска в Москву самолет «ТУ-154» летит четыре с лишним часа. И я решил за это время заняться несложными подсчетами. Вот они. Мои разъезды по делу А. Коваленко обошлись редакции, то есть государству, в 400 рублей и заняли две недели. При наведении справки я оторвал от основной работы десятки людей, были подняты сотни документов.

А во что обошлась государству проверка всей писанины, которой тешат себя братья Коваленко? Здесь счет идет уже на десятки тысяч рублей народных денег. И это только одно дело. А в масштабах страны хотя бы за год? Я мало погрешу против истины, если предположу, что сумма расходов на эти цели превышает миллионы рублей. А как скинуть со счетов моральный ущерб проверяемых?

И что же, в результате опять сакраментальное: факты не подтвердились? Я не претендую на какие-то далеко идущие выводы, но одно предложение выскажу. Может быть, установить следующий порядок. Комиссия проверила заявление. Факты не подтвердились. В этом случае автор должен подписать специальный акт проверки, один из экземпляров которого передается местным властям. При дальнейших обращениях по этому вопросу и тех же результатах проверки автор оплачивает стоимость комиссии из своего кармана (эх, да еще бы в десятикратном размере!). Заранее предвижу возражения: негуманно! Согласен, а каждый год растраниживать миллионы народных рублей — это как, гуманно?

Да, именно об ответственности я веду речь. Верно, право на жалобу у нас имеет каждый. Но верно и то, что жалоба в каждом случае должна быть честной, обоснованной, а не высосанной из пальца. И уж тем более не клеветнической. В противном случае их авторы должны держать ответ по всей строгости закона.

Алексей АНОСОВ

Чернигов — Красноярск — Норильск — Москва

ХЛЕБ — ВСЕМУ ГОЛОВА

читаем мы на плакате, едва войдя в булочную. Но всегда ли относимся трепетно к продукту номер один? О сохранности хлеба, его вкусовых достоинствах, новых сортах — беседа нашего специального корреспондента В. Стерина с руководителями управления хлебопекарной и макаронной промышленности Мосгорисполкома.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ:

почему они становятся предметом судебного разбирательства? Записки народного судьи В. Мальгина.

КАК БОРОТЬСЯ С ЛЮБИТЕЛЯМИ НЕТРУДОВЫХ ДОХОДОВ?

На письма читателей отвечает юрист.

НАША ПОЧТА РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

ПРОДУКТ № 1

Истари хлеб звали «продуктом № 1», без которого никто обойтись не может. Однако каждый ли знает, как трудно вырастить хлеб и как нелегко испечь ароматную аппетитную булку! Всем известно, что хлеба у нас в стране хватает, что у нас самая дешевая цена на хлеб, а говоря откровенно, баснословно дешевая цена. Что ж, достаток хлеба стал привычным. Но в привычку каждого должно войти и бережное, уважительное отношение к продукту № 1. В беседе нашего специального корреспондента В. Стерина с руководителями управления хлебопекарной и макаронной промышленности Мосгорисполкома принимают участие главный инженер управления Э. А. Зайцев, заместитель начальника управления В. Я. Паничев, а также директор хлебозавода № 3, потомственный хлебопек Г. Н. Анохина.

Корреспондент: Наверное, резонно будет начать наш разговор с вопросов сохранности хлеба и его качества...

Э. А. Зайцев: Связь между качеством и сохранностью прямая и тесная. Качественный хлеб дольше не черствеет, следовательно, меньше будет его возврат на хлебозаводы для переработки. Меньше уйдет его и в бытовые отходы. Чтобы обеспечить Москву, надо выпечь свыше 2300 тонн хлебобулочных изделий в сутки. В Москве работает 30 хлебозаводов — круглосуточно, без выходных и праздников. 14 000 рейсов совершают ежедневно машины Главмосавтотранса. Московский хлеб, по всеобщему признанию, лучший в стране. Он выпекается из муки высшего и первого сорта. Однако не будем хлопотать сами себе в ладоши — брака в работе еще у нас хватает. Есть возврат «черствяка» на заводы, есть технологический брак. И причины брака разные. Тут и мука с пониженным количеством и качеством клейковины, и слабый контроль за состоянием оборудования, за приготовлением полуфабрикатов, отсутствие дрожжей нужного качества. Да и дисциплина самих рабочих порой хромает.

Корреспондент: Велик ли бывает возврат хлеба на заводы?

В. Я. Паничев: За 1985 год торговля — магазины и булочные — возвратили нам 1063 тонны черствого хлеба. Мы пускаем его на переработку. Получаем панировочную муку. К общему количеству выпущаемого хлеба возврат составляет не такую уж большую цифру — всего 0,14%. А мы выпекли в год — 740 000 тонн.

Отчего у нас иногда бывает некачественный хлеб? Прежде всего оттого, что до недавнего времени нуждам хлебопекарной отрасли уделялось очень мало внимания. И наша производственная база отстает от требований сегодняшнего дня. 70% хлеба мы производим в печах, построенных еще в годы первых пятилеток. Они, безусловно, нынче устарели.

Э. А. Зайцев: Мало того, что они устарели. Производить реконструкцию, ставить новое оборудование на заводах с такими печами практически невозможно. Отсюда и большая доля ручного труда — на некоторых до 50 процентов. Что это значит? Низка рентабельность наших заводов, невелики прибыли, а следовательно, не очень

значительны фонды социального развития. Потому мы мало строим квартир и детских учреждений, в итоге — велика текучесть кадров. Все это не способствует росту престижа нашей отрасли. Молодежь к нам идет неохотно. Почему? Молодежь хочет работать на современной технике, мы же о ней только мечтаем. Так что пока в нашей отрасли самая большая нехватка рабочих рук.

Корреспондент: Одно из условий сокращения потерь хлеба многие наши читатели видят в переходе на выпуск булок и буханок меньшего веса. Они утверждают, что меньше станет отходов в бачках и мусоропроводах, если батоны станут выпускаться фасовкой в 200—300 граммов, а буханки «полегчают» наполовину. Как вы относитесь к этим предложениям?

В. Я. Паничев: Как бывший директор хлебозавода — с большим скепсисом. И недоверием. На практике убедился в обратном.

Г. Н. Анохина: А я как нынешний директор завода отношусь к этим предложениям резко отрицательно. Никакой экономии хлеба и муки, как предполагают, при выпуске мелкофасованного хлеба не произойдет, наоборот, хлеба будет больше уходить в отходы, муки в упек. Давайте вспомним время, когда в деревнях хозяйки из собственной муки пекли домашний хлеб. Они что, не хотели экономить муку, не берегли хлеб? Ничего подобного. И все-таки «творили» караваи весом в 2—3 килограмма. Отчего? Тесто в большом куске лучше бродит, сохраняет больше белковых веществ, хлеб дольше живет, лучше сохраняется. В Латвии нынче пекут домашний хлеб весом в 2—3 кг. И вкус у него отменный, и хранить его легче. А на Западе? В Финляндии и Швеции тоже в моде большеформатные буханки и караваи. Вернемся в Москву. Мы у себя на заводе выпекаем всем известную булочку 0,05 кг ценою 3 копейки. Меньше, как говорится, фасовать некуда. А она популярность не пользуется. Отчего? Да очень быстро сохнет, становится черствой. Заказов на нее у нас все меньше и меньше.

Э. А. Зайцев: Мы сейчас активно боремся за укрепление материально-технической базы. Недавнее постановление исполкома Моссовета и коллегии Минхлебопродукта СССР от 27 августа 1986 года звучит так: «Об укреплении материально-технической базы мукомольной и хлебопекарной промышленности г. Москвы в 1986—1990 гг. и улучшении снабжения населения хлебобулочными изделиями».

Корреспондент: Что изменится на прилавках булочных после этого постановления?

Э. А. Зайцев: Многое. Наши взаимоотношения с транспортом, с торговлей, наша база. Покупатели, видимо, знают, что в продаже появились новые сорта хлеба. Среди них три наименования хлеба из смеси ржаной и обдирной муки первого сорта: российский, столичный, дарницкий. Цены на эти новые сорта хлеба останутся традиционно низкими, будут соответствовать существующим аналогам. Начата реконструкция на многих хлебозаводах. Но все эти перемены не состоятся, если мы не наладим крепкие, основанные на праве и законе, партнерские отношения с автомобилистами. Потери напрямую зависят от доставки хлеба. Представьте себе такую ситуацию. Булочная вечером получает с завода свежий хлеб. А на прилавках у нее еще полно хлеба утреннего завоза. Как поступят продавцы? Поставят хлеб горячий, свежий в подсобку. И стоит он до утра. Утром нам говорят: хлеб ночной. Слышали, небось?

Корреспондент: Неоднократно. Думал, так и быть должно.

В. Я. Паничев: Нет, так быть не должно. Не должен хлеб стоять 10—12 часов в подсобке. Он же черствеет, всем понятно. Не знаю, может, директор булочной не рассчитал, заказал больше, но факт остается фактом — хлеб будет черствым утром, его будут покупать неохотно, его больше уйдет в отходы, он скорее вернется на переделку.

Г. Н. Анохина: Это самый безобидный пример. Есть хуже. Заказал хлебозавод 30 машин, а дали нам 20. Доставка сорвана, теперь уже хлеб лежит на заводе.

Корреспондент: А штрафные санкции?

В. Я. Паничев: Самый больной наш вопрос. На пути к нашему содружеству с Мосхлебтрансом стал, как это ни парадоксально, Устав автомобильного транспорта РСФСР. Исходя из него мы можем рассчитывать на штраф транспортников только до 5 рублей в сутки за неподачу одной машины. С нас же за минуту сверхпростоя спецавтомобиля автомобилисты берут 16 копеек за одну минуту. Стоит Мосхлебтрансу только представить в Госбанк квитанцию, и с нашего счета снимут деньги и переведут на счет транспортников. Мы же за неподачу или опоздание штраф взыскиваем только через Госарбитраж. Берут с нас штрафы даже за то, что машина была не вовремя разгружена у булочной. И это несмотря на соответствующие разъяснения Госарбитража, да и Устав предусматривает ответственность и грузоотправителя и грузополучателя. Но договор-то заключен с хлебозаводом, а не с булочной. И берут с заводов...

Корреспондент: Но известно, что одно время транспорт подчинялся вам. Потом создали централизованную доставку, а ответственность по-прежнему несете вы?

Э. А. Зайцев: Именно. Транспортники работают по валу, для них важен общий тоннаж. Груз потяжелее отвезти дальше — вот их лозунг. Мы ввели контейнерную доставку хлеба — груз стал тяжелее, им выгодно. Но нам выгодна быстрая доставка. Выгодна она и москвичам. Но здесь наши интересы с автомобилистами расходятся. Мы заинтересованы в конечном результате труда, они — не очень.

В. Я. Паничев: Вот примеры, о которых писала осенью этого года городская газета. «Хотя на предприятиях загрузка машин шла довольно бойко, за проходной мы столкнулись с явлениями вопиющими. Некоторые фургоны с надписью «Хлеб» заезжали в близлежащие улочки и замирали до рассвета...» Далее приводятся номера машин-фургонов. Но не в них суть. О чем это говорит? Нет графика движения по всей рабочей смене автофургонов. Нет службы, которая бы следила за маршрутом следования фургонов и о каждой задержке докладывала бы ответственному диспетчеру. В итоге очень много случаев, когда фургоны просто пропадают в паутине московских улочек до рассвета.

Э. А. Зайцев: Сейчас мы работаем над созданием просчитанного на ЭВМ единого графика доставки хлеба. Фирменные булочные обязаны будут иметь полный ассортимент выпускаемых хлебобулочных изделий. Остальные — строго определенный.

Корреспондент: А как рассчитываете наладить партнерские отношения на основе взаимной выгоды с транспортниками?

В. Я. Паничев: Только договор о партнерстве с равной ответственностью и равными правами. И единый премиальный фонд для всей «триады» — заводов, торговли и транспортников. То есть работа на конечный результат каждого из партнеров. Сработал четко по договору — получай премиальные. Для транспортников главным должно быть время доставки хлеба. Мы сейчас создаем ОДС — объединенную диспетчерскую службу, будем регулировать доставку, следить за машинами. Сбой в цепи будет изучаться, и меры будут приниматься сразу же.

Г. Н. Анохина: Хочется сказать еще вот о чем. Мы отрасль, в которой нет научно обоснованных нормативов для определения качества хлеба. Судят о качестве по нарезке батонов — сколько продольных нарезок — пять или шесть. Но ведь это к качеству не относится. А между тем нам могут вернуть всю партию, если в десяти батонах нарезка не пять полос, а четыре. А это лишние прогоны машин, лишние деньги на разгрузку, на переработку. Сейчас хлеб на завод может вернуть грузчик булочной. Запишет в товаро-транспортной накладной в графе возврата количество возвращаемого хлеба (который должным образом не всегда считают), и все. Мы считаем, что, если обнаружен брак, надо вызывать представителя завода. Совместно с комиссией составить об этом акт забраковки, а не так, как сейчас... Ведь иногда по городу необоснованный возврат составляет в день до нескольких тонн хлеба. Это полновесные караваны, которые или становятся добычей расхитителей, или уходят на переделку.

Корреспондент: А сдоба? А плюшки? Вернутся ли они в наши булочные?

Э. А. Зайцев: Они и не исчезали. Их явно не хватает — это да. Но дело тут в том, что крайне велика их трудоемкость — сдобы делают вручную. Мы думаем о том, как бы передать изготовление этой продукции на подряд в пекарни при булочных. Пока что эти пекарни, числящиеся на нашем балансе, убыточны. Штат в такой пекарне 9 человек, дают они 400 кг продукции. Одна зарплата выше прибыли в несколько раз, не говоря уже о накладных расходах.

Корреспондент: Одним словом, главная проблема, которая должна быть решена, — ваши взаимоотношения с транспортниками и торговлей. Нужен договор, нужны ведомственные акты, регулирующие эти отношения к удовлетворению всех сторон, и, конечно, покупателя. Далее, нужна реконструкция мощностей заводов. Так?

Э. А. Зайцев: Только так. Резервы у нас есть. И наша задача — поскорее ввести их в действие. Главное — реконструкция заводов. Нормализация партнерских отношений в «триаде». Соцкультбыт — на это сейчас обращаем особое внимание. Решим мы все эти вопросы — и продукт № 1, самый главный продукт, отблагодарит нас.

ЗАПИСКИ НАРОДНОГО СУДЬИ

ЧУЖИЕ

«Икарус», еще совсем новенький, пахнувший резиной и краской, весело бежал по городу. В салоне автобуса нелюдно. Немолодая женщина в коричневой норковой шапке, в шубе с таким же норковым воротником, с золотыми серьгами положила руку на спинку сиденья и отрешенно смотрит куда-то вдаль. Лицо пассажирки показалось мне знакомым.

«У представителей каждой профессии свои знакомства,— думал я, исподволь рассматривая ее.— У портного— поклонники моды, у доктора—больные, а у судьи... Истцы, ответчики, подсудимые...» Но сколько ни пытался, так и не мог вспомнить, кто же она. «В суде,—успокоил себя,—каждый день новые лица—легко и забыть, но вот эту женщину я уже видел. И не раз».

...Старушка входила в кабинет осторожно, не спеша, как бы боком. «Старость,—невольно констатировал я, наблюдая ее мягкие движения,—это когда надо уступать, не быть категоричным, неспешно ходить по земле и не торопить время». Темные резиновые сапожки, изношенное пальто, пестрый старенький шарф...

— Товарищ судья,—сказала она после того, как тихонько присела на краешек стула.—Дочка и после суда не пускает меня домой.

Пять месяцев назад суд принял решение о вселении этой женщины в комнату, из которой ее выгнала дочь. Видимо, мне следует сказать, что в таких случаях исполнительный лист выдается лишь по требованию заинтересованного лица.

Пять месяцев Мария Алексеевна скиталась по родным и знакомым, не имея своего угла. Все надеялась: вдруг образумится дочь. Вот уж поистине великое терпение дано материнскому сердцу,

чтобы надеяться и ждать. Долго не приходила в суд за исполнительным листом. Сегодня вот пришла.

Дело по иску Марии Алексеевны к ее дочери и зятю о вселении и разделе жилой площади слушалось судом. Были вызваны все взрослые члены семьи. Мать и дочь, а теперь истица и ответчица, сидели в разных концах этого зала и не смотрели друг на друга. Когда же секретарь пригласила их занять место в первом ряду, сели как можно дальше друг от друга. Даже в этом чувствовалась их взаимная неприязнь.

Дочь старушки, Анна Ивановна, была в стареньком, давно вышедшем из моды пальто, в скромном берете. Ее муж, слесарь ремонтно-механического цеха, — в синей замасленной куртке.

«В суд наряды не надевают, — вспомнилось вдруг выражение старого адвоката, — ибо каждый рассчитывает на снисхождение».

Лицо дочери продолговатое, с тяжелым волевым подбородком, было сосредоточенным и не улыбочивым. Немолодая, она, когда ей предложили дать объяснения, сказала твердо и решительно:

— Да, я выгнала мать, потому что от нее нет никакого житья снохе. Поймите, не могла иначе. Сын и сноха студенты, у них ребенок. Кто им поможет, кроме меня? Матери моей они ребенка не доверяют.

— Вы понимаете, что нарушили закон?

— Как нарушила? Квартира моя, мне дали ее на производстве. Я плачу за нее. Мать за девятнадцать лет не платила за квартиру ни копейки.

Семья Анны Ивановны живет в отдельной трехкомнатной благоустроенной квартире площадью 40 квадратных метров на четверых. Все комнаты изолированы. У бабушки и внучки-десятиклассницы — по комнате. У Анны Ивановны и ее мужа — тоже отдельная комната — самая большая в квартире. Третий этаж, все удобства, лоджия... Что еще?

— Ваш сын и сноха имеют свое жилье, — листаю бумаги гражданского дела, — у них комната в коммунальной квартире. Вот справка: там они прописаны постоянно. Зачем же было тревожить мать?

— Она не соглашается переехать в коммунальную квартиру. Говорит, не хочет жить одна, без присмотра. А мне к молодым не набегаться — слишком далеко.

— Ваша мать — человек больной, перенесла две тяжелые операции. Разве не заслужила она в семьдесят лет право на покой, на заботу?

— Я ей сказала: «Если не хочешь уезжать на другую квартиру, поживи у сестер: теперь их очередь». Я и так кормила мать 19 лет...

В шестнадцать лет покинула Анна Ивановна родную деревню. Уехала в город. Что бы она ни говорила в суде, но без поддержки матери не смогла бы учиться, стать квалифицированным экономистом.

Когда же умер отец и мать осталась одна, дочь предложила: «Перебирайся ко мне. Квартира у меня хорошая, живем вдвоем с сынишкой». Мария Алексеевна долго колебалась. Все-таки пятьдесят лет прожила в деревне, привыкла к людям, к земле, к хозяйству.

«Как они там живут на этих этажах? — думала. — Ну, не удалась семейная жизнь, глядишь, снова замуж пойдет. Как зять посмотрит

на меня, на тещу? Но ведь трудно сейчас ей: одна с ребенком. Кто ж поможет, если не я? Да и сама я за войну потеряла здоровье, часто болею. Случись что — воды подать некому...»

Мария Алексеевна решилась. И вот передовик труда, ударница, активистка, уважаемый на селе человек пошла в няньки к собственной дочери. Девятнадцать лет пробыла в той должности, которую досужие остряки называют «ты бы».

«Ты бы, мама; сходила, ты бы, мама, принесла, ты бы, мама, купила...»

Но вот однажды мать посмела сделать замечание жене внука. Вспыхнула обида. С этого дня началось решительное отчуждение матери и дочери. Вскоре была произнесена горькая, ставшая поворотной в их отношениях фраза: «Ты бы, мама, пожила у Веры или Зои...» Мария Алексеевна поняла, что больше дочери не нужна.

— Ведь я же тебе сына вынянчила?

Но Анна Ивановна уже ничего не слышала. Она объявила матери войну. Через несколько дней пианино из комнаты внучки перекочевало в комнату бабушки.

Мать смолчала. А когда уехала на несколько дней к сыну, поглядеть внуков, дочь поселила в ее комнату сына и сноху.

Мария Алексеевна не сразу решилась пойти в суд. Вела переговоры через младшую дочь, но все напрасно: «Будешь настаивать, организуем обмен, но в доме ты мне не нужна». Таким было последнее слово старшей дочери.

А ведь все могло быть иначе: суда могло не быть, если бы Анна Ивановна помнила, что она — дочь. И мне очень хотелось надеяться, что после суда она призадумается над своим поведением.

Суд вынес решение о разделе жилой площади, закреплении за Марией Алексеевной комнаты, в которой она проживала ранее, и о вселении ее. Ответчики решение суда не обжаловали.

...Как-то после работы я возвращался домой пешком. У кооперативных гаражей, неподалеку от городского парка, заметил женщину и молодого человека. Они возились с новым «Москвичом». И одеты были, конечно же, соответственно для такой работы. Но вот женщина повернулась ко мне, и я узнал знакомое старенькое пальто, скромный берет...

Да, это была Анна Ивановна. Та самая дама из автобуса в дорожной шубе, в мехах и золотых перстнях.

«Москвич», выбрасывая облака дыма, прополз мимо, а я вспомнил еще одну деталь. Когда Мария Алексеевна подавала заявление, она говорила о том, что отдала дочери все свои сбережения и та сумела распорядиться деньгами матери, приобрела автомобиль. А ведь в судебном заседании старушка даже не упомянула об этом.

«В суд наряды не надевают», — вспомнил я снова слова адвоката. Нет, не случайно Анна Ивановна, идя в судебное заседание, оделась столь скромно. Уж очень хотелось ей подчеркнуть мнимый материальный недостаток, чтобы у суда не мелькнуло даже мысли о ее корыстолюбии, чтобы не к матери своей, а к себе вызвать сострадание. Но ввести в заблуждение суд не удалось. Решение было принято в соответствии со статьей 53 Жилищного кодекса РСФСР: члены семьи нанимателя, проживающие совместно с ним, пользуются наравне с нанимателем всеми правами и несут все

обязанности, вытекающие из договора найма жилого помещения. К членам семьи относятся супруг нанимателя, их дети и родители. Судебное решение о вселении было исполнено.

ПРОШУ ПРИЗНАТЬ ОТЦОМ...

Они пришли вдвоем. Немолодая, болезненного вида женщина и ее дочь. Пришли спросить, как можно возвратить ребенка, которого мать, вот эта совсем юная девушка, оставила у отца. Пришли вдвоем, потому что сама мамаша, старшеклассница по возрасту, еще не могла выступать в суде.

— Ведь она с ним даже не зарегистрирована, и он не записан отцом, — бабушка волнуется, переживает. Дочь никакой озабоченности не проявляет. И, судя по всему, матери совсем не просто было вести ее в суд.

— Иди к отцу и забирай малышку, — советую я.

— А они не отдают, — почти по-детски жалуется она. — Говорят, ты ее не любишь...

— Странная история, — соглашаюсь я, — посторонние люди не отдают матери ребенка. Тут и вправду без суда не обойтись. — И рассказываю моим посетителям, как составить заявление, какие документы представить.

Однако суд не состоялся. Бабушка и мать, с которыми я недавно беседовал, отказались от ребенка.

«Удивительно, — подумал я, узнав об этом. — Ребенок остался в семье отца. А по документам у новорожденного его нет...»

Лишь через два года эта история имела свое продолжение. В суд пришел высокий, стройный парень — Игорь Климов (назовем его так) и попросил признать его отцом ребенка.

Раньше Игорю и Марине казалось, что свидания, телефонные звонки, записки — это любовь. Учебу забросили, интересовали их только собственные чувства. Ни родители, ни педагоги об этом не подозревали. Что-то, а свои тайны юность прятать умеет.

Осенью в женской консультации Марине сказали, что положение ее серьезное. Тогда они во всем открылись. Что говорить, родители были шокированы. Но решили: пусть Игорь и Марина поживут пока у ее матери, а потом, по достижении брачного возраста, зарегистрируют свои отношения в ЗАГСе.

В ту пору они не представляли еще, что семья — это труд, взаимные обязанности, что она потребует и ломки собственных характеров, и критического подхода к себе. Для Игоря и Марины все это было тайной за семью печатями.

Из роддома Игорь увез Марину к себе домой. Его родители не только приняли ее с малышкой под свою крышу, но и взяли на полное материальное обеспечение.

Они учились в разных профтехучилищах. Теперь мать Игоря ходила на родительские собрания в оба ПТУ, выслушивая замечания и в отношении сына и в отношении невестки.

Игорь понял вскоре, что, создав семью, взял на себя серьезные обязательства: начал старательно учиться, чтобы получить профессию, стать самостоятельным. Но вот Марина не сделала для себя никаких выводов — заявила, что учиться больше не желает, и, несмотря на все уговоры, оставила училище. Даже к своим родительским обязанностям относилась спустя рукава. Заботы о ребенке легли на плечи матери Игоря.

В первые дни Марина говорила: «это я не умею», «это я не знаю»..., а потом все чаще и чаще: «не буду», «не хочу», «обойдемся и так...» Целыми вечерами пропадала на танцах, случалось, не приходила домой ночевать. На замечания домашних отвечала дерзко, непристойно. И вот однажды, воспользовавшись тем, что бабушки с внучкой не было дома, она собрала вещи и вернулась к своей матери.

Год прожила Марина в семье Игоря. Не раз он просил ее сходить в загс, записать ребенка на его имя (препятствий возрастных к тому времени уже не было). Но Марина хотела, чтобы это произошло вместе с регистрацией брака, а Игорь... Игорь молчал. Знал, что родители его были против такой невестки. Да и сам уже начал кое-что понимать. Игорь обратился в народный суд, Марина не стала возражать — поняла, что совместной жизни с Игорем у них не будет...

Год назад Игорь закончил училище, стал квалифицированным рабочим, вскоре женился. И его жена, как я узнал, относится к ребенку по-матерински.

Марина по-прежнему не училась, не работала, тоже вышла замуж, живет на иждивении мужа. Вспоминает ли о своей дочери? Изредка заходит, навещает.

Я рассказываю обо всем этом вовсе не потому, что считаю подобные случаи характерными, но вот случилось же... Мы, юристы, пытались помочь молодым людям, используя правовые средства. А как в таких случаях поступают педагоги? В суде их не было.

— Как вы реагируете на подобные случаи? — поинтересовался я у педагогов.

— Зачем же делать обобщение из ЧП? — ответили мне. — Мы стараемся об этом просто не говорить...

Непонятная позиция. Молодые люди должны знать, что в любви, кроме романтики (о ней мы говорим и предостаточно пишем), есть также обязанности друг перед другом, перед детьми, перед обществом. И что за их неисполнение применяются правовые санкции. Просто необходимо, чтобы родители и педагоги нам помогали, сумели объяснить: та же Марина, которая, оставив дочь Игорю, полагая, что теперь свободна от всяческих забот о ней, жестоко ошибается. В любое время к ней может быть предъявлен иск о взыскании алиментов. По закону мать обязана материально содержать своего ребенка и заботиться о его воспитании до совершеннолетия. Даже в том случае, если ребенок проживает у отца.

Правовое невежество нередко открывается перед нами во всей своей неприглядности. Очень хорошо, что в школах теперь наряду с изучением права ввели предмет «Этика и психология семейной жизни». Успеха, на мой взгляд, мы добьемся в том случае, если преподаватели будут помнить: предметы эти должны дополнять друг друга.

ПРАВО НА СЧАСТЬЕ

...Я вышел из класса средней школы с чувством неудовлетворенности: вроде говорил не так, как замышлял, и беседа, мне казалось, прошла несколько сумбурно, необедительно.

— Вы хорошо рассказывали о трудностях судейской профессии, — перебила мои невеселые мысли Светлана Ивановна, классный

руководитель десятого класса. И уже когда мы прошли в школьный коридор, спросила вдруг:

— Помните Неверовых — Устинью Федоровну и Сергея Павловича? — И, видя мое недоумение, добавила: — Они у вас разводились, ну те, что «Волгу» делили...

— А.., — вдруг вспомнил я, — инженер...

— Правильно. Сергей Павлович недавно приезжал на свадьбу к сыну. Не узнала его, совсем переменялся человек.

Мне хорошо запомнились эти уже немолодые супруги: инженер и учительница литературы.

Сергей Павлович был отличный специалист, рационализатор, изобретатель, уважаемый на своем предприятии человек. Жена его, Устинья Федоровна, являла собой канонический образ учительницы, живущей во имя того, чтобы «сеять разумное, доброе, вечное»...

Что же заставило этих уважаемых всеми людей, уже немолодых супругов прийти в суд? Сергей Павлович, будучи на курорте, познакомился с молодой женщиной и, вернувшись домой, подал на развод.

Обычно в суд приходят тогда, когда страсти, толкнувшие людей на разрыв, поостыли, улеглись. Приходят, чтобы подвести итоги, морально укрепиться в своем решении. Неверовы же явились, когда у них еще ничего не отстоялось и не утряслось. Поэтому они говорили эмоционально, трудно и вели себя неуступчиво.

Казалось бы, причина развода ясна: муж нашел другую женщину. Но истец заговорил так:

— С Устиньей Федоровной, — они называли друг друга только по имени-отчеству, — я не был счастлив. Все дни и вечера она в школе, а мы с сыном все вдвоем и вдвоем. Я уж ей говорил: «Поставь раскладушку в учительской»...

— Не остри, Сергей Павлович, — возражала она, — Ты знал на ком женился. Такая работа. Ребятишек не бросишь: то дополнительные занятия, то школьные мероприятия...

— Я тоже имею право на счастье, — продолжал убеждать нас Сергей Павлович. — Впервые полюбил по-настоящему.

Сколько раз в суде приходилось слышать эту эгоистическую фразу: «Имею право на счастье...» Странно, что, произнося ее, люди забывают о своих обязанностях перед другим человеком, перед детьми, перед обществом.

— От добра добра не ищут, — заметил один из народных заседателей Сергею Павловичу. — Нам кажется, у вас такая добрая и согласная семья...

— Счастье, — возразил Сергей Павлович, — не измеришь, со стороны не увидишь. Много лет я чего-то ждал. А теперь, когда сын уже вырос, хочу пожить для себя...

— Я против развода, — твердо сказала Устинья Федоровна. — Прошу отложить суд, пусть Сергей Павлович подумает еще.

Чувствовалось, она любит мужа...

Трудно суду мирить супругов, когда один из них упрямо рвется к разрыву. Ведь всякое примирение — результат взаимных уступок.

И вот теперь Сергей Павлович решил все.

Самым ценным в имуществе Неверовых была автомашина «Волга».

Сергей Павлович хотел появиться в Крыму, куда он собрался уезжать, на собственной «Волге».

— Нет! — вспыхнула Устинья Федоровна. — Сын недавно окончил курсы, скоро получит права. Машину прошу оставить семье...

Помнится, в тот день их брак расторгнут не был. Нам хотелось добиться их примирения, сохранить семью. Отложили дело на несколько месяцев.

Увы, надежды наши не оправдались. Вскоре Сергей Павлович уволился и уехал в Крым. Автомашина была передана жене, суд обязал ее выплачивать мужу денежную компенсацию.

Вот эту историю и напомнила мне Светлана Ивановна, когда мы шли с ней по шумному школьному коридору.

— На свадьбе его сына, — рассказывала она, — мне удалось откровенно поговорить с Сергеем Павловичем. Несчастливым для него оказался второй брак, да и сам переезд в Крым безрадостным. Он превратился даже не в личного, а в семейного шофера жены (приобрел там «Жигули») и ее многочисленной родни. Каждый день он только и слышал: «Сергей, свози меня в магазин...», «Давай съездим на рынок...», «Милый, я опаздываю в ателье...», «Мама просила купить и привезти...» Даже в кинотеатр жена его приезжала на автомобиле: «Пусть все видят, что у нас «Жигули», — говорила она.

Особенно горькими для него стали поездки в другие города в сезон, когда созревает виноград. В пятницу вечером он везет жену в соседний город, на рынок, а в воскресенье, усталый и разбитый, возвращается домой. Стяжательские интересы жены поглотили и его. Он понемногу отошел от своих технических замыслов, от изобретений. А тут еще память... Память постоянно возвращала к людям, с которыми провел лучшие годы. Затосковал по сыну, заскучал по друзьям, которых оставил в Сибири.

— Вы помните, он любил принарядиться, пофорсить, все повторять: «Жить надо торжественно...» А как теперь изменился! Этот самый уют, которого, казалось, так не доставало прежде и которым окружила его новая жена, стал вызывать у него лишь раздражение: «К черту все эти салфетки, накидки и хрусталь! — не выдержал он во время нашего разговора. — Не привык я к ним. Да и нельзя жить только ради барахла!»

Слишком поздно это понял.

Недавно Сергей Павлович приезжал к Устинье Федоровне, просил у нее прощения. «Отвыкла я от вас, — ответила она. — Да и не смогу перешагнуть через все, что нас разделило».

Слушая рассказ учительницы, я понял наконец, почему не удовлетворен своей сегодняшней беседой со школьниками. Я много говорил о сложности нашей работы, о тонкостях правовой науки, о гуманности советского законодательства. Но примеры, которые приводил, наверное, подавались как в учебнике. Было бы куда эффективнее, если бы эту работу мы провели вместе с педагогом. Может, мне не доставало вот такой теплоты, эмоциональности и того самого мастерства, которые даются только годами педагогического труда? Над этим стоит призадуматься всем сотрудникам правоохранительных органов, ведущим праворазъяснительную работу среди молодежи. И тогда, я уверен, мы добьемся не просто хорошего знания права, но и высокого правосознания.

ЗА НЕЧЕСТНЫЕ РУБЛИ— К ОТВЕТУ

У нас на кондитерской фабрике отмечаются факты мелкого хищения кондитерских изделий. Принимаемые меры не дают должного эффекта, поскольку они носят кампанейский характер. Правда, несколько человек уволили, но увольнение их почему-то оформлено было «по собственному желанию». Считаю, что это неверно. Объясните, пожалуйста, какие дополнительные меры по новому закону об усилении борьбы с нетрудовыми доходами могут быть применены в отношении иесунов?

Киевская область

К. Нестеренко

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов» часть 1 статьи 117 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде дополнена пунктом 8, который предусматривает возможность расторжения трудового договора по инициативе администрации за совершение по месту работы хищения (в том числе мелкого) государственного или общественного имущества, установленного вступившим в законную силу приговором суда или постановлением органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания или применение мер общественного воздействия.

Лица, совершившие хищение государственного или общественного имущества, наряду с привлечением к административной или уголовной ответственности либо применением к ним мер общественного воздействия лишаются всех видов премий в течение периода, устанавливаемого администрацией по согласованию с трудовым коллективом, либо с профсоюзным комитетом (профсоюзным бюро) предприятия, учреждения, организации. Они также лишаются вознаграждения по итогам годовой работы, льготных путевок в дома отдыха или санатории. Администрация может по предложению трудового коллектива и при согласовании с профсоюзным комитетом перенести их очередь на получение жилой площади.

Среди лиц, живущих на нетрудовые доходы, наряду со взяточниками, расхитителями народного добра, спекулянтами немалую общественную опасность представляют скупщики краденого имущества. Расскажите, какая ответственность по нашему уголовному за-

кону установлена за скупку краденого, особенно в тех случаях, когда эти преступления совершаются систематически.

г. Устинов

К. Калмыков

Статьей 208 Уголовного кодекса РСФСР (соответствующие статьи есть в УК других союзных республик) предусмотрена уголовная ответственность за «заранее не обещанное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем». По данной статье Уголовного кодекса ответственность несет тот, кто приобрел добытое преступным путем имущество без предварительного сговора с преступником, причем речь идет не только о похищенном имуществе, но и о добытом в результате совершения любого другого преступления.

Часть первая статьи 208 Уголовного кодекса гласит: «Заранее не обещанное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, наказывается исправительными работами на срок до шести месяцев, или штрафом до двухсот рублей, или общественным порицанием, либо влечет применение мер общественного воздействия».

То же деяние, совершенное в крупных размерах, может повлечь лишение свободы до двух лет со штрафом до пятисот рублей или без такового либо исправительные работы на срок до двух лет.

За заранее не обещанный сбыт или хранение с целью сбыта, а равно за приобретение с целью сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, наказание может быть применено до пяти лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой.

А за те же действия, совершенные в виде промысла или в крупных размерах, — лишение свободы на срок до семи лет со ссылкой на срок до пяти лет или без таковой, а также с конфискацией имущества или без таковой.

В судебной практике встречаются случаи, когда лицо обещает приобрести имущество, которое добывается преступным путем, заранее, то есть до совершения преступления. В этом случае данное лицо будет нести ответственность как соучастник преступления, в результате которого добыто имущество.

Соучастием признается совместное умышленное участие двух или более лиц в совершении преступления. Это исполнители, организаторы, подстрекатели и пособники (ст. 17 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

На письма читателей ответил
юрист М. КАРЫШЕВ

МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Мастер смены Эйвалекского комбината спецжелезобетона В. Столетов написал в редакцию о грубых нарушениях на предприятии — приписках.

Редакция получила официальный ответ за подписью председателя Ташкентского областного комитета народного контроля А. Севастьянова.

Должностные лица действительно допускали приписки. Приказом по комбинату мастера В. Сим и О. Пушкарев от занимаемых должностей освобождены. В частичное возмещение ущерба с них взыскана треть заработной платы.

Заслуженное наказание понесли также виновные в нарушениях работники Алмалыкского автопредприятия № 80, обслуживающие комбинат: освобожден от занимаемой должности начальник отдела эксплуатации Х. Эргашев. Строгие выговоры объявлены старшему инженеру В. Безбородных и старшему диспетчеру Т. Толмачевой. На них произведен денежный начет в размере трети месячного оклада. Суммы, незаконно полученные водителями, удержаны из их заработной платы.

* * *

Председатель правления колхоза «Прогресс» Н. Забуга к своим обязанностям относится недобросовестно. Главный бухгалтер колхоза Л. Таран злоупотребляет служебным положением, присваивает денежные средства, материальные ценности.

Вот вкратце содержание письма, поступившего в редакцию из Лебединского района. О результатах его проверки сообщил нам председатель Сумского областного комитета народного контроля С. Маслов.

Факты, изложенные в письме, подтвердились. Виновные привлечены к дисциплинарной и материальной ответственности. За недостатки в руководстве хозяйством и допущенную бесконтрольность к партийной ответственности привлечен председатель колхоза Н. Забуга. Народный суд Лебединского района приговорил бывшего главного бухгалтера колхоза Л. Таран к двум годам исправительных работ по месту работы с удержанием 20 процентов из заработной платы в доход государства. Она лишена права занимать должности, связанные с распоряжением, хранением и учетом материальных ценностей, сроком на три года.

ИНФОРМАЦИЯ КОНСУЛЬТАЦИИ ОТВЕТЫ

АТТЕСТАЦИЯ И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РАБОЧИХ МЕСТ — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Этот вопрос был задан работникам ряда предприятий. Большинство не смогло на него ответить. Ответ вы сможете узнать, заглянув в рубрику «Право: от А до Я».

КТО ВИНОВАТ?

Николай Бывалый рассказывает об ответственности за преступно небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

О внесении дополнений в Положение о въезде в Союз Советских Социалистических Республик и о выезде из Союза Советских Социалистических Республик

Совет Министров СССР постановляет:

Внести в Положение о въезде в Союз Советских Социалистических Республик и о выезде из Союза Советских Социалистических Республик, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 22 сентября 1970 г. № 801 (СП СССР, 1970 г., № 18, ст. 139), следующие дополнения.

Дополнить Положение после пункта 19 новым разделом в следующей редакции:

«Рассмотрение ходатайства о въезде в Союз Советских Социалистических Республик и о выезде из Союза Советских Социалистических Республик по частным делам.

20. Въезд в СССР и выезд из СССР по частным делам могут совершать советские граждане, иностранные граждане и лица без гражданства независимо от их происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка и отношения к религии.

21. Ходатайства о въезде в СССР и о выезде из СССР по частным делам (воссоединение с членами своей семьи, встреча с близкими родственниками, заключение брака, посещение тяжело больных родственников, посещение мест захоронения близких родственников, разрешение вопросов о наследстве и другие уважительные причины) подаются соответственно в дипломатические представительства или консульские учреждения СССР или органы внутренних дел СССР по месту проживания гражданина или лица без гражданства.

Порядок рассмотрения ходатайств и оформления въезда в СССР и выезда из СССР по частным делам устанавливается настоящим Положением, иными актами законодательства Союза ССР и издаваемыми в соответствии с ними инструкциями Министерства внутренних дел СССР и Министерства иностранных дел СССР, а по вопросам, связанным с заключением браков,— также инструкцией Министерства юстиции СССР о порядке регистрации в СССР браков советских граждан с иностранными гражданами и лицами без гражданства.

22. С ходатайствами о приглашении в СССР граждан, проживающих за границей, и о выезде за границу по частным делам могут обращаться лица, достигшие 18 лет.

Дети до 18 лет могут выезжать за границу только по ходатайству законных представителей и, как правило, в их сопровождении.

Выезд из СССР за границу на постоянное проживание детей от 14 до 18 лет может быть осуществлен только при наличии их согласия, выраженного в письменной форме и нотариально удостоверенного.

23. Ходатайство о временном выезде из СССР по частным делам рассматривается при представлении соответствующих документов.

Срок временного пребывания в СССР и за границей по частным делам устанавливается с учетом цели поездки. Этот срок может быть продлен соответственно органами внутренних дел СССР и дипломатическими представительствами или консульскими учреждениями СССР при согласии властей принимающего государства.

24. Ходатайство о выезде из СССР за границу для воссоединения с членами своей семьи рассматривается при представлении приглашения мужа, жены, отца, матери, сына, дочери, родного брата и родной сестры, заверенного компетентными властями соответствующего иностранного государства, и нотариально удостоверенных заявлений остающихся в СССР членов семьи, а также бывшего супруга (если имеются несовершеннолетние дети от совместного брака) об отсутствии у выезжающего не исполненных в отношении их обязательств, предусмотренных законодательством Союза ССР.

По ходатайству выезжающего рассматривается вопрос о выезде из СССР совместно с ним других родственников и нетрудоспособных иждивенцев, если они проживают совместно и ведут общее хозяйство.

Если у лица, ходатайствующего о выезде, не имеется в СССР членов семьи, то может быть принято к рассмотрению ходатайство при представлении приглашения и другого родственника.

25. Выезд из СССР по частным делам гражданину Союза Советских Социалистических Республик не разрешается:

а) если он осведомлен о государственных секретах или имеются иные причины, затрагивающие безопасность государства,— до прекращения действия обстоятельств, препятствующих выезду;

б) если это влечет за собой ущемление существенных прав и законных интересов других граждан СССР;

в) если он имеет неисполненные обязательства перед государством или имущественные обязанности, с которыми связаны материальное или правовые интересы государственных, кооперативных и иных общественных организаций,— до исполнения этих обязательств и обязанностей;

г) если имеются законные основания для привлечения его к уголовной ответственности,— до окончания производства по делу;

д) если он осужден за совершение преступления,— до отбытия наказания или освобождения от наказания;

е) если установлено, что приглашающее лицо находится за границей в нарушении порядка выезда из СССР или пребывания за границей,— до урегулирования этих обстоятельств.

Выезд из СССР по частным делам гражданину Союза Советских Социалистических Республик может быть не разрешен:

а) в интересах обеспечения охраны общественного порядка, здоровья или нравственности населения — до прекращения действия обстоятельств, препятствующих выезду;

б) если во время предыдущего пребывания за границей он совершил действия, нарушающие интересы государства, или установлены факты нарушения им таможенного или валютного законодательства;

в) если при возбуждении ходатайства о выезде он сообщил о себе ложные сведения.

26. Въезд в СССР советского гражданина, постоянно проживающего за границей, может быть временно не разрешен лишь в исключительных случаях, когда это необходимо для обеспечения государственной безопасности, охраны общественного порядка, здо-

ровья и нравственности населения, защиты прав и законных интересов советских граждан и других лиц.

27. Иностранцам гражданам и лицам без гражданства въезд в СССР и выезд из СССР может быть не разрешен по основаниям, установленным статьями 24 и 25 Закона СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР».

28. Ходатайство о временном въезде в СССР и выезде из СССР по частным делам рассматривается в возможно короткие сроки и, как правило, не позднее чем в месячный срок, а если поездка связана с серьезной болезнью или смертью родственника,— в течение 3 дней.

Ходатайство о въезде в СССР и выезде из СССР на постоянное проживание рассматривается в течение 1 месяца; при необходимости дополнительного изучения срок может быть продлен, но не более чем до 6 месяцев.

Результаты рассмотрения ходатайства, а в случае отказа и его мотивы доводятся до сведения заявителя.

Разрешение на въезд в СССР и выезд из СССР является действительным в течение 6 месяцев.

29. В случае отклонения ходатайства о въезде в СССР и выезде из СССР по частным делам повторные ходатайства по этим вопросам рассматриваются, как правило, не ранее чем через 6 месяцев после принятия решения об отказе. При этом принимаются во внимание полностью или частично ранее представленные документы, если не произошли изменения, которые могут иметь существенное значение для рассмотрения ходатайства.

30. Вопросы въезда в СССР и выезда из СССР по частным делам могут регулироваться также двусторонними договорами между СССР и другими государствами.

Ввести в действие настоящее постановление с 1 января 1987 г.

Председатель Совета Министров СССР Н. РЫЖКОВ
Управляющий делами Совета Министров СССР М. СМЕРТЮКОВ

Москва, Кремль, 28 августа 1986 г. № 1064.

ОПОВЕЩЕНИЕ ПОДПИСЧИКОВ СВОДА ЗАКОНОВ СССР

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР» завершило издание Свода законов СССР в 10-ти томах и справочного 11-го тома к Своду законов СССР.

Свод законов СССР издается на разъемных листах. Обновление материалов, помещенных в нем, производится периодической заменой устаревших нормативных актов новыми.

В 1984 году вышел из печати и разослан в книоторговую сеть обновленный материал к первому тому издания по состоянию законодательства на 1 января 1983 и 1984 гг. (Одна подборка).

В настоящее время издательством подготовлены к выпуску обновленные материалы по всем десяти томам издания по состоянию законодательства на 1 января 1986 года (три подборки), которые, согласно условиям подписки, будут выдаваться подписчикам бесплатно.

В течение 1987—1988 гг. издательство «Известия» продолжит выпуск материалов по обновлению издания. Они будут издаваться не реже одного раза в полугодие и вручаться подписчикам за отдельную плату.

А

АТТЕСТАЦИЯ РАБОЧИХ МЕСТ

В эффективном использовании производственного и трудового потенциала одним из резервов является аттестация рабочих мест.

Совет Министров СССР и ВЦСПС 15 августа 1985 года приняли постановление «О широком проведении аттестации рабочих мест и их рационализации в промышленности и других отраслях народного хозяйства». В соответствии с ним разработано Типовое положение об аттестации, рационализации и планировании рабочих мест, утвержденное Госкомтрудом СССР, Госпланом СССР, Госнабом СССР, ГКНТ, Госстроем СССР, Госстандартом, ЦСУ СССР и ВЦСПС 14 февраля 1986 года (Бюллетень Госкомтруда СССР № 7, 1986 г.), на основании которого министерства и ведомства разрабатывают и совместно с ЦК профсоюзов утверждают отраслевые положения.

В Типовом положении особо указано, что цель проводимой работы — активизация человеческого фактора, развитие у людей инициативы, творческого, хозяйского отношения к делу. Последовательно реализуя положение Закона СССР о трудовых коллективах, необходимо привлечь к участию в аттестации каждого рабочего и служащего, а итоги регулярно рассматривать на общих собраниях коллективов бригад, цехов и предприятий. Аттестация и рационализация рабочих мест должны стать органическим элементом системы хозяйствования и управления производством, важным средством мобилизации резервов повышения производительности труда, совершенствования его нормирования. Действенным стимулом в эффективном проведении этого важного мероприятия служат предоставленные предприятиям и организациям права использования фондов заработной платы, материального поощрения, развития производства, а также введение повышенных ставок и окладов и решение других социальных вопросов.

Основными целями аттестации, рационализации, учета и планирования рабочих мест являются повышение эффективности производства, качества продукции и рациональное использование основных производственных фондов и трудовых ресурсов на предприятиях, в отраслях, на территориях и в народном хозяйстве. Эти цели достигаются за счет ускорения роста производительности труда на основе приведения рабочих мест в соответствие с требованиями научно-технического прогресса, сокращения применения ручного и тяжелого физического труда, повышения содержательности и привлекательности труда. Улучшается использование основных фондов путем ликвидации излишних рабочих мест с устаревшим оборудованием, концентрации работ на наиболее прогрессивном оборудовании, обеспечения сбалансированности числа рабочих мест и работающих, повышения коэффициента сменности работы. Цели эти достигаются также улучшением условий труда и техники безопасности на каждом рабочем месте, повышением культуры производства.

Разъясним некоторые понятия.

Учет, который является первым этапом работы по аттестации рабочих мест, предусматривает определение их числа, классификацию и группировку по видам и характеру использования, по категориям занятых на них работников.

Аттестация представляет собой совокупность мероприятий, которые включают комплексную оценку каждого рабочего места на его соответствие передовому научно-техническому и организационному уровню, обеспечивающему повышение производительности труда и высокое качество продукции, анализ достигнутого уровня производства.

Рационализация рабочих мест — это организационно-технические мероприятия, направленные на совершенствование этих мест и улучшение их использования.

Планированием рабочих мест называется расчет их оптимального количества и структуры в целях обеспечения их сбалансированности с трудовыми ресурсами, занятыми в народном хозяйстве, и роста производительности труда.

В Типовом положении подчеркивается, что организацию работ по учету, аттестации, рационализации и планированию рабочих мест осуществляют руководители предприятий, организаций совместно с профсоюзными комитетами с широким привлечением рабочих и служащих, научно-технической общественности, изобретателей и рационализаторов, руководствуясь отраслевыми положениями.

В целях координации и контроля за эффективностью работы по аттестации и рационализации рабочих мест создаются постоянно действующие комиссии. В их состав входят руководители функциональных подразделений, заместитель председателя профсоюзного комитета, передовые рабочие, мастера, бригадиры, представители первичных организаций НТО, ВОИР и других общественных организаций. Комиссии возглавляют руководители предприятий, организаций или главные инженеры (соответствующие должностные лица). На крупных предприятиях, в организациях комиссии могут создаваться в структурных подразделениях.

Совет Министров СССР и ВЦСПС постановлением от 15 августа 1985 года № 783 «О широком проведении аттестации рабочих мест и их рационализации в промышленности и других отраслях народного хозяйства» обязали министерства и ведомства СССР, Советы Министров союзных и автономных республик, исполкомы местных Советов народных депутатов совместно с соответствующими профсоюзными органами обеспечить в 1985—1986 гг. внедрение аттестации и рационализации рабочих мест на всех промышленных предприятиях, а в 1985—1987 гг. — на предприятиях и в организациях строительства, сельского и лесного хозяйства, транспорта, связи, материально-технического снабжения, бытового обслуживания населения, торговли и общественного питания, а также на геологоразведочных, топографо-геодезических предприятиях и в организациях.

В дальнейшем аттестацию рабочих мест проводят планомерно, не реже двух раз в пятилетку.

А. МАКСУРИ,
заведующий сектором Всесоюзного
научно-методического центра по организации
управления производством Госкомтруда СССР

Принятыми в 1979 и 1983 годах постановлениями партии и правительства предусмотрен ряд мер по укреплению трудовой дисциплины, организованности, порядка.

Хотелось бы знать, что в этих документах говорится о мерах воздействия на нарушителей трудовой дисциплины — за прогул, пьянство, частый необоснованный переход с работы на работу и т. д.

Татарская АССР

Н. Каримова

ПОРЯДОК, ЕДИННЫЙ ДЛЯ ВСЕХ

Известно, какую дорогую цену приходится платить за нарушение трудового ритма, как непроизводительно порой используется рабочее время, сколько его теряется из-за прогулов, простоев, перекуров.

Хотелось напомнить читателям о том, что постановления партии и правительства требуют от руководителей и трудовых коллективов решительного искоренения фактов примиренческого отношения к нарушителям трудовой дисциплины, использования всех мер воздействия, предусмотренных трудовым законодательством.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1983 года и постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 года № 745 установлено, что к рабочим и служащим, отсутствующим на работе более трех часов в течение рабочего дня без уважительных причин, применяются такие же меры ответственности, какие установлены за прогул. Так, в соответ-

ствии с пунктом 4 статьи 33 КЗоТ РСФСР за совершение прогула (в том числе отсутствия на работе более трех часов в течение рабочего дня) без уважительных причин предусматривается расторжение трудового договора по инициативе администрации, иными словами, увольнение прогульщика с работы.

В соответствии с пунктом 6 постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 года и разъяснением Госкомтруда СССР и ВЦСПС от 25 октября 1983 года рабочим и служащим, совершившим прогул без уважительных причин, очередной отпуск уменьшается на число дней прогула. При этом продолжительность отпуска не может быть меньше двух недель (12 рабочих дней).

За систематическое нарушение трудовой дисциплины, а также прогул без уважительных причин или появление на работе в нетрезвом состоянии рабочие и служащие могут быть переведены на другую

нижеоплачиваемую работу сроком до трех месяцев или на такой же срок смещены на другую низшую должность.

Систематически нарушающими трудовую дисциплину считаются рабочие и служащие, которые имеют дисциплинарное или общественное взыскание за нарушение трудовой дисциплины и нарушили ее вновь.

Под другой нижеоплачиваемой работой или низшей должностью понимается работа и должность, не обусловленные трудовым договором, независимо от профессии и специальности работника. Однако не допускается перевод на такую работу, которая противопоказана по состоянию здоровья.

Рабочим и служащим, уволенным за систематическое нарушение трудовой дисциплины, прогул без уважительной причины или появление на работе в нетрезвом состоянии, премии по новому месту работы в течение шести месяцев выплачиваются в половинном размере. Это правило распространяется на работников предприятий, организаций, учреждений всех отраслей народного хозяйства и на все виды премий, предусмотренных системой оплаты труда, независимо от источников их выплаты.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1983 года внесены изменения в законодательство о материальной ответственности рабочих и служащих. Общий предел материальной ответственности повышен. Вместо одной трети месячной тарифной ставки (оклада) работника он теперь равен одной трети его среднего месячного заработка. Тем же Указом была предусмотрена полная материальная ответственность, когда ущерб причинен работником, находя-

щимся в нетрезвом состоянии.

Изменен порядок возмещения ущерба, причиненного предприятию, учреждению, организации.

Установлено, что возмещение ущерба, причиненного предприятию, учреждению, организации в размере, не превышающем среднего месячного заработка работника, производится по распоряжению администрации предприятия, учреждения, организации. Если ущерб причинен руководителем предприятия, учреждения, организации и его заместителем — по распоряжению вышестоящего в порядке подчиненности органа.

Распоряжение об удержании из зарплаты должно быть издано не позднее двух недель со дня обнаружения причиненного работником ущерба.

Если работник не согласен с удержанием или его размером, трудовой спор по заявлению рассматривается в установленном порядке в комиссии по трудовым спорам, в профсоюзном комитете, а в случае несогласия — в районном (городском) суде.

Независимо от применения мер дисциплинарного или общественного взыскания к нарушителям трудовой дисциплины могут применяться также иные меры правового воздействия:

а) лишение премий, предусмотренных системой оплаты труда;

б) лишение вознаграждения по итогам годовой работы;

в) непредоставление льготных путевок в санатории, дома отдыха;

г) перенос очереди на получение жилой площади;

д) изменение времени предоставления очередного отпуска.

БЕСПРИЗОРНЫЙ ТРАКТОР

Получаю я на днях от свояка Анатолия телеграмму: «Срочно приезжай. Попал в беду. И захвати Уголовный кодекс». Раз просит — надо приехать. Тем более что живет он в селе неподалеку от нас. Да и жена моя Клава давно свою сестру не видела. Словом, собрались мы пораньше утром в субботу и к обеду были у Анатолия. Пока сестры болтали и обменивались новостями, Анатолий позвал меня в соседнюю комнату.

— Под суд меня отдадут, Николай,— грустно сообщил он.

И расказал такую историю. Поздно осенью трактор, на котором Николай работал в поле, сломался. На месте починить нельзя было, и попросил свояк главного механика, чтобы вывезли машину с поля. А тот только руками развел: «В такую-то слякоть и думать нечего! Подождем до холодов. Ничего с ним не делается». Потом ударили морозы. Пошел снег. И все недосуг было вывезти трактор. А когда наконец поехали за ним, Анатолий ахнул: вместо трактора стоял лишь железный остов. Все узлы и детали были сняты.

— Вот меня и привлекли к уголовной ответственности,—с горечью закончил он свой рассказ.— Уже три раза к следователю вызывали. Я ему объясняю, что не я же украл, а он говорит, что будут судить по статье 99-«прим» Уголовного кодекса РСФСР. Объясни, что это такое?

— Вот, смотри,—показываю ему.— Статья эта называется «Преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники». И касается она тракторов, автомобилей, комбайнов и иных сельскохозяйственных машин, которые принадлежат совхозам, колхозам и другим государственным или кооперативным организациям. Статья устанавливает, что, если в результате такого безответственного, бесхозяйственного отношения к машинам произошла их порча, или поломка, или разукomплектование, или, как говорят, «раскулачивание», виновные в этом наказываются лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на срок до двух лет, или же штрафом до трехсот рублей. Если такие действия совершены неоднократно или причинили крупный ущерб, то виновные наказываются лишением свободы на срок до трех лет. Ну и, понятно, они должны будут возместить ущерб.

Попутно я ему объяснил, что статья эта относится ко всей технике, предназначенной для использования в сельскохозяйственном производстве. Ответственность несут и те, кто «раскулачивает» машины на запчасти для неисправной техники.

— Так что, как видишь, ты виноват,—объяснил я ему.— Но, думаю, что и твоего главного механика привлекут к уголовной ответственности. Ведь он отвечает за сохранность, техническое состояние и эксплуатацию сельскохозяйственных машин и механизмов.

Словом, получилось так, как я и предполагал. Народный суд наказал обоих: моего свояка и главного механика. Только главного механика поостроже. Ведь и лицо он должностное, и Анатолий предупреждал его о беспризорном тракторе...

Николай БЫВАЛЫЙ

Семен ПАРШИКОВ

ПОЙМАТЬ ВЕТЕР В ПАРУСА

На суде он полностью признал свою вину, раскаивался, сожалел о содеянном и просил снисхождения. Тем не менее суд приговорил А. Михеева, второго помощника капитана теплохода «Няндом» Северного морского пароходства, к трем годам лишения свободы с конфискацией имущества...

Теплоход «Няндом», совершающий рейс Антверпен — Калининград, готовился к пересечению государственной границы СССР. Перед оформлением таможенных формальностей члены экипажа, согласно установленному порядку, проводили досмотр судна на предмет выявления контрабанды. Во время обследования грузовых трюмов Михеев обнаружил пачку валюты — четыре тысячи бельгийских франков. Кто принес их на судно и потом выбросил, испугавшись ответственности, неизвестно. Но то, что валюта подлежит немедленной сдаче, знает каждый моряк. Естественно, хорошо это было известно и Михееву, но в той ситуации, при возможности выбора, он и сделал первый шаг по дорожке, которая привела его позднее на скамью подсудимых. Михеев оглянулся: нет ли кого вокруг, и... положил пачку денег в карман.

Впоследствии Михеев потратил валюту на покупку дефицитных товаров, которые выгодно перепродал.

Легкие деньги буквально ошеломили Михеева, подавили слабые укоры совести. Он стал меньше уделять внимания выполнению своих служебных обязанностей. Усиленно искал новые лазейки для наживы. Михеев выяснил, что за границей стоимость товара, купленного оптом, снижается на 5 процентов. Он стал предлагать посреднические услуги членам экипажа. Получал валюту у всех желающих приобрести себе какие-либо вещи, закупал оптом необходимое, а скидку — себе в карман. Подобную операцию он успел проделывать не раз...

Михеев наживался на незнании и доверии тех, кто нес вахту рядом с ним. Это отмечено в приговоре: «Злоупотреблял доверием экипажа». А что же его товарищи? Разговоры и пересуды в коллек-

тиве начались почти сразу, но дальше невнятных намеков дело не пошло. Да и кто мог предположить, что умелый руководитель, опытный специалист переродится в дельца-стяжателя. Ведь конкретных фактов вроде бы не было, а не пойман — не вор. Кое-кто просто побоялся сказать правду в глаза второму помощнику капитана. Но все-таки здоровое начало взяло верх в коллективе: Михеева разоблачили. Экипаж имел для этого все полномочия и должен был действовать согласно статье 17 Закона о трудовых коллективах, в которой сказано: «Трудовые коллективы принимают меры к воспитанию членов коллектива в духе... соблюдения законов и уважения правил социалистического общежития, бережного отношения к народному добру, непримиримости к пьянству, хулиганству, стяжательству и другим антиподам коммунистической морали; участвуют в работе по предупреждению правонарушений, осуществляют меры по перевоспитанию лиц, совершивших правонарушения».

Как видим, коллектив теплохода имел действенный инструмент для пресечения стяжательства Михеева. Почему же воспользовались им так поздно? Попробуем разобраться.

У моряков есть такое выражение: «попасть в мертвый штиль». Это очень опасно для парусного флота: полное отсутствие ветра обрекало корабли порой на многодневное «топтанье» на месте. Кончались вода, продовольствие, гибли люди... В недалеком прошлом пароходство пребывало в подобном «штиле». На первый план выносились достижения и успехи, пусть и временные, недостатки тщательно замазывались, в самый дальний угол загонялась критика. Эта обстановка благодушия и попустительства была на руку ханугам всех мастей. Прихватить что-нибудь с работы домой — стало делом обычным. В конце концов дело дошло до того, что был задержан, как говорится, с поличным, один из руководителей порта, теперь, правда, бывший. Он «присмотрел» для личных нужд грузовой контейнер и пытался вывезти его с территории предприятия.

Сейчас все мы решительно взялись за наведение порядка в нашем общем доме. Переживает обновление и Северное морское пароходство. Повышены требовательность, спрос со всех, от руководителей до рядовых членов коллектива, проведены меры по укреплению дисциплины. Намного строже стали поступать с теми, кто пренебрегает основным принципом социализма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

В пароходстве и раньше велась борьба с нетрудовыми доходами. Но зачастую она носила формальный характер, сводилась к кратковременным кампаниям.

По-новому организовали эту работу после принятия ЦК КПСС постановления «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами».

В пароходстве провели партийно-хозяйственный актив. Повестка дня — «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами». Шел откровенный, обстоятельный разговор о причинах подобных явлений и мерах по их полному искоренению. Особенно остро звучала в выступлениях тема повсеместного укрепления дисциплины во всех службах и на всех уровнях, от начальника пароходства до рядового труженика.

— Помогать правосудию выявлять жуликов, любителей нетру-

довых доходов,— говорит председатель комитета народного контроля пароходства Ю. А. Носов,— это наша святая обязанность, наш долг. Поэтому известное постановление ЦК нашей партии нацеливает нас на самую суровую, решительную борьбу с теми, кто нечист на руку.

Дозорные тщательно проанализировали обстановку на судах, на береговых предприятиях пароходства. И признали, что до благополучия еще далеко. Не искоренены полностью хищения государственного имущества, контрабанда, спекуляция, приписки, завышения объема работ, использование государственного транспорта в корыстных целях. Контролеры взялись за дело, что называется, за сучив рукава. На теплоходе «Петр Стрелков» уличили в спекуляции двух членов экипажа. На «Вологдалес» вскрыли должностной подлог, хищения и контрабанду, которые допускал капитан судна Ю. Хржановский. Не так давно осужден на пять лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима с конфискацией имущества второй помощник капитана А. Петров. И опять с «Вологдалес»! Как тут не вспомнить старую поговорку: «Каков поп, таков и приход».

Поясним читателю: в пароходстве отнюдь не наметился рост числа правонарушений. Просто их стали решительнее вскрывать, не бояться говорить о недостатках.

В порту народные контролеры, дружинники усилили контроль за работой докеров. Выявили, что при обработке судов теряются многие виды грузов. На бой стеклотары списывается гораздо больше продуктов, чем их утрачивается на самом деле. За последнее время только народные контролеры выявили немало случаев хищений груза, завышения действительной порчи продуктов при бое стеклотары. Убытки от этого составляли десятки тысяч рублей. Все это происходило и потому, что окружающие подчас снисходительно относились к расхитителям, не проявляли должной принципиальности.

Характерно, что борьба с различными негативными явлениями не свелась только к пресечению правонарушений, устранению условий, им способствующих. В беседе со мной должностные лица пароходства высказывали мнение, что нетерпимо положение, когда из-за неумения некоторых руководителей организовать труд коллектива, обеспечить его фронтом работ допускаются приписки, завышение объемов выполненного. Такие случаи вскрыты в строительно-монтажном управлении, автотранспортном предприятии, в бригадах докеров-механизаторов.

Вот один из примеров. В течение года докеры часто использовали на различных хозяйственных и вспомогательных работах при возникновении так называемой производственной необходимости. С благословения бухгалтерских работников они получали за это средний заработок, не выполняя в полном объеме установленных заданий. Особенно часто грешили этим на лесокомплексе.

Каждый год приезжали в Архангельск бригады из других портов, чтобы оказать помощь северянам в горячую пору навигации. Временные докеры получали также средний заработок. Неоднократные проверки показали, что подобное накладно для государства, так как «помощники» получали больше заработанного.

Мириться с этим повторяющимся из года в год явлением — значит идти на растратывание государственных средств. Вот поче-

му трудовой коллектив, администрация и общественные организации пароходства всесторонне проанализировали проблему. Наметили ряд мер, тщательно проверив правильность использования трудовых ресурсов и перекрыв канал для злоупотреблений.

Больное место в порту — использование автотранспорта. И контроль за этим явно слабый. Вскрыты серьезные недостатки в экспедиционном отряде аварийно-спасательных работ. Виновные понесли заслуженное наказание. Но урок, как видно, не пошел впрок. Повторная проверка вновь выявила, что государственные машины используются в личных целях. И злоупотребляли этим ответственные товарищи. Факты проверил контрольно-ревизионный отдел пароходства совместно с дозорными. Особенно активно действовала внештатный инспектор комитета народного контроля Северного морского пароходства И. С. Осипова.

На заседание КНК пригласили начальника отряда Н. А. Денисова. Доводы его были прежними: руки, доскать, не доходят. Комитет объявил ему строгий выговор.

Или такой случай. В свое время прошло собрание трудового коллектива строителей-ремонтников. Доклад и выступления были такими, что хоть в фанфары труби. А в то же время план капитального ремонта систематически не выполнялся. Какой из этого следовал вывод? Прочно укоренилась система приписок, строители систематически получали незаработанные деньги. И с этой порочной практикой повели решительную борьбу.

Бесхозяйственность, плохая организация работ приводят к большим потерям государственных средств. Приведу пример. Теплоход «Николай Бауман» стал на ремонт в Локсакском судоремонтном заводе. Однако служба судового хозяйства вовремя не выдала необходимую документацию, задержка повлекла штрафные санкции, справедливо предъявленные заводом. Пришлось уплатить 12 тысяч рублей. А истинные виновники сполна получили не только зарплату, но и премии. Только народные контролеры оценили эту ситуацию с позиций сегодняшних требований. Сотрудники, халатно относящиеся к своим обязанностям, наказаны.

Потери государственных средств возможны там, где нет строгого нормирования и учета расхода материальных ценностей. В порту до сих пор не установлены нормы расхода пиломатериалов, выделяемых на внутренние нужды. Плохо ведется учет расхода топлива тракторами, погрузчиками и автокранами. Подобная бесхозяйственность дает зеленую улицу расхитителям народного добра.

Это стало предметом беспокойства народных контролеров. Кстати, рассказывая об их работе, хотелось бы назвать лучших. Это начальник одного из подразделений Леонид Алексеевич Андронов и ветеран порта старший инженер отдела труда и заработной платы Тамара Петровна Калачникова. Недавно коллектив проводил Тамару Петровну на заслуженный отдых, но приняли вахту дозорные, ее ученики.

— Случаи спекуляции, приписок, бесхозяйственности, — рассказывает старший инженер отдела механизации, заместитель секретаря парткома порта В. Д. Дружинин, — говорят о серьезных упущениях в идейно-политической и воспитательной работе, в решении кадровых проблем. Поэтому мы усилили внимание этим вопросам.

Прошли партийные собрания и собрания трудовых коллективов. Значительно больше стали заниматься в коллективе профилактической работой. Широко разъясняются положения Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов». Перед работниками парохозяйства часто выступают сотрудники правоохранительных органов.

И результаты появились — почти в четыре раза сократилось количество нарушений таможенных правил. Наметились и другие позитивные тенденции. Этому способствовало повышение активности комиссий по контролю за хозяйственной деятельностью администрации и аппарата управления. Значительный вклад, повторюсь, внесли народные контролеры. Повысили требовательность финансовые органы, контрольно-ревизионные службы. Больше внимания уделяется подбору кадров, оценке их политических и деловых качеств, моральной чистоте. И, конечно же, решительно пресекаются любые факты проявления корыстолюбия.

Мне довелось побывать на собраниях некоторых бригад докеров. Везде разговор шел о хищениях. И я обратил внимание на принципиальное отношение людей к тем, кто готов нажиться за счет государства. Казалось бы, грузчик украл из ящика банку с соком. Цена ей — копейки. Да раньше бы никто на такую мелочь и внимания не обратил. Теперь — нет! Подняли на собрании на всеобщее обозрение, пропесочили как следует. Человек не знал, куда глаза девать от стыда!

Разбирали и других нарушителей. Шерстняков пытался вскрыть ящик с товаром. Головаш украл 20 килограммов яблок. Епимахов взял 5 килограммов вяленого ерша. Сказывался застарелый рецидив: брать подряд все, что плохо лежит...

Поступки виновных осуждал товарищеский суд. Вынесли общественный выговор с публикацией в многотиражной газете «Моряк Севера». И правильно, гласность для хапуг — порой страшнее другого наказания.

На одном собрании выступил бригадир, кавалер ордена Трудовой Славы III степени, коммунист В. Л. Дук. Он же председатель цеховой группы народного контроля. Виктор Леонидович сказал: «Мы сегодня осуждаем расхитителей. Но мы должны спросить и с себя. Сколько наших товарищей скатились по скользкой дорожке у нас на глазах? Мы же «не замечали».

Еще раз позволю себе вернуться к морскому лексикону и привести старое выражение: «Поймать ветер в паруса». Это означает умелое использование всей энергии ветра и всей площади парусов, благодаря чему корабль достигает максимальной скорости.

Конечно, коллективу Северного морского пароходства пока далеко до передовых рубежей. Еще много упущений и недочетов. И для того чтобы, как говорят моряки, «поймать ветер в паруса», добиться ощутимых сдвигов, нужно полнее использовать всю энергию и рядовых тружеников, и всех общественных организаций.

ТАМ, ГДЕ ПОЩИРАЕТСЯ ПРАВО

ЧТО ЖДЕТ НАС В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ?

Такой вопрос задают себе многие англичане. Рост безработицы и преступности, расовые волнения явно не способствуют процветанию Великобритании. Но вместо борьбы с этими явлениями пребывающее ныне у власти правительство консерваторов пошло по пути усиления репрессий против трудящихся.

ОГРОМНЫЕ БАРЫШИ

извлекают различного рода дельцы, в первую очередь мафия, из профессионального спорта. Спортсмены в их руках превратились в своего рода «живой товар», который можно купить, продать или выбросить, если он пришел в негодность.

РОБИН ГУД НАИЗНАНКУ

Промозглый туман поднимается с реки Марси и затягивает город Ливерпуль. Неожиданно появляясь и снова исчезая в тумане, на городских свалках копошатся тысячи «людей-стервятников», как прозвали их журналисты. Кажется, люди-привидения перенеслись сюда из ада Данте: болезненные, изможденные лица, неуверенные движения, грязные лохмотья.

Добыча тут же поглощается. Когда повезет, то можно набрать объедки на ужин и съесть дома, если им можно назвать грозящие вот-вот развалиться трущобы или укрытие из картонных коробок. И если по дороге в свою конуру не ограбят уличные бандиты. В городе их — пропасть. И в основном это дети и подростки моложе 16 лет. Бедняки, подстерегающие бедняков... Рост безработицы рекрутирует в их ряды все новых и новых «рыцарей удачи».

Сейчас более 60 тысяч ливерпульцев трудоспособного возраста не имеют работы. Уровень безработицы превышает 25 процентов и быстро приближается к отметке, зафиксированной во времена «великой депрессии» начала 30-х годов, когда 30 процентов жителей города не имели работы. Но даже не потерявшие до сих пор рабочее место вынуждены влачить жалкое существование. Каждый третий занят неполный рабочий день и едва сводит концы с концами. Три четверти из них зарабатывают меньше прожиточного минимума. Безработица и бедность разрастаются словно раковая опухоль.

Трагедия Ливерпуля — не единичный случай. В таком же положении пребывают десятки, сотни больших и малых городов Великобритании. Их беды начались в 1979 году — с приходом к власти консерваторов во главе с М. Тэтчер. Проводимая кабинетом тори политика привела к резкой поляризации: богатые стали еще богаче, бедные — беднее. И армия бедняков пополняется с каждым днем. Сегодня в ее рядах около 15 миллионов человек.

В январе 1986 года были опубликованы два правительственных документа, обрекающих неимущих на новые лишения. В Белой книге о социальной политике предусматривается сокращение пособий по безработице, старости, инвалидности, на детей и медицинское обслуживание. А в Зеленой книге консерваторы предлагают ввести новый налог на... эти урезанные пособия. Чтобы за их счет оплачивать пособия новым десяткам тысяч безработных, которые сейчас составляют на Британских островах уже 14 процентов всего трудоспособного населения.

От положения безработного — один шаг к нищете, к совершению преступления. Молодая мать, пойманная в Брикстоне при попытке украсть молочный порошок и пеленки, предстала перед следователем со своей новорожденной девочкой, завернутой в кухонное полотенце. Супружеская пара оставила своих детей на паперти церкви в Ламбете, потому что была не в силах прокормить их. Пенсионер в Глазго, доведенный нищетой до крайности, задушил свою жену, когда та спала. На Бейкер-стрит, в центре Лондона, где в свое время К. Дойль поселил знаменитого Шерлока Холмса, старушка выбросилась из окна, потому что у нее не было денег заплатить за квартиру.

Кстати, даже плохонькая квартира в нищенском квартале стоит 74 фунта стерлингов в неделю. Многим такие цены не по карману, и они оказываются на положении бездомных, число которых за последние три года выросло в три раза. Сейчас в Великобритании полмиллиона человек не имеют крыши над головой.

А как можно спастись от нищеты, дискриминации, безработицы, если правительство в течение ряда лет урезало ассигнования на нужды местных властей, а контроль за использованием финансовых средств городскими советами ужесточался? Недавно правительство М. Тэтчер вообще разогнало муниципальные советы больших городов. В 1986—1987 годах правительственные ассигнования, специально предназначенные для реализации программы помощи наиболее бедствующим районам, составят 317 миллионов фунтов стерлингов против 450 миллионов в 1983 году. Средства госбюджета, направляемые местным органам власти для капитального жилищного строительства, были урезаны правительством начиная с 1979 года на 65 процентов.

Зато богачи процветают. Если отправиться в районы Челси, Мейфэр или Хампстед, то можно увидеть дорогие магазины, великолепные «роллс-ройсы», сказочные дома. Рестораны полны бизнесменов, платящих по кредитным карточкам своих фирм. В Сити — районе банков и офисов — дела еще никогда не шли так хорошо. Так выглядит другая Великобритания. Великобритания, которой М. Тэтчер помогает изо всех сил «делать» деньги с тех пор, как она пришла к власти в 1979 году.

Это мир менеджеров частных компаний или бывших государственных корпораций, проданных в частные руки, предпринимателей и прочих, власть имущих. Благодаря налоговым льготам и всевозможным поощрительным мерам в их карманы попадает львиная доля тех денежных средств, которые правительство в последние годы отобрало у самых бедных слоев населения, урезав пособия, заработную плату и фонды социального обеспечения.

Английские профсоюзы пытались отстаивать права трудящихся. Все помнят длительную забастовку шахтеров, протесты против передачи правительством государственных предприятий в частные руки и другие акции, предпринятые профсоюзами. Но кабинет тори принял законы в отношении профсоюзного движения, и ему удалось расправиться с почти единственным в стране защитником прав рабочих.

В Англии нет закона, четко подтверждающего право трудящихся на забастовку, а имеются лишь положения, приостанавливающие в некоторых случаях действие условий, содержащихся в индивидуальных трудовых соглашениях. Принятые кабинетом М. Тэтчер законы 1980, 1982 и 1984 годов сводятся к упразднению почти всех этих положений.

Небывалое обострение противоречий между теми, кто имеет все, и теми, кто не имеет почти ничего, стало в последнее время причиной акций насилия со стороны небелого населения Англии, а также, и все в большей мере, со стороны белых безработных. Экономический кризис особенно тяжело отразился на выходцах из бывших колониальных владений Великобритании. Безработица среди них в несколько раз выше (достигает 50 процентов), чем среди коренных жителей страны. У иммигрантов самые отвратительные жилищные условия, низкий уровень школьного образования. К тому же с ухудшением экономического положения с особой силой вспыхнули

расистские настроения. Тысячи чернокожих в Англии подвергаются угрозам, дискриминации, в нарушение всех норм правосудия их сажают под арест.

Этнические меньшинства Англии представляют собой крупную дичь для неонацистских расистских банд и организаций, которые в последние несколько лет широко распространили свое влияние. По сообщению «Гардиан», школьники — дети иммигрантов — подвергаются таким преследованиям, что матери боятся посылать их в школу. Крайне правые сторонники господства белых, «бритоголовые», организовали банды для «избиения пакистанцев и индийцев».

Полиция же часто не принимает вовремя мер по предотвращению беспорядков или посылает недостаточные силы для борьбы с их участниками. Поэтому небелое население Англии имеет полные основания не доверять стражам порядка. Согласно докладу министерства внутренних дел, члены этнических меньшинств не испытывают желания сообщать полицейским о расовых инцидентах, особенно связанных с насилием, справедливо опасаясь, что их подвергнут аресту или будут преследовать.

Словом, ожесточенная антииммигрантская кампания, развязанная правыми, захлестывает сегодняшнюю Англию. Но старая истина свидетельствует: насилие всегда порождает насилие. Издевательства и расизм вызвали сильные четырехнедельные волнения небелого населения в 1981 году в Хэндсворте, Токстете, Тотнеме и Брикстоне. Вся Англия была потрясена их размахом. Подобно взрывной волне, мятежи в гетто основательно встряхнули всю социальную лестницу снизу доверху. Правительство бросило тогда значительные силы на подавление расовых волнений и поторопилось устами министра внутренних дел Дугласа Хэрда подтвердить свою жесткую позицию. Единственный ответ, полученный восставшими, был основан на силе оружия и лишней раз продемонстрировал, что «законность и порядок» выше социальной справедливости.

Силам порядка предоставляется все больше полномочий, все больше принимается новых законов, направленных на ужесточение и усиление репрессий против населения страны. Многие задаются вопросом: а не превращается ли старая Англия в полицейское государство? «В этом направлении делается много шагов,— считает адвокат С. Седли.— Правительство, которое ни в грош не ставит согласие, открыто провозглашает принцип социальной бесчувственности, подменяет солидарность «индивидуальной ответственностью», возлагает на безработных и бедняков вину за такое их положение, рано или поздно пытается разрешить проблемы путем наказания людей. И поэтому полицейский уже защищает не гражданина от злоумышленника, а богатого от бедного, хозяина от рабочего, белого от негра».

Расширение юридических полномочий и введение новых категорий преступлений сопровождается внедрением в английской полиции полувоенных порядков. Полномочия, предусмотренные законом о полицейских и уголовных свидетельствах, поощряют репрессивные и чреватые конфликтами меры полиции, которые стали причиной серьезных гражданских беспорядков в Англии в последние несколько лет. Белая книга по закону об охране общественного порядка (май 1985 года) еще более расширяет масштабы применения этих полномочий и возможности подавления организованных проявлений политического недовольства.

Волнения 1981 года в Брикстоне были в значительной мере вы-

званы бесцеремонным использованием полицией своего права «останавливать и обыскивать людей». Полномочия относительно задержания и обыска вообще, как правило, связаны с дифференцированным подходом: полиция чаще других останавливает молодых людей в целом и негритянскую молодежь в частности. В «Обзоре английской преступности» (1983 год) говорится, что, по словам 52 процентов молодых людей, полиция обращалась с ними невежливо, а по словам 20 процентов — недопустимо.

Казалось бы, новые законы должны поэтому либо отменить, либо серьезным образом ограничить эти полномочия. Вместо этого раздел I закона о полицейских и уголовных свидетельствах, который вступил в силу 1 января 1986 года, способствует как раз обратному. Раздел расширяет полномочия, позволяющие останавливать лиц, подозреваемых в обладании «запрещенными предметами».

Вот как это выглядит на практике. В одном из донесений полицейского патруля, который остановил на улице молодую женщину, говорится: «Мисс Дж. (приводится ее полное имя, адрес и дата рождения) сейчас живет со своими родителями (дается подробный адрес). У нее приблизительно трехмесячная беременность». Фамилия этой женщины не фигурирует в списках преступников, и она не подозревается в причастности ни к какому преступлению.

В другом донесении рассказывается, как полицейский однажды поздно ночью остановил супружескую пару в центре Эдинбурга и обыскал с целью обнаружения наркотиков. Никаких наркотиков он не нашел, но в сводке, составленной им, приводятся имена, фамилии и домашние адреса пятерых людей, чьи номера телефонов обнаружены в записной книжке задержанной женщины.

В итоге такие непроверенные и необоснованные подозрения накапливаются в полицейских картотеках, закладываются в память ЭВМ. Это приводит к тому, что людей безосновательно останавливают на улице, подвергают обыску, задерживают для допроса или же препятствуют им заниматься некоторыми видами деятельности. Как это уже имело место с целым рядом сотрудников Би-би-си, которым отказывали в приеме на работу или увольняли только за то, что в секретных картотеках на них имелись порочащие их данные, причем во всех случаях не имеющие под собой никакой реальной почвы. Кроме того, в руках нечестного полицейского такая информация может превратиться в орудие шантажа.

Новый закон, кроме задержания на улицах, поощряет также обыски частных домов без санкционированного постановления.

Сейчас, когда такая практика узаконена парламентом, она распространится еще шире. Однако это не единственное положение закона о полицейских, которое приводит к увеличению числа обысков домов. Раздел 8 закона дает магистратам право выдавать постановления на обыск домов ни в чем не повинных людей, не подозреваемых в каких-либо преступлениях, если полиция «в разумных пределах» полагает, что в их домах будут найдены улики, «могущие иметь существенную ценность» для расследования по серьезным правонарушениям.

Те, кто хочет протестовать коллективно в связи с таким поведением полиции или по любому другому поводу, должны получить на это согласие... полиции.

В Белой книге об общественном порядке говорится, что цель полиции в будущем будет заключаться в том, чтобы демонстранты

не причиняли «излишнего неудобства для осуществления прав других». Чтобы полиция могла защищать «права и свободы» этой «более широкой общины», новый закон требует уведомления о любом маршруте как минимум за 7 дней. Любой организатор протеста, нарушивший это положение, облагается штрафом на сумму 400 фунтов стерлингов. В Белой книге говорится, что новое требование вынудит организаторов согласовывать маршрут демонстрации с полицией, что оно подчеркивает ответственность организаторов, а также снимает напряженность в работе полиции и сокращает ее расходы.

Каков бы ни был срок, за который необходимо уведомлять полицию, правительство стремится дать ей более широкие права диктовать свои собственные условия.

Неспособность организаторов демонстрации выполнить условия, продиктованные полицией, в настоящее время не может стать поводом для их ареста. Но в Белой книге говорится, что возможности ареста следует предусмотреть и что «организаторов и подстрекателей» необходимо подвергать более серьезным наказаниям: тюремному заключению сроком на 3 месяца или штрафу в одну тысячу фунтов.

Расширение полицейских полномочий парламентом может лишь толкать полицию на новые превышения власти.

«Если не остановить эту спираль, то чем больше групп по борьбе с беспорядком будет организовано и чем более многочисленными они будут, тем больше репрессивных законов будет приниматься для того, чтобы придать законный характер их действиям», — комментирует новые законы английский журнал «Нью стейтсмен».

Представитель лейбористов по вопросам социального обеспечения Майкл Мичер охарактеризовал политику консерваторов следующим образом: «Вот Робин Гуд наизнанку: он берет у бедных, чтобы отдать богатым». К такому определению трудно что-либо добавить.

В. СЕРГЕЕВ

НОКАУТ ЗА РИНГОМ

Профессиональный бокс... Ристалище гладиаторов XX века. Поединки здесь проходят по бесчеловечным законам. Три раунда идет встреча спортсменов-любителей. Профессионалы колотят друг друга в пять раз дольше. Специалисты подсчитали: претендент на корону чемпиона мира среди профессионалов получает в среднем три тысячи ударов в голову. Каждый из них может привести к тяжелым последствиям. Но мало кого эти удары приводят к славе и деньгам. А именно ради денег, ради этого «бога» капиталистического мира и выходят на ринг сотни «призовых бойцов», многие из которых связаны с мафией и преступным миром. Впрочем, чему удивляться? Боксеры — отличный «товар», на котором очень легко делать доллары.

В начале июля 1982 год суд Лос-Анджелеса приговорил к десятилетнему лишению свободы некоего Гарольда Росфильдса Смита. В обвинительном заключении говорилось, что Смит и его подручные обманным путем выкачали из налогоплательщиков свыше 20 миллионов долларов. Сообщение об этом событии никого в США не взволновало: почти каждый день газеты пестрят подобными «новостями». Но рядовым оно оставалось лишь до тех пор, пока пресса не назвала имени осужденного. Гарольд Смит — известный менеджер, специализирующийся в боксе. Он проворачивал финансовые операции на фантастические суммы, устраивая боксерские поединки.

Бесчестный менеджер осужден. И надо сказать, это для США большая редкость. Ведь история профессионального бокса давно превратилась в историю обмана и беззакония. Порой даже титула «чемпион мира» удостаивались атлеты, заметно уступавшие своим соперникам. И тогда наивные любители делать ставки на результаты боев лишались своих сбережений.

Ради прибыли менеджеры идут на все. И частенько погоня за барышами заканчивается трагически для боксеров. Случается такое, конечно, не только в США. В 1974 году австралийские власти были вынуждены начать расследование после того, как скончался Филип Махер. У 20-летнего боксера было большое сердце, и врачи запретили ему заниматься боксом. Факт этот несколько не смутил менеджера, включившего Махера в программу поединков «полупрофессионалов», в которых встречались спортсмены — профессионалы и любители. Такие встречи приносят изрядный доход.

Для того чтобы еще больше увеличить свои прибыли, организаторы «соревнований» прибегли к излюбленному трюку — назвали свое мероприятие «благотворительным утренником», средства от которого, мол, пойдут на сооружение новой больницы. Суть такого маневра заключалась вот в чем. Если часть доходов от боев менеджеры отчисляют на «благотворительные цели», то они освобождаются от налогов. Понятно, что отчисления на «благотворительные

цели» никогда не превышают размера налогов. Более того, они намного меньше их. Не говоря уже о том, что «благотворительные организации» зачастую находятся под контролем самих менеджеров и их «пожертвования» являются, по сути, перекладыванием денег из правого кармана в левый.

Вернемся, однако, к Махеру. Против него выставили опытного профессионала, который сильными ударами сбил юношу с ног. Нокаут. 27 дней Махер пролежал в больнице в бессознательном состоянии и скончался.

Через 16 месяцев после этого случая в одном из госпиталей Сиднея умер американец Чак Вильбурн. Его мать вспоминает: менеджеры сына знали, что он не подготовлен для боев с сильными противниками. Вторая трагедия подряд вызвала возмущение у любителей спорта Австралии, и власти вынуждены были пообещать, что «в будущем в профессиональном боксе будут действовать строгие правила и он будет находиться под постоянным контролем». Но все осталось по-прежнему. А как же иначе? Разве жертвует боксерская мафия своими сверхприбылями?

Воротилы боксерского бизнеса действуют порой и более нагло. Можно сказать, даже агрессивно. Об этом свидетельствует скандал, разразившийся не так давно в Канаде. Мало кому известный американский боксер-тяжеловес Джим Кристофер отправился в Виннипег для встречи с канадским коллегой Джорджем Чувало. Когда он прибыл в этот город и из гостиницы собирался поехать на стадион, в его номере звонил телефон. Неизвестный настаивал, чтобы во время второго раунда Кристофер упал в нокаут. В противном случае, продолжал шантажист, обратно в Детройт боксеру предстоит «возвратиться в гробу».

Кристофер испугался и без борьбы проиграл. Но после благополучного возвращения домой сообщил о факте шантажа в полицию. Канадские власти возбудили даже уголовное дело. Оно, однако, вскоре было прекращено, ибо следствие не привело ни к каким результатам.

Время от времени боксеры пытаются вырваться из кабалы воротил. Увы, в одиночку им с мафией не справиться. Даже легендарный абсолютным чемпионом, Особенно если цвет кожи у них черный. Лучшим боксером всех времен большинство специалистов бокса называют Джека Джонсона. Он стал первым негром — абсолютным чемпионом мира по боксу, и уже одним только этим бросил вызов расистской Америке. Победы Джонсона выводили из себя расистов. Когда судьи поднимали его руку в знак победы, на ринг летели окурки, банки из-под пива. Однажды Джонсон проиграл. Проиграл неожиданно, будучи значительно сильнее противника. Еще немного, и секунданты противника выкинули бы полотенце, но Джонсон увидел на коленях у одного из зрителей, сидящих в первом ряду, ничем не прикрытый пистолет... И он предпочел не рисковать жизнью. Позже Джонсон стал все же «первой перчаткой» профессионального бокса.

Это взбесило расистов. Они затравили жену Джонсона до такой степени, что она покончила жизнь самоубийством. Но негритянский боксер не сдавался, побеждал одного за другим белых атлетов. И тогда расисты решили упрятать его в тюрьму. Против него было сфабриковано обвинение. Приговор — год тюрьмы. Джонсону удалось вырваться из Америки. Однако через несколько лет обстоятельства вынудили его вернуться в США. Власти постави-

ли условие: возвращение возможно, если Джонсон проиграет бой белому. Ему ничего не оставалось делать...

Джонсон еще легко отделался. Английского экс-чемпиона мира Фредди Миллса застрелили в 1965 году в автомобиле перед ночным клубом в Лондоне. Примерно через год был найден труп другого английского чемпиона мира по боксу — Рандольфа Турпина. Его тоже застрелили. Причины убийств установить не удалось. Чемпиону мира в тяжелом весе Сонни Листону наемники мафии ввели смертельную дозу наркотиков. Листон был очень знаменит и, видимо, почувствовал себя свободным от своих хозяев. К тому же он слишком много знал об их махинациях. Вот и последовало наказание. Другой боксер — Франк Де Паула — любил похвастаться своими обширными связями с американскими заправилками боксерского бизнеса. Вскоре его труп был найден в Джерси-Сити. Тело было буквально изрешечено пулями.

Вот так расправляются воротилы боксерского бизнеса с неугодными атлетами. Чуть провинился — смерть. Как правило, полиция не находит убийц. Или просто не хочет находить.

В последние годы менеджеры начали искать «звезд» бокса в преступном мире, в тюрьмах. Цель понятна: уголовнику можно платить значительно меньше. Да и упрятать его обратно за решетку, если вдруг заупрямится, не столь уж трудно. Во многих тюрьмах США оборудованы боксерские залы: в них тренеры ищут «талантливых парней». Впрочем, будем справедливы — и раньше многие знаменитости начинали свою карьеру в тюремном дворе. Достаточно вспомнить таких бойцов, как Сонни Листон, Арчи Мур, Джейк Ламотта, Двайт Брекстон и Меко Камаччо. Майк Тисон, которого сегодня прочат в «суперзвезды», родом с улиц Бед-Стэй и отбывал срок в исправительном заведении для трудных подростков. Когда Тисону исполнилось 13 лет, он прямоком из колонии, где провел последние два года, попал в дом Каса Д'Амато, одного из самых лучших тренеров-боксеров.

Бокс вступил сейчас в США в новую фазу. Уже давно сошло с ринга поколение Мухаммеда Али. На сцену выходит новое поколение, из которого Тисон. Оно полностью зависимо от различного рода подпольных сделок. Боксеры только мечтают освободиться от кабалы менеджеров, мечтают стать свободными и независимыми чемпионами. Удастся ли это?

С. БУТКОВ, А. ЧУРКИН

Лиссица на пороге

Нарядный хозяин с улыбкой слушал их «вумные» речи, кивал головой, поддакивал, потом рукою обвел богатство, которое они собрались взять с собою, подвел черту под делом — назвал сумму. Сумма устраивала.

— Только как же мы с тобой, сосед, тартать всю эту тяжесть будем? — неожиданно, вроде бы ни с того ни с сего, а на самом деле и с того и с сего спросил бочкодел у Митька. — Дом-то далеко.

— Не журишь, папаня, дотартаем! Отправим медленным ходом: железная дорога возьмет контейнер под охрану, в Калараше вручит лично в руки.

— А нельзя ль еще гривенничек скинуть за то, что на банках написано не «Икра кетовая», а «Печень тресковая»? — ласковым голосом обратился бочкодел к нарядному хозяину, и у него неприятно похолодело внутри: что-то в лице главного капитана (или кто он там, главный механик?) изменилось, скулы обиженно выперли, подбородок задвигался сам по себе, словно у боксера.

Механик одним махом сгреб коньяк и бутербродные крошки с противня. Хватит пить! Хватит закусывать! Эдак, граждане «земле-

проходимцы», вы до того на дармовщинку напьетесь, что не гривенники скашивать начнете, а рубли. Это уж слишком!

— Не ожидал... не думал... — обиженно забормотал главный механик, и каларашский посланец испугался: сделка срывается! — Я к вам как к человекам, как равный к равным, а вы мне золотые пуговицы с тужурки норовите срезать. За что, спрашивается?

Был коньяк и исчез. И бутербродов нет, и вроде бы больше не будет — все!

— Не обижайся, не обижайся, пожалуйста, человек хороший, — зачастил бочкодел, опасаясь худого исхода, — я ведь только на тот счет, что на банках нарисовано «Печень»... А кто у меня этот «печень» по икряной цене купит?

— Хочу заметить, папаша, что мозги у человека должны занимать в его организме не последнее место. — Механик поглядел на бочкодела, и тот поежился, зябко сделалось каларашскому землепроходимцу: этот нарядный человек смотрел сквозь него, видел и костяшки его, и сердце большое, любовью к своей Родине и к близким переполненное, и гибкую хребтину, составленную из позвонков, ровно бы из втулок, видел и то, чем набит его желудок, — бочкодел сегодня с самого утра насыщался разной пищей — все ел, ел, ел. — Консервов с надписью «Икра» вы вывезете с Камчатки две-три банки, максимум четыре. Ежели будете вывозить больше, вами заинтересуются, щупать станут: кто вы, что вы, зачем вам столько икры? И тогда срок вашего пребывания на этой благословенной рыбной земле увеличится в несколько десятков раз. Вас это устраивает?

Это никак не устраивало каларашского бочкодела, Митек молчал, за него соображал бочкодел, он не хотел, чтобы путешествие затягивалось, край краев земли пугал его, посланец солнечной Молдавии хотел вернуться туда, откуда приехал. И не пешком вернуться, а въехать в родной двор на белом коне!

— Простите меня, старого болвана, — покаялся бочкодел, — в голову коньяк шибанул.

— Ладно, бог вас простит. Пробуйте икру — хорош ли засол? Если не понравится этот засол, предложу другой. Есть еще одна партия.

— Как-как пробовать? Чем открывать, з-зубами? — в один голос удивились славный бочкодел и его сосед Митек.

— Зачем же зубами? Для оптовых покупателей есть специальный инструмент, — усмехнулся нарядный хозяин и протянул оптовым покупателям консервную открывашку с яркой заморской надписью. — Берите любую банку из ящика, вскрывайте и пробуйте.

— Вскрывать банку? — снова дружно удивились оптовики, словно бы могли выесть икру из жестяной коробки, не открывая ее.

— А как же иначе? Вы должны убедиться в том, что засол хорош, вас не обманывают и цена «пятьдесят две копейки», представленная на коробке, никак не соответствует содержимому. Даже той цене, которую вы даете. — Хозяин вежливо наклонил аккуратную, надушенную одеколоном голову: — Платить за пробу не придется — проба за мой счет.

— Да мы можем и сами заплатить! — попробовал было высказать свое мнение бочкодел, подкупленный таким жестом, доверием к нему, точнее, к ним обоим, к нему и к соседу, механика, тем, что тот сменил гнев на милость, не отринув не очень-то умелых, топором тесанных покупателей, — тут язык надо иметь гладкий, манеры обхо-

дительные, глаза блестящие, улыбочивые и чтоб на лице тоже улыбочка была, надо научиться даже спать с нею, вот ведь как, и вот еще чему надо научиться: туфельком по паркету шаркать, ботиночком, лаптем — ох, и н-нужное это дело! Просто необходимое, как воздух. Сам бочкодел уже староват для этого, а вот сосед его, изворотливый, лучистый, молодой, все это должен познать. Если первое дело их принесет деньги, то они соответственно отметят успех, порадуются, отдохнут, а после отдыха уже обмозгуют дело второе и крутанут такой вираж, что... в общем, молодого соседушку надо будет на курсы посылать — пусть шарканью учится, пусть вежлив будет он. Потом, позже уже, за соседушку и дочку свою можно будет выдать — жене его нынешней под окорока коленом, а на ее место — доченьку, голубушку белокрылую, тоненькую, справную, доброй воли достойную, — капиталы надо будет объединять. — Мы можем и заплатить! — повторил бочкодел. Он в эти минуты любил всех: и нарядного механика, нет — капитана, нет — адмирала, и соседа своего, и тихий странный угол этот, и ящики с икрой, и мир весь, такой благосклонный, доброжелательный к ним; хватит, наработался он, намялся, побил руки на бочках — попробуй кто хотя бы одну бочку железом обтянуть! Да после первого же обруча половина ногтей на пальцах синими будет.

— Нет-нет, — привычно поднял руки хозяин и снова извлек из потайного угла, который ни бочкодел, ни его сосед не успели засечь, так внезапно исчезнувший коньяк — словно бы у бутылки крылья были, она улетала — прилетала по приказанию, нарядный хозяин к ней даже не прикасался, — нет-нет, это входит в условия нашего торгового соглашения.

Слова-то какие важные, государственные: «торговое соглашение» — не туфта какая-нибудь, не мыльный пузырь, который ткнешь соломинкой — он и лопнет, а весомые, каждое слово в руке можно поддержать, ощутить тяжесть, поиграть, как яблоком.

Бочкодел, смущаясь, повернувшись к нарядному хозяину бочком, — он словно бы опасался щекотки и рдел от внезапного волнения щеками, взял консервный нож, потыкал пальцами в банки, выбирая ту, что потусклее, позахвтаннее, но среди банок захвачанных не было, все новенькие, блестящие, выбрал наконец одну и старательно, высунув из обмокровшего, синего, оттого что внезапно начало пошаливать сердце, рта язык, откупорил одну банку, отогнул крышку.

Втянул ноздрями пряный дух икры, покрутил головой восхищенно, подмигнул хозяину: а ведь действительно фирма веников не вяжет!

Коньячок разлили. Торговое соглашение требовало, чтобы на него была поставлена печать.

— На будущий год я сюда снова приеду, — пообещал бочкодел.

— Почему только «я»? Мы! — обиделся напарник Митек.

— Мы приедем! — поправился бочкодел.

— Ладно, ладно, — мягко осадил их нарядный адмирал, — сговоримся, созвонимся, спланируем, телеграфируемся. Загадывать наперед не будем — как пойдут дела!

— Верно, фарт — штука капризная, — согласился с хозяином бочкодел, опрокинул коньячишко, повознил языком во рту: до чего ж вкусен напиток, до чего ж нежна закуска! И главное, человека они встретили хорошего, надежного. По глазам видно — надежный: глаза внимательные, умные, в сторону не ускользают, как у иного

торгового деятеля — поглядишь в них, а они, словно два облака в воде, стремительно уходят вбок, пальцами будешь держать — не удержишь.

— Но все равно, как бы там ни было, буду ждать вас в следующем году, — закончил хозяин, одернул на себе нарядную куртку, соскис взгляд на одно плечо, на другое — на месте ли погончики с золотым начальническим шитьем? — А меня извините великодушно — надо прощаться: служба!

— Понимаем, понимаем, — покивали компаньоны, — корабль ждет, капитанский мостик, дубовый адмиральский стол с резными бортиками и двенадцатью телефонами, один из которых — правительственный... Нет, два правительственных телефона!

Обогретые, румянощекие, с блестящими от радости и оттого, что повезло, посланцы солнечной Молдавии вышли на улицу. В тот же день договорились об отправке груза, — нарядный хозяин помог им определить икру в аккуратный надежный контейнер и отправил в тихий молдавский город.

А вот там-то, в Калараше... Там-то и рвануло крупную бомбу, а тела компаньонов пришлось соскребать совками с кирпичных стен: молдавские землепроходимцы были размяты, изуродованы тем, что увидели в банках, потеряли речь и память.

Когда они открыли ящики с икрой, то икра оказалась только в тех банках, что находились сверху. В остальных банках была земля.

Обыкновенная камчатская земелька. Анализ показал, что именно камчатская, кислая, вулканического происхождения, непригодная даже для пшеницы.

Нарядного хозяина, щедро угощавшего каларашцев, естественно, не нашли: капитанская форма на нем была, конечно, маскарадом — никакой он не механик и не капитан, а потом, человек, снявший с себя форму, меняется до неузнаваемости, словно бы это совсем другой гражданин, с другими чертами лица, — один и тот же потерпевший редко его узнает, вот ведь как.

Балакиреву важно было понять, есть тут ниточка, что может привести к Лескину, в здешние сопки, в ключи и в речки, в поселок их, или нет?

Вполне возможно, что есть.

Но тогда кто тот нарядный человек в кремовой капитанской тужурке? Балакирев придвинул к себе лист бумаги, исчеркал его — кружками, квадратами, ромбами, треугольниками, обвел все это дымом — дым ведь рисовать легче всего, дети начинают учиться рисовать именно с дыма, а потом в сторонке начертил пять неровных продолговатых овалов, затушевал их и тоже обвел дымом. Получилась некая полуабстрактная картина.

Крутов картину принял, для него она не была ни абстрактной, ни полуабстрактной, ткнул пальцем в «геометрию»:

— Что это, Петрович?

— Ребус. Загадка.

— А дым зачем?

— Горим!

— Это, конечно, отпечатки пальцев? — Крутов потыкал в неровные заштрихованные пятна, такие безмолвные и такие красноречивые, поглядишь на них — и холодок с мурашками по коже побредет.

— Это, конечно, отпечатки пальцев, — подтвердил Балакирев. — Знакомы?

Лицо Крутова совсем осветлилось, сделалось белым, кожа обескровилась, проступили поры — пороховой темный крап, от одной к другой ниточка протянулась — вот она, ниточка, вот они, узелки! — Крутов потряс головой от озноба, его словно бы пробило морозным ветром, выстудило кости, жилы: бр-бр-р-р! Вгляделся в рисунок, обесцвеченные ресницы его задрожали: и рисунок этот, и пятна эти он уже видел и на всю жизнь запомнил — они были прочно припечатаны к надломленной, какой-то птичьей, худой шее Лескина.

— Чувствую я, мы с этими отпечаточками еще встретимся. Помяни мое слово, Витя. Худой знак!

Тем временем зарядили дожди, пошли один за другим без продыха, дождь за дождем, разнокалиберные и с крупной дробью — картечью, которой волка валить, и со средней, что на гуся, и с мелкой, частой — на кулика: одна туча наползет, отбомбится и уплывет облегченная вон, и надо бы переменуку меж бомбежками, передых дать, чтобы люди обескислорожденными мокрыми ртами могли хватить свежего воздуха, ан нет — вторая туча уже заходит на бомбежку, опасно пригибая тяжелый черный край к самым крышам, — сейчас начнет!

В дожди на проселке движение и вовсе нулевое: если только какая-нибудь корова, сбегавшая от хозяина в сопки похрюпать свежего шеломанника, пронесется домой на скорости, ошалело трясая головой, и все. Звук ее стоптанных копыт да дырявое звяканье колокольца, если он приторочен к шее, и будут единственным звуком, который может разнообразить нудное дождевое бормотанье.

В общем, пусто на проселке. Люди не сразу обратили внимание, что из придорожной канавы, доверху наполненной пузырящейся глинистой водой, выпирает что-то: куль — не куль, перина — не перина, спина — не спина, — что-то плотное, твердое, обтянутое некогда хорошей, доброго качества, а сейчас уже исполосканной, мятой тканью. С вьезшейся в плетения нитей землей.

Ткань, что заметили в канаве, действительно была когда-то дорогой, с шерстяной блестящей, именно из такой хорошей ткани за границей шьют так называемые клубные пиджаки, распределяют по владельцам чековых книжек: у кого книжка толще, тому и пиджак попригнанней и пуфочки потяжелее, а раз тяжелее, то, стало быть, и золота на них отпущено больше — но это там, у них! У нас все по-другому: такой пиджак может носить и генеральный директор объединения и жулик.

Когда обратили внимание на куль да вытащили его багром из канавы, люди невольно побледнели — человек это. Некогда форсистый, молодой, с ровными чистыми зубами и веселым взглядом, а сейчас так же, как и клубный пиджак, исполосканный грязной глинистой водой, изжужканный, с забитым землею ртом, плотно запечатанными глазами, страшный, никому не ведомый... Вроде бы и не человек это, и все-таки человек, похоронить бы его в конце концов как безвестного, да нельзя — некогда модный парень этот был убит.

Предсказание Балакирева, увы, сбылось: на шее убитого были найдены отпечатки тех же самых синих страшных пальцев, что и у Лескина. Человек был придавлен железной, не знающей жалости рукой, потерял сознание и в придавленном виде засунут в канаву. Всего метрах в трехстах от поселка, в котором дождевали, ждали солнышка и сухоты люди, вместе с ними ждал погоды и капитан Балакирев. Не один — со своим напарником по рыбной части Круто-

вым. Оба они из комнатенки участкового инспектора не вылезали, занимались вычислениями и «геометрией», их обоих исполнительная жена Балакирева Клавдия Федоровна кормила борщами, мясом, чимчой — острой корейской капустой, морковью со сметаной, филейной лососиной, которую Балакирев, надо заметить, не очень жаловал, признавая красную рыбу только в одном виде — в засоле, слабом, да чтоб в соль было добавлено немного сахара и чтоб укропчик для острого духа был прямо в рыбину, в развал живота положен. Несколько дней назад именно в этой комнатенке Балакирев высказал мрачное предположение насчет отпечатков пальцев — встретятся они еще с синими отпечатками, — вот и повстречались!

Личность некогда форсистого парня, купившего у моряков-заграничников клубный пиджак, не была установлена, документов в блейзере никаких, и никакой наводки — ни ключа, ни номерка, ни автобусного билета, ни квитанции, — ну словно бы этот человек жил в некоем мире, где не пользуются бытовыми услугами, не ходят в ресторан, не приобретают ничего в магазине, словно бы духом единым был жив форсистый парень — собственным духом. Не хлебом, не рыбой — только тем, что выдано было в горных высях, определено природой — под звук серебряного пионерского горна природа отправила человека в путь, а потом тем же самым горном призвала его назад. Иных людей природа призывает с полдороги — это либо очень плохие люди, либо очень хорошие: и те и другие где-то кому-то в чем-то мешают.

Утопленнику почистили лицо, ополоснули чистой водой, выковырнули грязь изо рта, разлепили веки, заставили безжизненные серые глаза поглядеть на дощатый потолок помещения, в котором свершался печальный милицейский обряд, а затем сфотографировали.

Сфотографировав, глаза снова закрыли: не положено, словно бы сморщенный чужой взгляд этот может кому-то причинить зло, сглазить, — покойник не был введом поселковским. Ни мужчинам, ни женщинам — по нему не плакали.

Одну фотографию показали бондарю, другую отправили в далекую Молдавию, в город, где в счастливом неведении, словно в золотой купели, рождаются такие бесхитростные ангелы, как бочкодел и Митек. После путешествия на край земли бочкодел с Митьком видеть друг друга не могли, сшибались, как петухи, ходили с исцарапанными лицами, надутые и слезливые одновременно. Если бочкодел слышал скрип велюровых кроссовок своего молодого соседа, то начинал квохтать по-куриному, потом надувал грудь, нагибал голову и танком неся на скрип. Молодой землепроходец же не мог слышать звука бареток бочкодела, мгновенно наливался кровью, взгляд у него мутнел, и он хватался за кирпич. Бочкодел приехал на Камчатку выяснять отношения, Митек остался в Калараше. Бочкодел признал: убитый — тот самый удалец капитан. Что же он так плачевно закончил свой земной путь?

Ответ из Калараша пришел скоро — сотрудники молдавской милиции работали оперативно, времени даром не теряли и хлеб даром не ели. Митек подтвердил: на фотографии — тот самый красавец, что так просто и со вкусом околпачил полоротых путешественников.

Вот она, ниточка, вот он, очередной узелок. Первый во втором ряду. Но будет ли узелок второй?

Со вторым узелком дело обстояло хуже, он не нащупывался:

никто не мог опознать покойника, ну будто бы он не жил на полуострове, а сорвался с луны, поскользнулся на крутом склоне лунного кратера и плюхнулся прямо на Камчатку, в канаву, залившую грязной водой.

М-да, словно бы лунатик этот никогда не жил на Камчатке, не набивал консервные банки землей. Земля! Стоп-стоп-стоп: а нет ли тут второго узелка? Если землю проверить — что дадут анализы? Земля на Камчатке, как знал Балакирев, особая, вулканическая. На вулканической почве должны бы хорошо хлеба расти, травы высотой с коня — жирная ведь земля, да дудки! Земля действительно жирная: когда берешь в горсть и сжимаешь ее пальцами — середь пальцев течет масло. Но только масло это порченное, злаки, например, не уродаются здесь совсем. Сажали семя, обихаживали его, ртами, дыханием грели, чтоб не замерзала будущая жизнь, а таинство все равно не происходило, жизнь не давала о себе знать, росток не пробивался наверх, он, убитый ядом, спекался в черное гнилое ядрышко. Не приведи господь склевать это ядрышко птице или съесть неосторожному зверьку.

Но сойдутся ли первый и второй узелки? Узелки сошлись. Земля, что вместо икры была набита в банки, была поселковой землей, ее взяли с одного из поселковских огородов либо где-нибудь в осыпавшемся ярочке на берегу реки. Э-эх, найти бы эту яму — яма-то ведь не в Палане, не в Большерецке, не в Начиках, в их поселке была вырыта. В Петропавловске, в Палане, в Большерецке земля совсем другая, химия у нее пожиже... иль погуще.

Есть над чем задуматься. Балакирев потянулся рукой к настывшим онемевшим икрам, потер их, другой рукой растер виски — голова раскалывается, под костью словно бы проволоку электрическую протянули, по ней пропустили ток — крепкий ток, будто кипяток, даже кожа дергается от него, нос сбился набок, губы дрожат, руки дрожат, уши мокрые: что же с тобой делается, старина?

Хорошо хоть Балакирев работает не один, из области приехала целая прокурорская бригада, но с Балакирева его собственных обязанностей никто не снимает, никто нового участкового не назначал, поэтому и болит голова у Балакирева на два фронта, супу стало некогда поесть: то в областной следственной бригаде он, то у себя на посту, с которого он не имеет права уходить, — это Балакирев понимал с беспощадной ясностью, — оба убийства произошли ведь на его участке!

Хребет у него ободранный и потому уязвимый, впалый, каждым миллиметром его Балакирев чувствует дыхание земли, соседей, Крутова, жены, самого себя, морщится от боли и сквозь жаркую толщу ее шепчет, стиснув зубы, разные слова — для себя шепчет, чтобы поддержать силы, он словно бы молится и удивляется тому, что губы у него вялые, холодные, слова прилипают к ним, словно подсолнечная шелуха, никак не могут слететь. И само преступление, и его раскрытие, и суд, и приговор суда — «вышка», — Балакирев был твердо уверен, что оба убийства совершены одним человеком (страшные пухлые темноты, вымоченные водой, — отпечатки пальцев; не могут два человека действовать одинаково, как не может быть двух одинаковых отпечатков) и что за два трупа мера законная, другой нет: расстрел, «вышка»! — все это растет на одном стебле.

Дождь тем временем совсем затопил Камчатку, вал воды опрокинулся с небес на землю, потоп шел сплошной, не прекращался ни

на минуту, словно на ГЭС, где вода должна вертеть турбину, дело дошло до того, что матери перестали детишек выпускать на улицу — ну как подхватит мутный глинистый хвост, с глистами, с червями, уволокет, как того бедолагу в нарядном костюме, сунет головенкой в проран — ищи потом, свищи! Дома родное чадо целее будет.

Балакирев просмотрел все огороды, поискал яму «под ярком», где могли брать «икру», не нашел. Тут хоть сто собак пускай на разведку — все равно не найдут.

В мрачном настроении пребывал Балакирев, природа для него имела один только цвет — темный. Особенно страшный дождь этот, который льет, льет, словно в небесах сокрушило плотину, турбина же работает на остановившейся ГЭС, а освобожденная вода хлынула вниз, на землю.

Все звуки глухнут в потоке — ну хоть бы где-нибудь грохнуло, раскроило небеса, раздался гром — грома нет. Балакирев в своей комнатенке, где к мелованной стенке прикреплены два милицеских плаката, сидит угрюмый, будто ворон: раз цвета все для него стали темными, то и сам он еще более темным сделался, ну словно бы из печи вынутый, лицо горькое, с ломинами складок у рта, под глазами — прокопченные мешочки, сверху на мешочки напозают веки, для обзора места никакого, дыхание сиплое, будто у Балакирева одно легкое порвалось, а другое отказывает, — считай, нет жизни в человеке.

И не будет, пока не кончится дождь и они не раскроют убийства.

Хлопнула входная дверь. В коридоре раздались шаги, и на пороге появился человек, погромыхал негнущимся тяжелым капюшоном, стряхивая воду, потом с тем же грохотом, будто капюшон был железный, сдвинул его назад, обнажил ровную, ладно выбритую голову. Балакирев откинулся на стуле, не веря тому, что видит: этот человек никогда не бывал в комнатке участкового, милицию властью не считал — не сельсовет, мол, — к капитану Балакиреву относился так, будто того вообще на свете не было. Но, как говорится, «случай лови за чуб: лишь спереди он лохматый, сзади же лыс совершенно, упустить — вовек не поймаешь». Не думал, не гадал участковый Балакирев, что механик Снегирев — самый справный, самый сложный, самый головастый и самый сильный человек в поселке — может вот так запросто заявиться к нему. Добровольно, не по принуждению.

М-да, пусть с нами случается не то, что нам хочется, а что полезно: раз Снегирев пришел, значит, есть дело, значит, надо принять его по-доброму.

— Здравия желаю, начальство! — бодро провозгласил Снегирев, улыбнулся крепким ртом. Зубы у него были такие, что Снегирев мог стать перекусывать: у всех Камчатка зубы портит, оставляет дырки, заливают их врачи серебром, цементом, пластмассой, укрепляют, а зубы все равно рассыпаются, хоть все выдирай до единого и вставляй новые, блестящие и ровные, — но это будут искусственные зубы, а у Снегирева свои: тоже блестящие и ровные, прочные.

«Начальство», — по привычке отметил Балакирев.

— И вам поклон, — приветливо поклонился Снегирев, увидев молчаливого, затянутого в космический костюм Крутова. — И вам! — Поклон старшему лейтенанту Галахову, приданному в помощь группе, работающей в поселке. — И вам — наше, от всей души! — Поклон петропавловцам. Снегирев похлопал по голому темени ла-

донью, промокая воду, потом сделал легкий кивок в сторону представителя петропавловской прокуратуры, сидевшего у окна. — Холод, слякоть, дождь, вода, туман, когда все это кончится? Может, вы у себя в области знаете? — спросил Снегирев.

— Не знаем, — коротко отозвался участковый.

— Это ты, Петрович, не знаешь, а товарищи из Петропавловска?

«Ишь ты, бобер, восхищаться только впору — знает, кто тут из соседнего участка, а кто из самой области, — отметил Балакирев мрачно, — именно из Петропавловска, а не из Большерецка иль, скажем, из Сокача. Велик мир, велик человек в мире — ничего нельзя скрыть. И спрашивать нет смысла: раз у меня сидят товарищи — значит, из Петропавловска». Вслух произнес:

— И товарищи из Петропавловска не знают, — ощутил, какое у него костлявое, недоброе, морщинистое лицо, попытался размять морщины пальцами.

— Жаль. — Снегирев посмотрел на Балакирева хитро, но без подначки и без сочувствия, которое капитан не терпел, проговорил ровно бы для себя: — Ты, Петрович, напрасно на меня так смотришь.

— Как?

— Малость по-волчиному, из-под лба. Я ведь не враг тебе, я друг. Я добра хочу. Хочу, чтоб проклятье с нашего поселка было смыто.

— Дождь смоем.

Рекс, лежавший смирно под столом, вдруг дернулся, вздыбил шерсть и, зевнув сладко, хищно клацнул зубами. Вытянул свое тело из-под стола, обдал людей запахом псины. Те, кто находился в комнате, к Рексу уже привыкли и неприятной волны не почувствовали, а Снегиреву запахшибанул в ноздри, он сморщился и насмешливо сощурил умные, с кофейным блеском глаза. Хотел что-то сказать, но не сказал — видать, из-за петропавловских товарищей сдержался. Если бы Балакирев был один, он не стал бы сдерживаться. Рекс подошел к Снегиреву, поглядел на него снизу вверх и так же, как и механик, сморщил нос.

Присутствовавшие, сдерживаясь, похмыкали, отвели глаза от механика, стали смотреть кто куда. Рекс тем временем пристроился к снегиревскому сапогу, покосился на своего хозяина и демонстративно поднял ногу — еще мгновение, и зазвенит тонкая бронзовая струя.

— Рекс, кыш! — выкрикнул Балакирев, будто вредливой курице, Рекс снова сморщил нос в немом вопросе: это почему же кыш, — демонстративно чихнул и отошел от механика — он высказал гостю свое «фе», с него хватит.

— Умный зверь у тебя, капитан Балакирев. — Снегирев снова похлопал ладонью по темени, промокая воду. — В Москву б его, на Выставку достижений народного хозяйства, в павильон кролиководства.

«Капитан Балакирев», — пропустив подковырку насчет павильона кролиководства, отметил участковый и придвинул к себе листок с «геометрией», — сейчас механик будет что-то рассказывать, а он будет рисовать: милое дело — треугольнички, кружочки, ромбики, квадраты и овалы.

— Можно и в павильон кролиководства.

— Ты мне, Петрович, вот что можешь сделать? — гость пощелкал пальцами, не зная, как подступиться к делу, соображая. Пока он

щелкал пальцами, Балакирев отметил: «Петрович», нарисовал на бумаге два кружка.— Впрочем, что ходить вокруг да около? Ты мне можешь показать фотографию того человека, что убитым в кювете нашли? Если, конечно, петропавловские товарищи не возражают.

Балакирев нагнул упрямую голову, нарисовал на бумаге не квадрат, а что-то странное, кособокое, с выступами и вдавливаниями, имеющее несколько углов.

— Могу,— наконец проговорил он, сунул руку в стол, где в ящике, рядом с «маслятами» — рыженькими веселыми патронами от «макарова», лежали бумаги и конверт с фотографиями, вытянул из конверта один снимок, положил на стол рядом с «геометрией». — Смотри, товарищ Снегирев.

— В руки взять могу?

— Бери!

Кивнув влажной, так и не отошедшей от дождя головой, Снегирев подцепил снимок пальцами, придвинул к себе и жестко сощурил кофейные глаза.

— А я ведь, дорогой Петрович, знаю этого человека.

«Дорогой Петрович», — машинально отметил Балакирев, почувствовал, как под лопатку его кольнуло, спросил:

— Неужто знаешь?

— Хочешь перекрестюсь?

— В бога не верю.

— Напрасно. Мой тесть, покойник, мудрый был человек, мозга на две головы хватало, он пока на фронт пулям кланяться ехал в составе сибирской дивизии, тоже в бога не верил, а когда кланяться начал, сказал: «Если дашь выйти живым, пять лет подряд каждый день буду свечки ставить и поклоны отбивать!» Пообещал — и выжил, как видишь, не задел его немецкий металл.

Балакирев рисовал кружочки, квадратики — довольно успешно создавал «геометрию», ждал, когда механик кончит лекцию про бога и начнет про покойника.

— Вот он где, например, находится? — Снегирев постучал ногтем по фотоснимку. А? У бога.

— Угу, за пазухой, — подал голос Галахов.

— Э-э, а это вот напрасно. Над чужой верой у нас даже государство запрещает измываться. Не говоря уж о вере своей. Не хочите верить — не верьте!

— Извините, — пробормотал Галахов.

— Помнишь, милый мой Петрович, когда-то ты браконьеров на речке заякорил?

«Милый мой Петрович», — отметил Балакирев, посмотрел как можно спокойнее в окно: все так же темно, все так же льет.

— Да я их столько... якоря уже все пообрывались.

— То был особый случай, помнишь, на «ЗИЛах» браконьерили?

...Это произошло в двадцати двух километрах от поселка, среди сопок, на нерестовой реке, во время руинового хода.

Набрел Балакирев на разбой случайно: что-то муторно ему в тот день было, душно и холодно, как сегодня, шрам зудел — верный признак того, что не все в порядке на его участке, — и он двинулся в обход владений.

Долго ли, коротко ли шел — слышит: в тайге моторы ревут, высоко, со стоном, будто среди сопок кто-то затеял новую стройку: то ли висячий мост сооружают люди, то ли ГЭС, то ли канатку с горы на гору и сейчас ставят на земле опоры. Подивился Балаки-

рев — сообщений о новой стройке к нему не поступало. Может, ихтиологи новый рыбозавод закладывают? Был такой разговор, и сообщение было... Но с ихтиологами Балакирев недавно виделся, ничего они ему не сказали, стройка им разрешена, да денег пока нет — сплошная темень и печаль пока у ихтиологов: кал пороссячий продолжает плыть по реке, последнюю рыбу грозит загубить.

Не-ет, все-таки интересно, что за строительство такое новое?

Дело было уже к вечеру, солнце, косое, яркое, било, как утреннее, с неизожженной силой, сопки таранило насквозь — свет лился сквозь них, каждая порина просматривалась насквозь, ровно дырка, — все сопки дырявые, радостные, солнышко из них вытекает, скачивается прямо в нерестовую реку.

Размышляя и улыбаясь на ходу своим мыслям, ощущая легкость и ладность своего тела, которое вообще-то было далеко не легким и далеко не ладным: все от ветров, от морозов, от воды, от повышенной кислотности здешней скрипело в Балакиреве, сдавало, все надо было ремонтировать. Ловя глазами солнце и речные струи, дошел до места стройки. Заранее улыбнулся самой доброй и приветливой своей улыбкой и, приготовившись произнести «Добрый вечер, дорогие товарищи строители!», раздвинул кусты, выходя на полянку.

Замер. Лицо его сделалось яростным, каждая костяшка, каждый мускул и жила проступили рельефно и напряглись — Балакирев перестал быть похожим на самого себя, такой чужой и резкий он был, только улыбочка, что осталась припечатанной ко рту, выдавала настроение, в котором он пребывал еще минуту назад, — такая нежная, приветливая и такая ненужная.

По ровной зеленой поляне, заросшей шеломаинником и пыреем, на медленной скорости прямо на него шел тупоносый, с широким развалом «ЗИЛ». «Зиловские» грузовики сильные, у водителей пользуются уважением — им и грязь, в которой другие машины тонут по оси и сидят мертво, нипочем, и крутизна, где техника бессильно хрипит и скатывается вниз, вода и глубокий снег, каменные откосы, песок — им все нипочем, поэтому «зиловским» машинам доверяют самую трудную работу, но чтобы такую-ю...

С буксирного крюка машины свисала толстая веревка и мокрой змеей уходила в реку, разрубая течение. За веревкой курчавился белый след. По другому берегу реки также полз грузовик, и за ним тоже тянулась тяжелая мокрая веревка, уходила своим концом в воду. К веревкам этим была привязана широкая, во всю реку сеть, которая тащилась вверх по течению за грузовиками. Грузовики ревели надсаженно, мяли колесами траву, сеть бурлила, в ней взрывалась вода, наверх выскакивали не только рыбы тела, выскакивали камни; блестящее донное макротье, растения, коряги — машины подчистую выгребали все, что было напихано в святую нерестовую реку. И живое и неживое.

Ревели, надрывались моторы — тяжело машинам тащить сеть, рыба рвалась, превращаясь в мятое бесформенное мясо — рыбий фарш, на поверхность выметывался красный бус — кровь либо икра, изжужжанным тряпьем взлетали хвосты и сплюснутые головы. Свет перед Балакиревым озарился темной вспышкой, он выскочил на поляну и непослушными, вмиг затрясшимися пальцами схватился за кобуру:

— Сто-о-ой!

Кобура никак не расстегивалась, и хорошо, что не расстегнулась.

В кузовах грузовиков стояли рыбаки-подстраховщики, за концами следили. В кабине той машины, что ползла по балакиревскому берегу, кроме водителя, находился еще один человек.

Надрывался Балакирев, еще что-то кричал, все пытаясь негнущимися пальцами расстегнуть кобуру, оглушал самого себя собственным голосом, матерился, вытягивался в струнку — в голый нерв, в боль ходячую обратился, он, припаянный к этой воде, к земле этой, палец в реку опустить не смеет, чтобы не спугнуть лосося, немеет от испуга — а вдруг тот в здешнюю воду вообще не придет, застрянет где-нибудь в Японин, что тогда делать? А тут... а тут... Балакирев наконец оторвал руку от кобуры, цапнул себя за длинный костистый подбородок, сжал с силой, будто торчок пистолета:

— Сто-о-о-о-ой!

Его, конечно же, заметили, едва он вывалился из кустов, облепленный комарьем и мокрецом: хорошо освещенный солнцем, он был словно на ладони — так с ладони и надо было слизнуть участкового, чтобы не мешал, не тревожил криком публику — и чего нужно этому тонконогому человечешке? Но не стали трогать, металл о него корезить: а вдруг с участковым наряд какой наладился, выследил их с вертолета и сбросил десант? Тот, кто стоял в кузове машины, идущей по балакиревскому берегу, метнулся к заднему борту и секанул ножом по веревке, намотанной на буксирный крюк.

Сеть ушла в воду, шофер машины, идущей по противоположному берегу, дал газ, выволакивая снасть на сушу. Сеть длинным тяжелым хвостом завертелась в течении, выплевывая камни, коряги, рыбу, но часть добра все же спеленала крепко, захлестнулась сама по себе, становясь на запор, и уползла за машиной в кусты. Рывкнул мотор напоследок и стих — была машина, и нет ее. Балакирев по-боксерски подвигал челюстью и, зло вдавливая каблуки сапог в землю, прошел к остановившемуся грузовику, пробил взглядом стекло — знакомые люди или нет?

Люди были незнакомые — много разного народа болтается ныне на Камчатке невзирая на то, что земля эта пограничная, без пропуска не протиснешься, а все же бродяги множатся.

— Кто такие? — не сказал Балакирев — выстрелил. Еле-еле себя он сдерживал, боль собственную одолевал, она ему глотку, хрищи начала ломать, норовила выскочить наружу, обернуться матом, худым словом, но Балакирев не дал ей, из последних сил сдержался — не дал. — Кто?

Трепыхнулись люди в кабине, молча вглядываясь в кусты за балакиревской спиной, в недалекий сизый лесок, отплюнулись от оводов, набившихся в кабину, и по-одесски, вопросом на вопрос:

— А ты кто такой?

Вот так, в лоб, на «ты».

Рука у Балакирева вновь дернулась к пистолету, лицо окостенело — неприятно, когда так ошупывают, шарят по карманам, выворачивают их, — но и на этот раз остановил себя: любую драку с этими людьми он проиграет, не пощадит его «экипаж машины боевой», вдавит колесами в землю и оставит тут гнить, чтоб не мешал экипажу свободно дышать. Да и доказать он ничего уже не может — увы, никаких «вещдоков» нет, ни сети, ни концов, ни рыбьих голов, все обрезано, все уплыло.

Муторно было ему, солнышко перестало светить, хотя вон оно, светит, ластится к разному человеку, не разбирая, хороший человек

или плохой, ко всем оно одинаково доброе и одинаково мирное. Гол Балакирев, беззащитен, хотя и имеет при себе пистолет.

Назвался.

Из окна машины оглядели его погоны, кобуру с пистолетом, цепким оком вновь вывернули карманы, поняли — не опасен капитан, а раз не опасен, то какого черта тут делает, решили поговорить. Взяли его на мушку. Тот, кто в кузове стоял, даже кулак под подбородок подложил, оперся на кабину: интересно ему было, сукину сыну.

Оказалось — геологи.

Балакирев ослабел, словно бы до конца изошел кровью, воздуха ему что-то перестало хватать, сердце останавливалось, и на висках больно вспухли жилы — в жилах давление свое было, пустоты не терпешее, не тряпка, чуть что — организм напоминал о себе человеку, но потом сердце начинало биться вновь, быстро набирало скорость, и это тоже было худо. После недогружа шел перегруз. Старел Балакирев. Прокачал себя, подышал часто: надо было узнать, что за люди и что ими движет, кто родители, какую школу окончили и какой институт, что за учителя у них были. Почему они такими выросли?

— А это ты, капитан, нас в мелодию к себе вызови, но только по закону, ежели закон тебе позволит измываться над рабочим человеком, иначе держи штаны покрепче — там мы все-е тебе расскажем, — посмеялся над Балакиревым водитель.

«Капитан. На «ты», значит, — отметил Балакирев, — а «мелодия» — это, надо полагать, милиция. Вот г-гады!»

— Вы злостные браконьеры! Вы брали рыбу способом фашистским, до такого даже фашисты не додумывались.

— Ты нас за руку схватил?

М-да, а ведь этот крикливый шоферюга прав.

— Схватил!

— Доказать сможешь?

— В том-то и дело, что не смогу, — с сожалением произнес Балакирев.

— Э-эх, красноголовый, красноголовый, — вдруг проговорил водитель с неожиданной веселостью, сплюнул в окно, — обидно мне за тебя.

— Не боишься, что я тебя где-нибудь на дороге прижму и за все рассчитаюсь: за хамство, за «ты», за ложь?

— Не прижмешь. Во-первых, ты не гаишник, а во-вторых, где в какой тайге ты меня сыщешь? Поди, сыщи! Я ведь по асфальту не езжу. Моя дорога там, где асфальт кончается.

Говорить с этими людьми, как разумел Балакирев, — слова впустую тратить.

— Ладно. — Балакирев посмотрел на заляпанный грязью, специально заляпанный, совсем неразличимый номер машины. Грязь надо сбивать сапогом, чтоб разобрать цифры, начнешь сбивать — этот веселый шоферюга даст по газам, собьет его с ног, а до дому отсюда добираться ой как далеко: все кишки на кустах останутся, пока доплзешь.

— Ладно, — повторил Балакирев, соображая, поймал откровенную издевательскую улыбку водителя, снова произнес бесцветно: — Ладно!

Нет, не надо повторять ему это слово раз за разом. Повторять — лишь собственную уязвимость и беспомощность подчерки-

вать. Доказать он ничего не может. В груди было тесно, влажно, сердце подбито шевельнулось — шевельнулось и умолкло, словно бы его опять не стало совсем. Балакирев поморщился: аритмия.

— Ладно, — вновь повторил он.

Звенел комар, бойко светило закатное солнце, в беззвучных струях его все сделалось прозрачным, зыбким — сопки, вода, шело-манник, камни и эти вот страшные, бензином папахивающие вооруженные современной техникой люди. Мир ведь такой добрый, такой неохватный, жить бы в нем да жить, теплу радоваться, сиреневому свету, тому, что комарья хоть и много, но не так много — дышать можно, могло быть в несколько раз больше, — и вдруг? Откуда вы, ребята? Какая мама вас родила? Зачем выкормила?

Шофер издевался над капитаном. Моряк с печки бряк, командовавший в кузове, посмеивался, праздный пассажир командирского вида, сидевший в кабине, молчал. Он словно бы из другого теста был слеплен, прискакал сюда на летающей тарелке и определил для себя дальнейший путь в кабине этого грузовика.

— Ладно, мы еще повстречаемся, — проговорил Балакирев в себя, севшим голосом, отступил. До чего ж паскудно он себя ощущал — ну, ровно бы руки ему скрутили проволокой и давай на глазах издеваться над Клавдией Федоровной и над детишками, которым она преподавала школьные науки. Отчего всегда так — сильные измываются над слабыми, слабые скулят, просят защиты? А он защитить слабых не может, бьется, старается зубами перекусить проволоку, содрать ее с рук, мясо счищает до костей, а стянуть скрутку не в силах — и больно ему, слезно, плохо, сердце вот-вот развалится, надо что-то делать, а сделать он ничего не может: связан!

И здесь связан, и в лучшем случае его сообщение примут к сведению, и все.

— Повстречаемся, ваше благородие. — Шофер расцвел улыбкой — наверное, самой лучшей улыбкой из того набора, что имел.

«Ваше благородие», — машинально, как само собою разумеющееся, отметил Балакирев. Ему было мутно, словно он действительно не сумел защитить близкого человека; человек этот ему все отдал, последнюю шубейку в мороз — на, мол, пусть тебе будет тепло, друг, а я обойдусь, сам в рубахе звенеть костями остался, — он верил Балакиреву, но Балакирев на деле оказался не тем, кому можно было верить, вот ведь как. Пятился Балакирев в кусты, пятками сапог нащупывал твердые куртины, давил их, чтобы не споткнуться, и цедил сквозь сведенные в одну фанерно-твердую линию губы:

— Ладно, мы еще повидаемся... Мы еще повидаемся! Ладно!

Как сквозь сон слышал смехок водителя, далекие, ровно бы и неземные голоса, угрюмое бормотание мотора.

Он все-таки нашел и вызвал к себе «рыбаков» — и водителя, которому все было нипочем, свое он отсидел и еще готов был отсидеть столько же — тюрьмы он не боялся, и «верхового», обрезавшего ножом веревочный канат, — рабочего геологической партии, человека, временно взятого на работу, «соболятника», как на Камчатке зовут бичей, — ему, как и бывшему зеку, тоже не с чем было расставаться, и молчаливого красивого седока, свалившегося в кабину «ЗИЛа» прямо к летающей тарелке. Этот действительно оказался в кабине случайно, к геологам не имел никакого отношения. Балакирев, который больше нажимал на водителя и «верхового»,

пропустил «тарелянина» мимо себя: тот тихо и незаметно соскользнул в сторону, выпал, ровно карта, вывалившаяся из карточного домика, и исчез. Балакирев эту карту не запомнил, не главная она была, не козырь и не масть — проходная!

Снегирев еще раз помял крепкой ладонью по лысине, промокнул остатки влаги.

— Парит что-то! Дождь — и парит, пхих! Похоже, конец света. Значит, Петрович, ты помнишь тех рыбацков?

— Ну!

— Может, стул предложишь?

Лишнего стула в бедной неуютной комнатке Балакирева не было, поэтому капитан поднялся, подал свой стул Снегиреву. Тот словно бы и не заметил, что инспектор вытащил стул из-под себя, сел.

— Я даже фамилии этих мародеров помню, — сказал Балакирев. — Подуваткин и Малофеев. Подуваткин за рулем сидел, а Малофеев руководил кузовом. Ножичком по концу, между прочим, он секанул.

— Надо было б тебе, Петрович, еще тогда обратить на эту компанию особое внимание и заякорить их.

— Заякорить? Каким же, извини за любопытство, образом?

— Тебе видней. У тебя же власть, сила, за твоей спиной все государство. На крюк надо брать по-милицейски крепко.

— Посидел бы ты на моем месте, узнал бы, что у меня за права и что за обязанности.

— Я сижу на своем месте, ты на своем, у каждого из нас — свое. Не моги передоверять свое дело другим. Зачем передоверяешь?

— Просто ты бы узнал, что обязанностей у меня в несколько раз больше, чем прав. Я ничего не могу сделать, коли мои шаги не совмещаются с кодексом.

— Значит, если пьяный подонок забаррикадируется и начнет хлестать из ружья по гражданам, ты не сможешь подстрелить его?

— Смогу, — угрюмо проговорил Балакирев, — это я смогу. Только не об этом мы талдычим.

— Помнишь, сколько людей в той машине было?

— Ты-то откуда знаешь, сколько их там было?

— Я все знаю.

— Трое.

— А ты назвал две фамилии. Вот убитый третий-то и есть. — Снегирев взял со стола карточку, постучал по ней ногтем, целя так, чтобы удары ногтя приходились на лицо, в центр — по носу и глазам, словно бы хотел за что-то наказать убитого, — он. Красивый был парень!

Балакирев поежился — ему не понравился снегиревский тон. Но все это слюни, извините, эмоции, на которые не надо бы обращать внимания, и тон Снегирева, и слова его, и то, что к нему Балакирев не всегда ровно относился, — дело второе, третье, пятое, а вот то, что Снегирев искренне хочет помочь следствию, милиции, — это хорошо, это дело главное. Балакирев благодарно смежил глаза, протянул рукой к снегиревской руке:

— Спасибо тебе! — Взял фотографию в руки, отодвинул снимок от себя, Балакирев словно бы поместил его в пространство и напряг память: тот это человек или не тот? Да или нет?

Форсистое и замкнутое было лицо у красивого попутчика, оказавшегося в кабине браконьерского грузовика, отстраненное от всего мирского, возвышенное, почти ни на что не реагирующее. А что за человек, как он забрел на Камчатку, кто его закинул сюда? Не захотел тогда узнать об этом Балакирев, не захотел отклоняться от главного, отпустил с миром: иди, чужак! Чужак улыбнулся тихо, обнажил красивые, ровные зубы и исчез. Вроде бы его лицо на фотографии и вроде бы не его.

Тот человек был загадочный и этой своей загадочностью сумел удержать Балакирева на расстоянии, неземной, с девчоночьими глазами и длинными ресницами — зависть для всякой женщины, а вместе с завистью — погибель, а этот — выполосканный, с синеватой мертвой кожей, ссадиной на лбу, разбухший оттого, что нахватался по самую завязку воды и грязи, некрасивый, как вообще бывает некрасив всякий покойник. Он или не он?

В комнате было тихо, лишь только мерный хряск дождя залетал в форточку, вызывал невольную зевоту.

— Похоже, он, — наконец произнес Балакирев, приблизил снимок к себе, отдалил, приблизил, отдалил. — Он! — наконец решительно произнес Балакирев и поднял глаза на Снегирева. — Вопрос на засыпку: откуда знаешь, что этот человек был у меня? — Капитан тряхнул фотокарточку.

— Я ж тебе сказал, Петрович, что все знаю, а ты мне не веришь. — Снегирев сощурил кофейные глаза, поймал ими серый отсвет окна, растворил в глуби зрачков, усмехнулся. — Жаль, что не веришь. Человек слаб, хотя и умен — одно не должно исключать другого, а он исключает — верит не тому, что доказуемо, а тому, что удобно, что больше подходит под рисунок, который он сам для себя создал. — Механик Снегирев был умным. Когда надо, способен был и пофилософствовать, и слово неожиданное, форсистое, как лик того незнакомца, бросить, и впечатление произвести — интересный человек механик Снегирев. Шуря кофейные глаза, он постучал пальцами по балакиревской «геометрии»: — Вот под это лучше подгоняй своего подопечного — пользы больше будет, ваше благородие!

«Ваше благородие!» — привычно отметил Балакирев и медленно выпрямился. Кости захрустели. Именно так, «вашим благородием», его проводил водитель браконьерского грузовика, Пудоваткин по фамилии. Нет ли тут какой-нибудь связи, ниточки гнилой, непрочного узелка?

— Еще раз спасибо, — сказал Балакирев.

— Впрочем, не надо подгонять, надо сомневаться. Любая вера построена на сомнении. Вот ты сомневаешься во мне, Петрович?

— С чего ты взял? — Балакирев ощутил боль под лопаткой, не под той, где был шрам, почему-то под другой, словно бы и туда его поразили, втянул сквозь зубы сырой воздух. — Нет, не сомневаюсь.

— Ответ не соответствует действительности. — Снегирев жестко, как-то мстительно сощурился. Вот все его отношение к Балакиреву, Балакирев это отметил. — Не веришь ты мне! И правильно делаешь. Ты должен сомневаться во всем, только тогда докопаешься до святой середины, до истины.

— Не морочь мне голову, — устало вздохнул Балакирев. — У тебя, похоже, семь пятниц на неделе.

— Не семь — две. Одна пятница — «верю», другая — «не верю». Ты, Петрович, не веря, должен верить и, будучи оптимистом, дол-

Рисунок Олега Вуколова

жен выдавать себя за скептика. Не веря мне — мне же верить. Верь, Петрович, верь. У нас с тобою разные божества: ты обожествляешь дождь...

— Неправда!

— Я обожествляю снег, ты обожествляешь воду, я обожествляю землю, ты обожествляешь смерть, а я жизнь...

— Ну и философия у тебя!

— Ты христианин, я язычник.

— Я, брат, не христианин и не язычник, я партийный билет в кармане ношу.

— Одно другому не мешает.

— Выходит, ты поешь песню двуличию? — Балакирев поморщился: слишком уж громко и выпренно звучит «поешь песню» — не его, не балакиревское это выражение. Засмутился, закашлялся — из узких черных глаз чуть не побежала досада. Поправился: — Восхваляешь двуличие? — И, не дожидаясь ответа, повысил голос — голос у него стал визгливым, чужим: — Не восхваляй! Теперь скажи: где ты все-таки этого лукавого красавчика видел? — Балакирев снова тряхнул снимком.

— Да здесь же, Петрович, у тебя и видел, — спокойно отозвался Снегирев, осуждающе сощурил кофейные глаза, он словно бы говорил: «Я к тебе, как к человеку, пришел, подсказать, наводку дать, а ты качаешь права? Эх ты-ы!»

— Извини, — прочитав, что было написано в кофейных глазах, пробормотал участковый, засипел, неловко приподнимая одно плечо.

Снегирев понял, что у того чешется, отвел глаза в сторону и усмехнулся: — Извини и прощай!

И усмешку засек Балакирев, но на механика не обиделся — механик был прав.

Когда Снегирев ушел, помолчали немного, надо было обмозговать сообщение — было в нем кое-что неожиданное. Дождь чуть поутих — на небесах кто-то приспустил флаги, но сырости в форточку полезно больше.

Старший лейтенант Галахов закрыл форточку, принялся к чему-то и открыл снова.

— Еще две сигареты, и мы пулей будем вылетать отсюда. — Галахов задумчиво поскреб щеку, под ногтями затрещала щетина — старший лейтенант брился утром, брился в обед и вечером: старые люди говорят, что у счастливых растут волосы, а у несчастных ногти. — Не сходить ли нам в столовую?

— Нет, не сходить, — сказал Балакирев, — моя Клавдия Федоровна на всех обед готовит. Обидится смертельно. — Вздернул кривою большой палец с располовиненным ногтем. — Во какой обед!

— В трубу вылетишь, Петрович! Нас много — ты один.

— Не я у вас в гостях, а вы у меня.

— Ты фамилию этого... лукавого, как ты, Петрович, ловко заметил, красавца не помнишь?

— Роюсь в памяти, роюсь, да... Кошель, черт побери, дырявый сделался. В котелке одна труха осталась, даже Клавдия Федоровна на что уж мастерица, и то супа не сумеет сварить, все вытечет.

— А этот... Снегирев, он у тебя ни по какому делу не проходил?

— Не проходил.

— Грехов за ним нет?

— Не знаю. По мелочам разве что — то коврики автомобильные по пятерной цене загонит, то детальку из государственного заглашника переложит в свой заглашник, но на этом я его ни разу не поймал.

— Семечки.

— Автомобиля у него все равно сейчас нет, был, да избавился, достал по случаю коврики — на что они ему? Сплавил.

— Очень мне его физиономия не понравилась. — Галахов вновь поскреб щеку. — Думаю, он не просто приходил сюда. Может, малость посмотреть за ним?

Балакирев молчал, соображая. К дождю прислушивался. Тот стих было малость, но недолгой была передышка, припустил снова.

— Что ж, давай присмотрим, — вздохнул Балакирев, сел на стул, освобожденный сочноглазым философом. Стул был холодный — растерял изобретатель свое тепло, стул даже нагреть не смог.

Утром Снегирев бесшумно, словно дух — он, как и Балакирев, тоже умел ходить бесшумно и опасно, будто охотник-профессионал, который живет умением маскироваться и точно стрелять, — выскользнул из своего дома, на пороге огляделся, неожиданно расцвел, будто цветок, который выгодно продали, — стоять теперь герани на бабушкином подоконнике, поймал губами косую холодную струйку дождя и так же косо, в обратном направлении отцвкнул: чем-то Снегирев был обрадован.

В сарае он взял спиннинг — для отвода глаз, как поняли два Шерлока Холмса — Галахов и Крутов, — потому что на спиннинг этот не то, чтобы ловкую и сильную рыбу нельзя поймать — даже буренку, задремавшую с развязленной пастью в шеломаннике, и то не зацепишь: леска толста и неувертлива, грузило похоже на магазинную гирю, один хлопок разгонит все живое, а самого рыбака утянет следом, к грузилу почему-то привязан поплавок, не поплавок, а целый бочонок — для отвода глаз, как сообразили наши наблюдатели и тоже испытали немую радость от того, что понимали все, только радость их была вялой, — а внизу на спиннинге болталась тусклая ручной выделки блесна. Это уж совсем никуда не годилось: огромный поплавок, которым можно заткнуть ночной горшок, и блесна — кто же к блесне поплавок приделывает?

Снегирев отогнул сапоги до пахов, обошел крашеный штакетник, которым был обнесен его личный огород, сшиб по дороге пару медвежьих дудок, набрякших водой и немедленно разрядивших насосы, выбрался на тропу. «Ту самую тропу», — поняли наблюдатели.

Бесшумно, уклоняясь от кустов и веток, ступая след в след, двинулись за Снегиревым — явно механик выведет их на потайное место.

Механик вывел к реке. Там рассупонил свою странную снасть, поплавок сдвинул вверх, на торец удилища, насадил его на направляющее кольцо, размахнулся и с треском послал блесну в реку. Поработал катушкой немного, пощупал дно, прислушался к чему-то старательно, будто школяр, высунув язык, выбрал леску и снова пустил блесну в мутный тѣк.

— Во актер! — восхитился Крутов. — Из Московского художественного театра, которым руководит товарищ Ефремов. — Он любил актера Ефремова, собирал его фотографии, вырезал статьи из газет. У каждого есть свой кумир, у Крутова это был Олег Ефремов. — Во дае-ет! Да в этой мути максимум, что можно взять, так это дырявый сапог со дна, брошенный туда бичом за ненадобностью. А он захотел кижуча на блесну спроворить. Да тем более разведчика.

Механик был лешаком-пихлачем — лесным колдуном, он со второ-

го заброса взял разведчика — и такой снастью! Ею только дохлого горбыля, «плавбазу», который уже вверх брюхом полощется, брать, а не живого матерого кижуча. Крутов на глаз взвесил: восемь килограммов может быть. Снегирев легко переломил красавчика кижуча, даже когда тот заплясал стоймя в воде, высунувшись по самую середку, — разведчик пытался выплунуть блесну, но механик ему не дал, кижуч плясал на перьях, а механик заваливал его на бок, завалил и так, боком, выволок на берег.

Кижуч хватил полным ртом воздуха, окочился на минуту, ровно мужик, хвативший стакан спирта, — не понял еще ничего разведчик, а когда понял, выгнулся кольцом. Механик ткнул его деревяшкой, валявшейся на берегу: один есть!

На вторую рыбину ему понадобилось чуть больше времени, всего пять минут, — Снегирев так же легко, без натуги справился со следующим разведчиком, скатал свою несовременную снасть, сдернул поплавков с кольца, подхватил добычу и направился домой.

И никаких тайных свиданий, никакой беготни, запаленного дыхания и скрытых от глаз троп — все на виду.

— Может, задержать его? — предложил Галахов. — Все-таки браконьер.

Ежась от сырости, заползающей за воротник космического скафандра, Крутов вспомнил, что механик покупал лицензии на красную рыбу, две штуки. Месяц назад это было, Снегирев платил по два с полтиной за голову. Лицензия на чавычу стоит три рубля, раньше стоила пять — чавыча уже отметалась и обратилась уже в гниль, остро воняющую на речках, а на «другую рыбу» — есть такая графа «другая рыба» — лицензия стоит два с полтиной. Кижуч подходит под «другую рыбу». Как и горбуша, кета, красница — все это «другая рыба». Снегирев покупал два разрешения на «другую рыбу». На гольца лицензии не надо, гольца, как злобного хищника, бьют сколько хочешь, без лицензии. Крутов отрицательно мотнул головой:

— Пусть идет! — поймал укориженный галаховский взгляд. Старший лейтенант шевельнул нижней стремительно обрастающей жесткой светлой щетиной челюстью: хорошо, что волос светлый, если б был темный — Галахов совсем бы выглядел неряхой, — хотел объяснить Галахову, почему отпускает «рационализатора и изобретателя», но в мозгу возник вялый, словно бы задавленный дождевым шелестом протест, и Крутов смолчал.

— Значит, Кулибин в порядке, а вы не очень, — улыбнулся Балакирев, когда Галахов и Крутов вернулись в комнатку участкового, — и чего так?

— Прогулялся Кулибин до речки, взял пару рыб на уху и вернулся назад, — ответил Крутов, — из кижучьих голов да хвостов с плавниками уха самый раз, если ее делает умелец, то с ложкой язык можно проплотить. Снегирев решил побаловаться вкуснятиной, подкормить себя. Уже, небось, таганок на огонь поставил. Чист изобретатель. Как слеза.

Галахов поскреб щетину, оглянулся:

— Слушай, Петрович, тебе б неплохо в служебном помещении завести умывальник и это самое... — прошелся ногтями по щеке, щетина допекала его, лишала некой внутренней уверенности, спокойствия, что ли, — мыло для друзей и коллег. И, естественно, бритву.

— Если с женой поссоришься и ко мне, голубь, примчишься, я тебя не тут приму,— шевельнулся Балакирев на холодном стуле,— я тебе хату свою отдам, всю, вместе с кухней и горницей. Ежели ты будешь прав, а жена неправа и надежд на мир не станет ни одной — вообще дом тебе оставляю, сам вместе с Клавдией Федоровной в сарай переселюсь. Ежели ты будешь неправ и тебе надо будет возвращаться домой — накормлю, бритву побриться дам, хочешь, сам побрею — и отправлю до родных стен. Но тут, извини, для макияжа ничего не держу, нарушители у меня без макияжа обходятся.— Балакирев придвинул к себе листок с «геометрией». — Иди-ка, друг Галахов, ко мне домой, Клавдия Федоровна тебя примет и все что надо даст.

— Ладно, продержусь.— Галахов перестал скоблить ногтем щеку, его словно бы что-то приободрило.

Может, дождь скорострельно начал сбавлять? Утихает или нет? Балакирев прислушался: нет, показалось. Отвернулся от Галахова, «геометрия» была дороже, а Галахов глянул на него, оценил и странные слова произнес:

— Кушайте на здоровье!

— О чем это ты?

— Это я рационализатору — кушайте на здоровье! Ушица жирна, навариста, мелкий сальный бус в юшке плавает — вкусно! Когда рука носит ложку ко рту — тоже хорошо: это простое движение развивает мышцы руки, укрепляет бицепсы, трицепсы! О-эх! — невольно потянулся Галахов, не замечая недоуменного взгляда майора милиции Серебрякова, прибывшего сегодня в поселок из областного управления. — Ушицы бы! Черпачков пять!

— Сизиф, когда катал камни, тоже развивал мускулы,— сказал Балакирев,— такие бульонки натренировал, что Гераклу не снились, а насчет рационализатора — хорошо, что он домой вернулся. Я в нем не сомневался. Если и грешит Снегирев, то в таких пределах, что поймать его невозможно.

— Пусть спокойно ест свою уху!

Проработка насчет красавца в клубном пиджаке тоже пока ничего не дала — фамилию его Балакирев вспомнил, и концы нашли, но, увы,— пусто. Ни подпольного склада с икрой, ни подмены красной снеди на землю, ни пустой тары, ни закатных машинок — ничего.

Тогда почему же был убит этот человек? И за что был уничтожен Лескин? Какая связь между ними?

Тревожно и печально жилось в поселке.

Едва кончился дождь, а может, он и не кончился, просто небо перестало трясти свои потроха и показывать внутренности, поток иссяк, что-то заклинило, пробкой забило выход, сделалось светлее — в воздух подняли вертолет.

Пошли крутиться в огиб сопки, низко, чуть не задевая дутышами колес за деревья — только так можно было что-то разглядеть в мокрой задымленной земле: а вдруг свежее пепелище, вдруг человек или отяжелевшая от влаги палатка? Вдруг след какой-нибудь, щель или нора, землянка, блиндаж, дот, который когда-то против возможных японских провокаций поставили, или что-нибудь еще — неведомое или известное? Тут всякая малость может дать нить.

Участок балакиревский был показательный: ни убийств, ни драк, ни воровства, ни пожаров. Имелись, правда, вопросы по части браконьерства, но на Камчатке эта штука пока неистребима, браконь-

ерское племя крепнет — а тут вдруг убийство! Одно, другое. И почерк такой, что даже ребенок не будет сомневаться — один и тот же человек выполнил.

Нет ничего — ни дымка, ни кострищ, ни палаток, ни следов людских. Замерла камчатская земля, намаялась под дождем — рано они вылетели, надо подождать. А может, ничего и нет, может, тот узелок, ботиночная завязочка, и не в сопках? Майор Серебряков потер усталые глаза, тихо улыбнулся чему-то своему, сказал Балакиреву:

— Давайте, Сергей Петрович, отбой летчикам. Полет опасен. Мы рискуем по долгу службы, а они?

Через четыре дня пришло сообщение — дали его вертолетчики, которые брали на карандаш все, что замечали в пути — новые палатки, возникающие где-нибудь в распадках подле ключей, пешеходные цепочки, устремляющиеся в Долину гейзеров, поваленные бревна, брошенные консервные банки, что с высоты можно хорошо рассмотреть, как и крупные предметы, и битое стекло, и пластмассовый стаканчик для питья, нечаянно оброненный в пути усталым туристом.

Пилоты засекли в одном из распадков странный стелющийся дым, плоский, желтоватый, вроде бы коптильный, только вокруг никто ничего не коптил, на людей даже намек не было, хотя топанина кое-какая вокруг существовала, но чья это топанина, зверья или людей, летчики не знали — это пусть определит специалист. Но дым дымом, то, что он желтоватый, ольховый — на коптильные дела лучше всего идет ольха, — это еще ни о чем не говорит, маленькая странность природы объяснима, необъяснимо было другое: дым сочился из земли, из самой глубины, словно где-то там внизу что-то горело.

Когда вертолетчики шли обратно, дыма не увидели — вроде бы затих пожар, но через несколько часов, совершая челночный рейс, снова засекли. И вот что во второй раз хлопнуло вертолетчиков, попав и в бровь и в глаз, — та же необъяснимая странность природы: дым протискивался наружу из земной глубины. Значит, что-то там, в невидимой шахте, было, значит, черти наладили какое-то недозволенное производство, варили грешников, превращая их в цветочное мыло, упаковывали в обертки и поставляли в город, в магазин — чертям тоже сладенького, покупного хочется, шоколадных конфет «Пилот», сливочной помадки и варенья из диковинного южного фрукта под названием апельсин, ибо подножный корм, разные там кислые ягодки и корешки обрыдли до смерти.

Место было глухое, не совсем удобное для мыловаренного заводика, но чертей заботило не удобство, а уединенность — не хотелось им, чтобы кто-нибудь застал их за делом, подпадающим под статью уголовного кодекса, — вот что главное, ну, а не главное — несмотря на уединенность, на защищенность, скрытность свою — заводик был возведен все-таки недалеко от поселка.

Почерневший Балакирев, отощавший, несмотря на заботу Клавдии Федоровны, повеселел, взял в руки циркуль и занялся новым делом: промерял циркулем карту.

— Вот-вот, — бормотал он под нос, определяя что-то для себя, — вот так черти-цеховички! Вот и гора!

— О чем вы, Сергей Петрович? — не понимая, спрашивал его Серебряков.

— Гору я увидел, товарищ майор, гору. А на горе даже у муравья, говорят, вырастают крылья. Под лопатками у муравьев че-

шется, товарищ майор.— Шрам, который всегда допекал Балакирева в любую пору и в любую погоду, в этот раз не мешал, словно бы его и не было: полегчало капитану.

— У вас дети есть, Сергей Петрович?

— Нет, товарищ майор. К сожалению. Бог не дал нам с Клавдией Федоровной. Пробовали — не получилось.

— Лицо у вас стало какое-то счастливое. Будто сын телеграмму о приезде прислал.

— А-а-а.— Балакирев помотал перед глазами рукой: майор курил, много курил, в комнатке участкового дым спрессовался, он был пластами навален на пол, прилипал, словно вата, к обуви и брюкам.— Это все потому, товарищ майор, что... В общем, мы с вами упорные люди, так я полагаю. Упорные, но не упрямые. Упорство — это тогда, когда человеком двигает сильное желание: надо достичь цель, упорный ее и достигнет, а упрямство — это когда человеком двигает сильное нежелание.

— Интересно, хотя и спорно.

Балакирев еще немного поездил циркулем по карте и восхитился:

— А ведь из лихого распадка идет дым. Лучшего места для чертенячей печки не придумаешь. Стратег мозги ломал, ох, стратег,— потыкал циркулем вверх, насаживая дым на острие.— Подходов вроде бы никаких, все глухо, нога человеческая по сопкам не ступает, а все есть. И добираться легко, вот ведь как.

— Может, на вертолет, и туда? — предложил Серебряков.

— Нет, товарищ майор, и еще раз нет. Если в лоб, да вот так с ходу, мы дымоделов наших спугнем: брызнут в разные стороны — и нет их, поминай по домово́й книжке.— Балакирев отложил циркуль в сторону и, придвинув к себе листок с «геометрией», начал рисовать привычные фигуры, лицо у него сделалось далеким.— Если это, конечно, то, что мы ищем.

— Может быть, и не то?

— А вдруг вертолетчики не то разглядели? Вдруг не дым, а туман какой-нибудь из земли ползет, вулкан рождается, гейзер себе дорогу прокладывает или что-нибудь еще?

— Гейзер с дымом? Печка с блинами...— похмыкал Серебряков, однако задумался, хотя думать надо было не о том: проверять это место или нет — естественно, проверять, двух мнений быть не может,— о другом: не надо на эту пихлачеву мыловарню делать ставку, надо искать еще, надо отрабатывать ходы. Ошибутся раз, другой, третий — ну и что? Это обычные ошибки, но каждая из них приблизит к истине. Действительно, что они имеют на нынешний день, кроме слабого тающего следа? Ничего. Серебряков вздохнул, прислушался к самому себе — простыл он: в груди, в самой середине, было холодно, будто туда натискали снега, а в центр снегового кома еще ледяной обломок ткнули. Погрел дыханием руки.— Ладно. За дело, Сергей Петрович, давайте-ка своими собственными глазами посмотрим, что за странная мыловарня, а вдруг? Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Погода на Камчатке что капризная дамочка, угодившая на южный отдых, где много мужчин: настроение меняется каждые пять минут, то улыбка, да такая, что все зубы до единого видны и сверкают так, что глазам больно, то вдруг темная хмарь: утром, бывает, нависнет над домами пепельное небо, облака закрубятся —

в чреве у них порывается что-то грозно, рвется ткань, ломаются дрова, сучья трещат — кто-то этим занимается, кому-то не лень, должен бы дождь пролиться, а вместо него гладь, в прореху сплошным потоком начинает течь солнце, тут даже дубина, если ее разукрасить, не покажется дубиной, все преобразует светило, небо делается чистым, весенним, от него на душе радостно, но через сорок минут уже вовсю начинает полосовать дождь.

Сегодня, когда выходили из поселка, небо было низким, сырым, но это вовсе не означало, что из него что-то должно протечь.

Балакирев ошупал взглядом горизонт, недалекий лесок, примечая что-то для себя, произнес виновато, словно бы извиняясь перед Серебряковым:

— Климат! По климату нашему ведь как — планируешь на утро одно, на день другое, на вечер третье, а потом все ломается: утром делаешь то, что задумал на вечер, день переносишь вообще неизвестно куда — перемены мгновенны, только успевай ноги подбирать, чтоб каблуки не обрезало. Климат.

— Ладно, вперед! Надежды на успех ноль целых ноль десятых, — сказал майор Серебряков.

— Это почему же? — Балакирев начал обследовать небо, уловил в копоти серебристый крап и обрадовался ему: темнота силу не наберет, сдаст свое. Дождя не будет.

— Сколько должно быть вариантов, товарищ майор?

— Ну хотя бы три, ну хотя бы пять... А когда один — почти всегда мимо. Потому так мало веры.

Чего-то Балакирев недопонимает, чего-то трудно ему, может, он уже стар, может, пора на пенсию? Но что пенсия? Он всегда думает о ней с щемящим чувством. Пенсия — это горечь, пенсионер — рыба, выброшенная из воды на берег, еще не выпотрошенная, но уже дохлая, это одиночество — даже если рядом и Клавдия Федоровна — все равно тоскливое до-беспамятства, иссасывающее одиночество человека, который перестал быть нужным. Как, оказывается, это важно — быть нужным.

Нет, не хотел Балакирев быть пенсионером.

Вышли втроем — Серебряков, Балакирев и Галахов, взяли с собой Рекса и Белку.

— Может, собак не надо? — предложил Серебряков. — Чем черт не шутит — а вдруг?

«Вот ведь как: не верит в вариант, считает, что один-единешек успеха не приносит, а собак предлагает не брать — вдруг кого-нибудь спугнут», — в Балакиреве возникло что-то удовлетворенное. Ему, кажется, даже теплее сделалось, он окончательно отогнал от себя пенсионные мысли — послужит еще родному Отечеству, поработает на благо государства: станешь бросаться такими, как Балакирев, пробросаешься, однако.

— Не помешают, товарищ майор, — сказал Балакирев, — они у меня умные. Рекс, правда, не такой головастый, как Белка, но все равно русский язык знает. Скажешь ему: замри — замирает. И по команде отмирает. У Белки это еще лучше получается. Не помешают, товарищ майор. Комаров знаете как хапать будут! Без собак нас комары живьем съедят.

— Ну-ну, — улыбнулся майор, произнес: — Приведем в порядок свои мысли, — словно бы в порядок надо было приводить оружие.

Галахов среагировал, поймал команду, хлопнул рукой по боку, развел губы в ответной улыбке.

— Пошли! — скомандовал майор. — Что нарисует нам бинокль, дополнят воображение и способности сыщика, то и будет.

— Сыщик, товарищ майор, плохое слово, — сказал Галахов.

— Это почему же?

— Буржуазное словечко. Это там у них сыщики вынюхивают все по углам, телефонные разговоры записывают, а у нас...

— А у нас?

— У нас — сотрудники уголовного розыска, обэхээсники, следователи.

— Да слово «сыщик», Галахов, было еще Петром Первым придумано.

— Петр Первый был общепризнанный тиран. — Галахов отвел мокрую, набрякшую росой — а может, это не роса, а остатки недавних дождей — ветку: в природе существует память, раз она существует, то кто-то и о дождях ее хранит, тоскует, даже эта ветка тоскует, — придержал ее, пропустил майора, чтоб не вымок.

— Не надо, Галахов, — попросил майор, — я не барышня. А слова «сыщик» не пугайся. Его когда-то принизили, прибили, оно стало нарицательным: сыщики в охране были, «гороховые пальто», Галахов, стукачи разных мастей и калибров — все это было. Но ведь и многие русские фамилии были загажены, втоптаны в землю: Власов, Краснов, Распутин, — а какие прекрасные это фамилии, старые, светлые. Людям пришлось очищать их, чтобы не были нарицательными, — и очистили! Все, Галахов, теперь поменьше слов. Главное — слушать, смотреть, запоминать, — майор поднял вверх палец, — все аккумулировать в себе, а потом — на голубое блюдечко с золотой каемочкой. Понял, Галахов?

— Так точно, товарищ майор!

Шли молча. Собаки тоже двигались молча — встряхивали кусты, поднимая комарье. Люди молча давили долгоносых, вытирали окровавленные руки о мокрый шеломанник и ольховые ветки — сыро всюду. Дымная мокреть поднималась и от земли, добиралась до лиц, обжигала холодом. В одном месте сделали привал — перевести дух, перекурить. Серебряков прислонился спиной к кривоватой, в болевых наростах березе, распустился, ослаб лицом, потянулся в карман за сигаретами и вдруг замер.

Красноречиво замер. Балакирев и Галахов это заметили, задержали в себе дух, тоже насторожились.

Откуда-то из земной глубины, из-под мха, из-под березовых комлей, послышался далекий задавленный бормоток — гур-гур-гур, словно бы разговаривали люди, что-то делили, голоса были неясными. И верно, люди. Балакирев шевельнулся, чтобы кликнуть собак, но майор удержал его. Галахов потянулся к пистолету, и взгляд майора сделался укоризненным. Серебряков напрягся, стараясь разобрать, о чем говорят невидимые, забравшиеся в землю люди. Не разобрал, спросил у Балакирева одними глазами: понимает тот хоть что-нибудь?

Балакирев отрицательно покачал головой. В глазах майора мелькнула досадливая тень — пронеслась быстро и исчезла, словно птица. Глаза вновь сделались напряженными и ясными: майор силился понять, о чем же говорят люди. И Галахов тоже силился, что-то недоброе возникало в нем, сделалось зябко: что же это такое? Голоса таинственные, потусторонние, колдовство какое-то!

Лешаки вырыли себе пещеру, бал готовят, ведьм и пихлачей назвали в гости, колбасу режут, сыр и копченое мясо, картошку толкут в кастрюльках, заправляют коровьим молочком, посыпают молодым рубленным чесноком и укропной сечкой — лешие любят нежное пюре, что не увязает в искрошенных, кариозных зубах. А уж по части рыбки лешие-то непременно расстарались, понимают дяди в этом толк: Галахов почувствовал вязкий рыбий дух, мотнул головой, перешибая его, — во рту невольно сбивается слюна, не сглотнуть, она тверда — вот и стоишь с комком слюны, как с куском сыра. И слова отдельные вроде бы уже слышны, все больше по гастрономической части: колбаса, консервы, красница, майонез под крабы... Батюшки мои, а откуда только лешие достали крабов? Ай да лешие!

Тут Балакирев улыбнулся расслабленно:

— Никакой загадки, все обычно — ключ под землей течет, в самой глуби, в каменном нутре. Слышите? Вода бормочет — ну как люди!

Серебряков вслушался и так же, как и Балакирев, расслабляясь лицом, произнес:

— А ведь верно.

— Мы еще долго будем его слышать. Ключ так под землей может идти многие километры — километров' десять, и все будет бормотать, бормотать. А потом вымахнет наверх и потечет уже по белому свету, никуда не уходя.

— А еще говорят, природа не имеет речи, — сказал майор, — она все может, она все что надо делает и никогда не ошибается.

— Природа-мать, — вспомнил Галахов школьные познания, — все создает и ничего лишнего: если тут нужен ключ, значит, только тут он и нужен, если надо, чтоб ключ говорил, значит, он говорит.

— Но вдруг то же самое будет и с дымом? Бредет дым под землей, словно эта вода, обманывает. — Майор быстро отсмолил, сигареты он курил взахлеб, большими затяжками, сорвал мокрый ольховый лист, сунул в него чинарик. Окурочек зашипел, пыхнул острым. — Все, передых окончен, вперед! — Серебряков поддел рукой под ошейник Бѣлку, которая, сидя, лапой аккуратно сбивала с черной грушки носа комаров.

Нос — самое незащищенное место у собаки, комары норовят его вообще отгрызть. Рекс действовал по-другому: врезался в кусты и сбивал с себя кровососов.

Еще долго, примерно километра полтора, они слышали подземный бормоток ключа, потом увидели, как стывая прозрачная вода вымахнула на свет из-под зеленого, заросшего осклизлым бородачом камня и дальше пошла поверху. Все верно.

— И никаких загадок природы, — констатировал майор.

Через час они вышли на сопку, поросшую мелким нездоровым кустарником — его вроде бы вот-вот должен был сдуть с сопки ветер: слишком по-сиротски непрочно он выглядел, но кустарник держался. Залегли и достали бинокли. Осмотрели все, каждый выворотень и каждый камень, каждую ложбину, — ни дыма, ни огня, ни людей. Хотя топанина была, примятости, сбита трава.

Но это еще ни о чем не говорит, топанину могли оставить звери — дикие олени, откочевавшие с севера, либо бараны. Нашли солонцы и приходят сюда лакомиться.

— Пусто, товарищ майор, — проговорил Галахов.

— Раюо опускать бинокль, друг Галахов, — сказал ему майор. —

Ищи! Когда все мы убедимся, что здесь ничего нет, тогда все и опустит бинокли. А пока ищи,— поерзал телом, устраиваясь поудобнее.— Здесь, Сергей Петрович, грибы есть?

— Есть,— Балакирев удивленно глянул на майора, затем спросил молча, одними только глазами,— а при чем здесь грибы?

— Я грибник,— пояснил майор.— Каждый человек имеет свою слабость. Моя — грибы. Люблю собирать и есть люблю.

— Разве существуют люди, которые мучаются, ломают хребтину, отыскивают разные там,— Галахов приподнял руку и пошевелил пальцами, красноречивый жест, вполне заменяет слова,— шампиньоны, ноги себе сбивают, а грибов не едят?

— Среди рыбаков — сколько угодно,— заметил Балакирев.

— Имеются такие, я знаю,— сказал Серебряков,— немного, но есть. Грибы — это грибы, и этим все сказано. Французы говорят, с грибным соусом можно проглотить что угодно, даже старое седло, не говоря уже о подошвах. Однажды на приеме у Наполеона подали блюдо, которое все съели махом, очень быстро. Поняли только, что соус был грибной, из опенка, но не поняли, что это было за блюдо. Оказалось, съели фехтовальную перчатку императора. Жареную, естественно.

— Товарищ майор, дым! — тихо, словно бы не своим голосом произнес Галахов.

— Молодец, Галахов! Где дым?

— Три березки видите? Перед ними каменная лбушка поблескивает, видите? Берите правее, в низинку.

Низинка была темной, а дым светлым, почти бесцветным — никакой желтизны, о которой говорили вертолетчики,— дым бестелесно выплывал из земной расщелины на поверхность и тихо стелился над кустами.

Серебряков прижал к глазам бинокль, он словно бы сам собирался влезть в окуляры, и предупредил:

— Главное — все видеть, все слышать и все запоминать.

Из расщелины выполз клуб пожирнее, погуще, и имел он действительно слабый древесный оттенок — выходит, правы были вертолетчики,— лег на темную ложбинку, на макушки кустов. Тяжелый был дым, он даже не сдвинулся, напластовался ватой на кусты и так и лег.

Не может такой дым просто так ползти из земли, не вулкан его рождает, не гейзеры, и нет там, в холодной теснине, никакого мыловаренного цеха, оборудованного камчатскими чертями по последнему слову техники,— там есть люди. Обязательно должны быть люди.

— Ну как, Сергей Петрович? — спросил майор у Балакирева.

— Дым коптильный.

— Значит, я был неправ, попали с ходу,— взгляд майора сделался задумчивым,— значит, они!

Небо, словно крыша, потекло вниз, словно бы к краю его подогнали состав с железом, пошло темными полосами. Казалось, сейчас пойдет дождь.

— Этого нам еще не хватало,— проворчал майор.

— Дождя не будет,— сказал Балакирев.

Таинственный подземный дым сделался еще четче, он светлым тряпичным шлейфом разлегся на кустах. Ветра не было, и дымную вату, делающую природу неряшливой, замусоренной,— появилось

что-то лишнее, хотя природа никогда ничего лишнего не допускает,— сгрести было некому.

Минут через тридцать они увидели человека, шуплого, будто бы недоразвитого — не взрослого мужа, а школьника, в большой кепке. Из тех кепок, про которые рассказывают анекдоты.

— Сергей Петрович, вы не проверяли, рыбаки какие-нибудь, охотники могут быть в этом районе?

— Проверял. Никого не должно быть. А потом — какие сейчас охотники? Не сезон.

— Ну мало ли что — зимовье подправить, консервы заранее забросить, порох.

— Это непромысловый район, товарищ майор. До промышленного еще километров сто идти на вертолете.

— И туристов никаких не может быть? Школьников, собирающих... ну, листики, травинки, цветочки? Под руководством мудрого учителя.

— Сведений у меня на этот счет нет. Не должно.

— Посмотрим, что будет дальше.— Майор подвигал застывшими ногами.

Дальше ничего не было. Человек нырнул в длинную темную ложинку, заросшую кустами, скрылся в ней вместе с кепкой, через несколько минут выволок охапку свежих поленьев.

«Значит, у них там склад,— отметил Балакирев,— и скорее всего не током дровяной — вырыта схоронка и для товара».

Человек прошел несколько метров и неожиданно стремительно исчез, будто поплавок, который утянула в воду крупная рыба.

— Уж больно дымовод занятно сконструирован, без хитромозглого умельца здесь не обошлось. Есть вроде бы коптильня, и нет ее. Дым тут случайно застревать начал — безветрие. Безветрие в наших краях — штука редкая. Потому рассчитано — дым будет сносить.

— М-да! Возможно,— майор протер свой тяжелый, изрядно ободранный бинокль: наверное, на фронте штуковина побывала, уж больно вид боевой, снова взгляделся в задымленный распадочек.— Синица в руке.

— Почему синица?

— Попадание больно редкое. Раньше был журавль, но в небе, а сейчас синица, да в руке.

— Я все о механике и рационализаторе думаю.

— Каждому свое

— Говорят, эта штука, надпись «Каждому свое», была на воротах Освенцима.

— А что сверх того, то от лукавого — все это приложится вам, да? Изречение еще до мерзопакостей гитлеровских было хорошо известно. Библейское. Много трактовок, слова разные, но мысль, в общем-то, одна. Вот такая, например: «Какой меркой мерите, такой и вам будут мерить». Или: «Дары ослепляют глаза мудрых и извращают дела праведных». Лихо сказано? — Майор, оторвавшись от бинокля, подмигнул Балакиреву лукавым глазом.— А такая? «Видеть сучок в глазу брата своего, но в своем собственном бревна не замечать». Либо: «Показать камень просящему хлеба». Все это, Сергей Петрович, вариации выражения, которое Гитлер так извратил, унизил. А какое прекрасное библейское изречение, а! Почитайте как-нибудь библию, Сергей Петрович.

— Разве можно?

— Превосходное произведение литературы. А все эти бабушкины сказки насчет того, что библия только церковная книга, читать ее можно лишь попам да служкам, чепуха! Не будет библии — человечество станет беднее, поверьте. Как у писателя бывает собрание сочинений, так и у мудрецов бывает свое собрание сочинений.

— Внимание, еще один! — произнес Галахов.

— Ай да старший лейтенант, явно быть вам капитаном! — Серебряков приложился к старому, заслуженному агрегату. — Ба-ба-ба! Нет ничего нового под солнцем! Кого я вижу! Знакомая личность. У этого человека клички все более по гастрономической части, его зовут Мякишем, реже — Буханкой, еще реже — Шашлыком. Некоторые умельцы, знающие литературу не хуже нас с вами, Сергей Петрович, — Тотошей. Помните у Чуковского? Тотоша с Кокошей. Фамилия его Блинов. Он же Кувшинников, Пичугин, Четвергов. В настоящее время находится в бегах.

— А ведь, ей-ей, помню. Приходил такой, — пробормотал Балакирев сконфуженно, словно этот самый Мякиш прятался у него дома на печке либо за загнеткой — характер участкового выказывал себя, майор уже знал, что это за характер: Балакирев чувствовал себя виновным за все, что делалось на подведомственной ему территории, если что-то случилось — значит, ответ нес он, хотя он ни слухом ни духом: преступление и затеялось без него, и свершилось без него — не знал об этом. — И как он только здесь оказался?

— У нас не одна синица в руке, Сергей Петрович, целых две! Ай-ай-ай, как же это так, а? Своя своих не познаша! Ай да Мякиш! Мякиш!

Мякиш насторожился, всплыл над самим собой, словно зверь, повел носом по воздуху.

— Никак что-то чует? — шевельнулся Галахов.

— Глухарь матерый, человека ему перекусить, что плюнуть. Если нас учует — с боем станет прорываться. Терять Мякишу нечего.

— Что будем делать, если пойдет?

— Стрелять, — коротко и жестко проговорил майор.

— Беглец?

— Думаю, и те, что с ним, тоже.

Край неба, на который надавил железнодорожный состав с металлом, выпрямился, но теплее от этого не стало. Наоборот, сделалось еще холоднее, особенно после слов майора. Если Мякиш начнет прорываться, то придется стрелять. В ту сторону Мякишу нет смысла идти: там недалеко море, пограничники, наряды, поисковые группы и быстроходные сторожевики, там для него все глухо, не уйти, — прорываться Мякиш будет только сюда, в глубь полуострова.

Мякиш продолжал крутить головой, он действительно что-то чувствовал. Был Мякиш огромен, жидковат мышцами и вроде бы неповоротлив, словно в плотный наперник, который надевается на всякую перину, чтобы не лез пух, налили воды, горловину затянули веревкой и пустили гулять: переступает наперник с ноги на ногу, колышется мягко, вода в нем булькает, но это только внешнее: «наперник» обладал чудовищной силой, резким ударом, который и профессионал-боксер не выдержит, ножом владел, как фокусник, из пистолета стрелял, словно американский «зеленый берет», — все это Серебряков знал.

Мякиш поднял руку, почесал под мышкой, передвинулся метра на два в сторону — милиционерам даже почудилось, что они услышали, как бултыхнулось его жидкое страшное тело, снова принюхался. Поднял вторую руку, обработал и там подмышку.

— Это не глухарь и не волк,— произнес Балакирев, пригибая стекла бинокля: Мякиш смотрел в их сторону, а вдруг засечет блеск линз, заволнуется? — Это что-то большее,— зацепил зубами прошлогоднюю былинку-соломинку, которая, отжив свое, так и не родилась вновь, осталась сохнуть.— Я теперь знаю одно: Мякишу на белом свете жить... была б моя воля — не жить ему,— дернул соломинку.

— Что-то Мякиш чует, ей-богу, чует.

— Не спугнем мы его? Может, пора уходить? — спросил Галахов.

— Рано. Надо выяснить, сколько их тут. Мы видели двоих, а сколько осталось? — Майор изогнулся бубликом, бублик из него не получился, вышла калорийная булка, сшиб десятка три комаров, впившихся в брюки и преспокойно сквозь ткань сосавших сдобное тело, похвалил себя — все-таки большой он мастак, Серебряков, раз столько уколошил, засек легкий треск в кустах и стих.

— Собаки,— пояснил Балакирев,— я их отдыхать отправил, чтоб не терлись.

— Шумят, яко тати в ночи.— Майор не слышал и не видел, как уполномоченный гнал собак в комариную звень, в мокрядь и холод кустов — такие псы достойны восхищения.— Вы чем их кормите, Сергей Петрович?

— По-разному. Похлебкой, мясом, рыбой, хлебом. Иногда им Клавдия Федоровна специально готовит.

— Покормите их сегодня лучше.

Балакирев недоуменно глянул на майора, хотел сказать, что не заработали — подчиняться хозяину каждая собака должна, это не заслуга, но ничего не стал говорить, кивнул только: раз майор сказал, что надо лучше покормить собак, он покормит.

— Все! Спускаемся вниз.— Проворно и ловко, на животе отработал задний ход — ни одна былка не шелохнулась, а шеломанник, на котором лежал полнотелый Серебряков, дрогнул, словно живой, зашевелился и с хрустом начал распрямляться.

Вот что значит привык человек не оставлять после себя следов, вот что значит профессионал!

Нельзя сказать, чтобы они узнали про незнакомцев много, но кое-что узнали. Во-первых, поняли, что это люди хитрые, тертые жизнью,— не все из них такие, как Мякиш, но задатки Мякиша имелись у всех.

Их было четверо. Первый — Мякиш, о котором майор сказал все, второй... второго, чтобы как-то отделить от остальных и вообще всех отличать друг от друга, прозвали Альпинистом. Альпинист — тот самый, что не мужик и не ребенок. Третий — Бюллетень. Лицо у него было желтым, хворым, с острыми углами, щеки втянуты воронками внутрь, губы темные, будто у сердечника,— явно человек чем-то болен. Насчет четвертого разошлись — у него наметились две клочки. Он показался один только раз, выволок из скрытого ледника большую рыбину, тускло блеснувшую в свете хвостом, приподнял ее, словно хотел показать наблюдателям, но не удержал

лосоя и сам не удержался — задом сел на землю. На заминку вылетел Мякиш, отлаял растяпу, тот выдернул из-за пояса поварешку, хотел было садануть ею начальничка, но одумался и поцеловал поварешку в дно. Поднял рыбину за хвост и исчез. Сам исчез, а вот некий рисунок, след его остался и совмещался с рыбьим хвостом. За ним сквозь землю провалился и Мякиш. Галахов предложил четвертого назвать Хвостом — по ассоциации. Балакирев был другого мнения.

— Он у них штатный кашевар, принеси-подай, верно? Назовем его Похлебкиным. Очень это романтично. А?

Всё маленькая радость жизни — позволить себе назвать человека Похлебкиным.

Если подъем проходил плохо, ноги оскользались, вязли, ступить было не на что, ухватиться тоже не за что, сердце давало знать даже у молодого Галахова — он пожаловался, что сердце у него, как у пьяницы, отрыгивается в уши, — то спуск проходил еще хуже.

Земля вдруг поворачивалась боком, человек на ней зависал, метил руками, пытаясь удержаться, но не удерживался, хлопался на пятую точку и с тяжелым гудом, будто грузовик, мчался по скользкой крутизне вниз. Рядом неслись собаки, простреливая пространство телами и словно бы подстраховывая людей.

Если на сопке, на самом гребне, никаких следов вроде бы не оставили, то здесь проложили целую дорогу.

— Слово бы трелевочный трактор с бревнами прошел. — Майор был недоволен. — Если Мякиш пронюхает, он нам волчьи капканы поставит.

— Кулему. Кулема страшнее капкана, — добавил Балакирев. Он-то меньше всех измазался, предпочитал по сырости скользить на ногах, местные тренировки, как говорится, сказались. — Раньше кулемы на медведя ладили, а сейчас его, сердечного, все больше петлями берут.

— На гольце этом мы еще побываем, — добавил майор, ухватился руками за гибкий, с красноватой крепкой лозой куст, вывернулся всем телом, крикнул, лова раскрытым ртом воздух, завалился на старый, покрытый сочным зеленым мхом, будто шерстистой скатеркой, выворотень, так кстати подвернувшийся. В глазах его мелькнуло что-то забытое — видно, майор, ходя в открытую на преступников, забывал, что такое испуг, выжигал в себе страх, считая его позором, а тут вон какая неловкость, крикнул еще раз, задыхаясь, — его начало выкручивать и из-за выворотня — Балакирев вовремя сориентировался, вроде бы тоже невзначай замахал руками и легко скользнул на длинных ногах наперерез майору. — С этим гольцом мы еще попотеем, — просипел Серебряков устало, — бревна эти, разных мякишей да похлебкиных тяжело будет выволакивать из распадка.

Балакирев виновато приподнял плечи: других путей нет.

(Окончание следует.)

ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО

— Да, я полюбила его сразу! А что, разве вы, граждане судьи, не верите в любовь с первого взгляда?

Вопрос этот прозвучал в зале судебных заседаний одного из районных народных судов г. Москвы при рассмотрении дела о признании брака недействительным.

Что ж; в жизни возможно всякое, но в данном случае поверить в любовь с первого взгляда было трудно.

Однако ответить на этот вопрос должен был суд, тщательно выяснив все обстоятельства возникновения и развития необыкновенного и, согласитесь, крайне редкого чувства.

А история была такова...

В одном из городов Туркмении работала инженер Наталья Владимировна Т. и часто ездила в командировки в Москву. Вскоре она поняла, что жить вдали от прекрасной столицы больше не может. Требовалось срочно стать москвичкой.

И план созрел.

Через знакомую — сотрудницу московской жилищно-эксплуатационной конторы нашелся жених. Жил он один, имел, правда, лишь небольшую комнату в коммунальной квартире, но ведь известно, что с милым рай и в шалаше. Тем более в московском.

И вот разгорелась та самая любовь с первого взгляда... Ничто, казалось, не могло ей помешать — ни то, что Сергей был моложе всего на какие-то двенадцать лет, ни то, что он страдал хроническим алкоголизмом, в прошлом был судим за кражу, периодически менял места работы, а нередко и вообще не работал.

Взглянула Наталья на будущее «семейное гнездышко» — ободранную, грязную комнату, без мебели, постельного белья, посуды, и сердце у нее сжалось от боли: надо срочно спасти любимого, создать комфорт в доме, привести его самого и жилище в божеский вид. Однако жених словам не верил — требовал материальное подтверждение чувствам.

Договорились быстро: 1000 рублей за регистрацию брака и прописку в Москве, а потом видно будет. «Жених» получил задаток — 200 рублей.

Подав заявление в загс, Наталья Владимировна поспешила в родной туркменский город за семьей — ее там ждали мать и четырехлетний сын. Она возвратилась в Москву к свадьбе. Но ее ждало небольшое огорчение: жених не только прокутил задаток, но и пропил всю свою одежду. Пришлось одеть его в буквальном смысле с ног до головы, так как не то чтоб в загс — в коридор квартиры не в чем было выйти.

Но что не сделаешь для любимого! И вот наконец все пройдено — Наталья стала москвичкой, любящей женой и вместе с матерью и

ребенком прописалась в 14-метровой комнате Сергея, определив его самого на стационарное лечение от алкоголизма.

Теперь семейству предстоял следующий этап — стать очередниками по улучшению жилищных условий: ведь подумать только, четыре человека ютятся в маленькой комнатухе! Увы, здесь все и застопорилось... И сосед по квартире, казалось, стал разгадывать планы предприимчивой женщины, и Сергей требовал еще денег, и, главное, после обращения в исполком райсовета с заявлением о принятии на учет отношениями супругов заинтересовалась прокуратура. Но Наталья Владимировна не сдавалась. Почувствовав неладное, она всеми силами пыталась создать видимость трудной, но счастливой семейной жизни.

Муж в больнице, и она, любящая, заботливая жена, готовит ему домашнюю еду. Причем делает это так, чтобы все видели ее заботу.

— К мужу в больницу иду, нужно кое-что приготовить, а у нас что-то газ плохо горит. Можно у вас сварить? — обращалась Наталья к соседям по лестничной площадке.

Потом эти люди по ее просьбе будут вызваны в суд, чтобы подтвердить наличие семейных отношений.

И даже тогда, когда в суде был заявлен иск прокурора о признании этого брака недействительным, фиктивным, она продолжала упорствовать, рассказывала об их с Сергеем необыкновенной любви. В то же время, давая суду показания, Наталья сослалась и на то обстоятельство, что климат Туркмении ей не подходит по состоянию здоровья.

«Муж» вел себя в суде более достойно: он признал, что пошел на эту сделку ради денег — хотелось выпить, а не на что.

— Находясь в безразличном состоянии, я дал согласие на ее предложение...

Суд удовлетворил иск прокурора и принял решение признать этот брак недействительным, фиктивным, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Жалоба на решение суда незадачливой «жены» оставлена Московским городским судом без удовлетворения, и Наталья возвратилась в родные края. Так плачевно закончилась эта «любовная» история.

А вот другая.

Чувства Николая Михайловича С. не были столь стихийными и бурными, как у Натальи Т., но и ему нельзя отказать в упорстве и настойчивости в достижении цели. Жил этот человек со своей семьей — женой и дочерью — в небольшом уральском городке и занимался ремонтом радиоаппаратуры.

Однако тайная мечта этого человека манила и его в Москву. Да не одного, с семьей. Вместе с супругой был разработан совершенно «гениальный» план.

Неожиданно для всех знакомых и соседей супруги С., прожившие, казалось, в мире и согласии более шестнадцати лет, расторгли брак. Свободный от семейных уз, Николай Михайлович прибыл в столицу, попросив предварительно приятеля-москвича познакомить его с одинокой женщиной, имеющей квартиру. И такая вскоре нашлась. Рассказав ей трогательную историю своих мучений в бывшей семье, Николай Михайлович предложил руку и, как уверял, сердце, а главное, паспорт со штампом о разводе.

Правда, москвичка сдалась не сразу — Николаю пришлось уха-

живать за ней полгода. И вот, наконец, награда за труды: их брак освящен загсом.

«Семейное счастье» было недолговечным — всего один «медовый» месяц, необходимый для оформления прописки в квартире жены. После этого муж сразу перестал принимать участие в хозяйственных расходах, устраивал беспричинные скандалы, пропадал из дома, а затем потребовал развода и раздела квартиры. Возмущенная женщина обратилась к прокурору.

В суде также рассматривалось дело о признании недействительным и этого брака. Под давлением доказательств Николай Михайлович признал, что его целью было не семейное счастье, а прописка в Москве. После решения суда он вынужден был удалиться из столицы и снова попасть в объятия своей супруги.

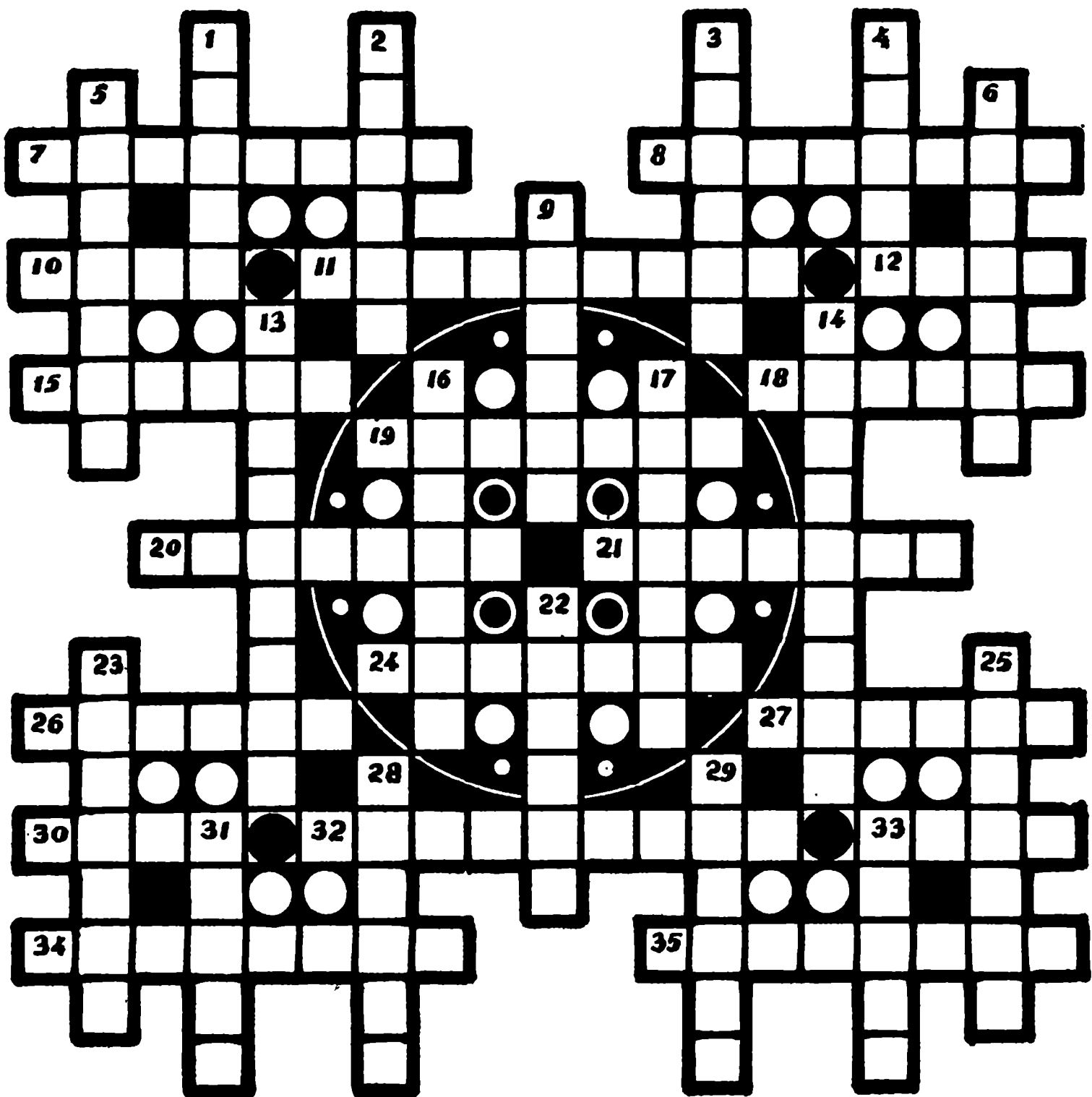
Поясним для тех, кто под прикрытием любви с первого взгляда собирается устраивать свои дела с пропиской, что в соответствии с законом — статьей 43 Кодекса о браке и семье РСФСР (аналогичные статьи КоБС других союзных республик) — одним из условий признания брака недействительным является его фиктивность, то есть регистрация без намерения создать семью.

Брак может быть признан недействительным только в судебном порядке по искам супруга и лица, права которого нарушены заключением этого брака, а также органов опеки и попечительства или прокурора.

Целью вступления в такой брак является не установление семейных отношений, а приобретение одной или обеими сторонами имущественных или иных благ, что ярко иллюстрируют приведенные примеры судебной практики.

Брак считается недействительным со времени его заключения, и, следовательно, у лиц, состоящих в таком браке, не возникает прав и обязанностей супругов (в частности, права на жилую площадь, наследство, пенсию и т. д.). Исключение составляют дети, родившиеся в таком браке, — они приравнены в правах к детям, которые родились от законного брака родителей, и поэтому имеют права на получение алиментов, пенсии и др.

Н. НИКОЛЬСКАЯ

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 7. Частный сыщик, ведущий расследование уголовного дела. 8. Русский поэт-сатирик, дипломат, ввел в оборот русской речи слово «депутат». 10. Необходимое условие юридической ответственности. 11. Советский кинорежиссер, постановщик фильма «Крах». 12. Союз мужчины и женщины, порождающий взаимные права и обязанности. 15. Английский драматург, автор пьесы «Судья». 18. Принудительное доставление в орга-

ны дознания, к следователю, прокурору или в суд. 19. Первый комендант Смольного, комендант Московского Кремля. 20. Распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений. 21. Советский кинорежиссер, постановщик фильмов «Чрезвычайное поручение», «Лично известен». 24. Лицо, частично или полностью утратившее трудоспособность. 26. Лицо, дающее ручательство в успехе чего-либо. 27. Собрание всех членов Верховного

Суда СССР или Верховного Суда союзной республики. 30. Ресурсы, запасы чего-либо. 32. Договор, регулирующий правовое положение католической церкви в данном государстве и его отношение с папским престолом. 33. Международный договор. 34. Письменное обязательство о чем-либо. 35. Один из участников преступления.

По вертикали: 1. Форма охраны личных и имущественных прав и интересов недееспособных граждан. 2. Председатели палат в парламентах ряда зарубежных государств. 3. Открытое похищение государственного, общественного или личного имущества. 4. Невыгодные для кредитора имущественные последствия, возникающие в результате правонарушения, допущенного должником. 5. Вид множественности преступлений. 6. Советский актер, снимавшийся в фильме «Приключения Шерлока Холмса». 9. Глава, раздел, часть в каком-либо документе, перечне. 13. Решение, вынесенное судом по конкретному делу, осно-

нование которого считается правилом, обязательным для других судов при решении аналогичных дел (Англия, США). 14. Вводная часть законодательного или иного акта. 16. Русский юрист и дипломат, вице-президент Европейского института международного права. 17. Соглашение сторон о замене одного заключенного ими обязательства другим. 22. Нападение с целью завладения государственным, общественным или личным имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, подвергающегося нападению. 23. Герой фильма «Это случилось в милиции». 25. Обязанность, круг деятельности. 28. Склонение на свою сторону деньгами, подарками. 29. Деятельность, направленная к благополучию кого-либо. 31. Французский поэт-песенник, автор поэмы «Русская жалоба». 33. Преступление, состоящее в нанесении потерпевшему множества ударов.

Составитель И. Челединов,
Винницкая область.

Ответы на чайнворд, опубликованный в № 1: 1. По. 2. Отцовство. 3. Оговор. 4. Руденко. 5. Обыск. 6. Калым. 7. Мегрэ. 8. Эксперт. 9. Труд. 10. Детектив. 11. Вина. 12. Аренда. 13. Алкоголик. 14. Крылов. 15. Высылка. 16. Адамов. 17. Выговор. 18. Развод. 19. Деликт. 20. Тяжба. 21. Астафьев. 22. Взяточничество. 23. Осмотр. 24. Растрата. 25. Адвокат. 26. Тунеядец. 27. Ценз. 28. Залог. 29. Грабеж. 30. Жаров. 31. Выпад. 32. «Дело».

Сдано в набор 25.11.86. Подписано в печать 22.12.86. А 03225.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 9,40.
Усл. кр.-отт. 7,56. Тираж 10 173 000 экз. (1-й завод: — 2 473 000 экз.).
Изд. № 59. Заказ № 4124.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП.
Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рисунки А. Оганесяна.

